

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2003

Лоцманская карта
российско-японских отношений

XVI съезд КПК
и стратегия развития Китая

Межкорейские отношения:
взгляд из России

Закат японского
“экономического чуда”

Книга о восточно-азиатском
векторе политики России

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2003

Март - Апрель

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и четыре раза в год на англий-
ском языках

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о принятии Российско-японского плана действий.....	6
Российско-японский план действий.....	8

ПОЛИТИКА

<i>В.Павлятенко.</i> Лоцманская карта российско-японских отношений.....	21
<i>Я.Бергер.</i> XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая.....	29
<i>В.Михеев.</i> Экономика СВА: не состоявшееся (пока) единство. (Проблема стратегического видения).....	52
<i>А.Жебин.</i> Межкорейские отношения: взгляд из России.....	65
<i>А.Сизоненко.</i> Консорциум научных центров АТЭС и проблемы безопасности в АТР.....	80

ЭКОНОМИКА

<i>Г.Пирогов.</i> Закат японского “экономического чуда”.....	84
<i>И.Стрелец.</i> Глобализация и новые информационные технологии в международном экономическом пространстве.....	101

А.Тарасов. Очерк сравнительного анализа экономического развития сопредельных территорий России и Китая (на примере Читинской области и Внутренней Монголии).....	108
Л.Ходов. Автомобильный рынок Китая — объект интересов германских концернов	121

ИСТОРИЯ

Ма Луншань. Дискуссия китайских ученых по вопросам о народничестве и китайской революции.....	126
А.Хисамутдинов. Профессор юриспруденции и востоковед В.А.Рязановский (Из истории российской эмиграции в Китае).....	136

КУЛЬТУРА

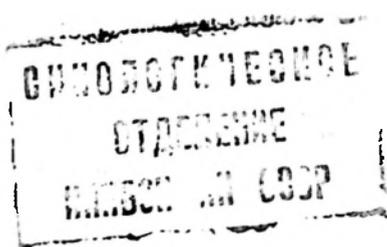
Е.Завидовская. Постмодернизм и современная китайская литература (Интервью китайских ученых).....	143
В.Буров. Памятные места Китая. Цюаньчжоу.....	150
Ю.Смертин. Кисэн: “Цветы на обочине”.....	157

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Д.Смирнов. Научно-теоретическая конференция в ЦИПИК ИДВ РАН	164
А.Соловьев. Презентация русского перевода древней корейской летописи “Самгук саги” (“Исторические записки Трех государств”).....	168

РЕЦЕНЗИИ

А.Григорьев, А.Ломанов. Титаренко М.Л. Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор.....	170
Г.Яскина. Государства Азиатско-Тихоокеанского региона: новые вызовы безопасности. Материалы круглого стола.....	175
А.Юркевич. Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.).....	178
Т.Цыдыпов. Страницы прошлого. (Из истории политики Советского Союза на Корейском полуострове в 40-80-е гг.) Материалы серии круглых столов.....	184
Е.Бажанов. Яскина Г.С. Монголия и внешний мир.....	188

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

В.Павлятенко. Лоцманская карта российско-японских отношений

Статья написана в жанре комментария к тексту Российско-японского плана действий, подписанного Президентом России и Премьер-министром Японии в ходе официального визита главы японского государства в Россию 9-12 января 2003 года. Анализируя разделы этого плана, автор дает оценку значимости принятых решений для развития всеобъемлющих отношений между Россией и Японией на среднесрочную перспективу. Одновременно предпринята попытка дать собственную оценку объективным и субъективным обстоятельствам, которые потенциально могут тормозить поступательное развитие двусторонних отношений. В своей итоговой оценке автор высказывает твердое мнение в своевременности подписания данного документа.

Я.Бергер. XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая

Автор отмечает, что сохранение на предстоящее двадцатилетие стабильно высоких темпов экономического роста рассматривается как главное средство становления сильного и процветающего Китая. Действующие механизмы поддержания экономического роста мало способствуют обеспечению высокой занятости населения. Важным путем решения этой социальной проблемы и ряда других может служить развитие негосударственного сектора экономики, что требует создания необходимых экономических, политических, институциональных, социально-психологических предпосылок. Важнейшее значение на перспективу придается урбанизации и формированию среднего класса, что придаст социально-экономическому развитию Китая устойчивый и долговременный характер и будет способствовать модернизации страны к середине XXI века.

В.Михеев. Экономика СВА: не состоявшееся (пока) единство. (Проблемы стратегического видения)

Статья представляет новый взгляд на экономику Северо-Восточной Азии, главными силами которой являются Япония, Китай и Южная Корея, как на единое целое и содержит попытку определить место России в новой региональной экономической конфигурации.

А.Жебин. Межкорейские отношения: взгляд из России

Автор анализирует события, произошедшие на Корейском полуострове после межкорейского саммита, стратегию и тактику сторон в ходе начавшегося диалога. Он считает, что корейское урегулирование и в обозримом будущем останется сложным и противоречивым процессом. Политические и экономические различия накладывают ограничения на развитие сотрудничества между КНДР и РК. В то же время все больше признаков того, что оно постепенно обретает собственную динамику.

А.Сизоненко. Консорциум научных центров АТЭС и проблемы безопасности в АТР

В статье характеризуются структура и цели новой исследовательской организации, объединяющей около 100 научных центров в странах АТЭС, излагаются проблемы, обсуждавшиеся ее участниками на последних заседаниях в Тяньчжоу (КНР) и Мериде (Мексика).

Г.Пирогов. Закат японского “экономического чуда”

Автор считает, что стагнация японской экономики в конце XX — начале XXI вв. носит структурный характер. Политика экономической либерализации, в особенности либерализация движения капиталов, оказала разрушительное воздействие на положение так называемых головных банков японских финансовых групп. Корпорации лишились координирующих центров на самом верхнем уровне, но остались в плену различного рода взаимных обязательств. Спекулятивный бум в области недвижимости и на фондовой бирже, начавшийся в середине 80-х годов прошлого века, закончился крахом в начале 90-х годов. С тех пор японская банковская система не может преодолеть эти серьезные проблемы. Трудности в экономике Японии обусловлены и ее тесной привязкой к экономике США. Вследствие особых геополитических условий они не могут быть преодолены на путях либерализма.

И.Стрелец. Глобализация и новые информационные технологии в международном экономическом пространстве

В результате проведенного анализа автор приходит к выводу: Азиатско-Тихоокеанский регион обладает хорошими возможностями для широкого и активного участия в мировом информационном пространстве, которое является сегодня важным условием успешного экономического развития любой страны региона.

А.Тарасов. Очерк сравнительного анализа сопредельных территорий России и Китая

Анализируя ход и перспективы экономического развития Читинской области и пограничной с ней Внутренней Монголии, автор приходит к выводу, что развитие сотрудничества этих территорий будет способствовать процессу интеграции восточных окраин России в экономическое пространство СВА.

Л.Ходов. Автомобильный рынок Китая — объект интересов германских концернов.

В статье рассказывается, как за последние три с лишним десятилетия германские автозаводы осваивали китайский рынок. Сегодня в Германии нет ни одного крупного автомобильного предприятия, которое не экспортировало бы свою продукцию в Китай или же не создало в этой стране свои производственные мощности. По расчетам, к 2007 г. на этих предприятиях должно производиться 800 тыс. автомобилей в год.

Ма Луншань. Дискуссия китайских ученых по вопросам о народничестве и китайской революции

В статье освещаются основные моменты дискуссии в среде китайских ученых, начавшейся в 80-е годы прошлого века, об истоках и степени влияния народничества на политическую платформу Компартии Китая, в том числе на взгляды и политику Мао Цзэдуна до и после победы китайской революции в 1949 г.

В.Завидовская. Постмодернизм и современная китайская литература

Вопросы истоков и проявлений постмодернизма в современной литературе КНР рассматриваются в интервью автора с китайскими учеными-филологами —признанными специалистами по этой проблеме.

Документы

Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о принятии Российско-японского плана действий

Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, разделяя точку зрения о том, что в современных условиях, когда в международном сообществе идет процесс активного образования новых форм межгосударственного взаимодействия, основанных на принципах свободы и демократии, роль и ответственность Российской Федерации и Японии в мире возрастают и им необходимо еще теснее сотрудничать;

понимая важность активизации совместных усилий по укреплению на основе целей и принципов Устава ООН международного мира, безопасности и решению актуальных глобальных проблем, в первую очередь в вопросах противодействия международному терроризму;

исходя из того, что укрепление взаимодействия Российской Федерации и Японии на глобальном и региональном уровнях будет способствовать развитию отношений между ними и отвечает интересам всего международного сообщества;

подтверждая, что Российская Федерация и Япония, разделяющие универсальные ценности свободы, демократии, верховенства права и уважения основных прав человека, и впредь намерены прилагать усилия к строительству отношений созидательного партнерства, отвечающего стратегическим и геополитическим интересам двух стран;

осознавая, что в условиях, когда во взаимоотношениях Российской Федерации с ее ведущими зарубежными партнерами происходят кардинальные позитивные изменения, требуется путем активизации сотрудничества в различных сферах вывести российско-японские отношения на уровень, который соответствовал бы их потенциальным возможностям, что имело бы стратегическое значение для ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе и в мире в целом;

стремясь к окончательному преодолению трудного наследия прошлого в двусторонних отношениях и открытию новых горизонтов для широкого российско-японского партнерства и подтверждая решимость посредством энергичных переговоров по возможности скорее заключить мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи и достичь таким образом полной нормализации двусторонних отношений на основе достигнутых до настоящего времени договоренностей, в том числе Совместной декларации СССР и Японии 1956 года, Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 года, Московской декларации об

установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией 1998 года, Заявления Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора 2000 года и Иркутского заявления Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора 2001 года;

высоко оценивая роль подписанной в сентябре 2000 года "Программы углубления сотрудничества в торгово-экономической области" в развитии двусторонних торгово-экономических связей и отмечая необходимость еще более широкой и эффективной реализации потенциала сотрудничества между двумя странами в этой сфере;

отмечая роль технического содействия со стороны Японии, в том числе по линии японских центров, которое способствовало переходу Российской Федерации к рыночной экономике, а также выражая уверенность в том, что полная интеграция Российской Федерации в систему мировой экономики, в том числе присоединение России к деятельности ВТО, поддерживаемое Японией, отвечает интересам всего мирового сообщества в целом;

будучи убежденными в том, что проведение комплекса японских культурных и иных мероприятий в России в 2003 году и осуществление в будущем аналогичных российских акций в Японии, а также широкое развитие обменов между представителями различных слоев общественности двух стран будут способствовать дальнейшему углублению дружбы, доверия и взаимопонимания между российским и японским народами;

подчеркивая важность осуществления конкретных мер для обеспечения динамичного и всестороннего развития российско-японского сотрудничества, приняли прилагаемый Российско-японский план действий и заявили о намерении обеих стран вести совместную работу по претворению в жизнь его положений.

**ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В.ПУТИН**

**ПРЕМЬЕР-МИНИСТР
ЯПОНИИ
ДЗ.КОИДЗУМИ**

Москва, 10 января 2003 года

Российско-японский план действий

1. Углубление политического диалога: "Продвижение многоуровневого и всестороннего диалога"

В результате активного диалога на различных уровнях в последние годы в российско-японских связях углубилось доверие и взаимопонимание, и они достигли самого высокого за всю историю их развития уровня, определены магистральные направления движения двух стран к построению созидательного партнерства. За короткий срок со времени официального визита Президента В.В. Путина в Японию в сентябре 2000 года до визита Премьер-министра Дз.Коидзуми в Россию в январе 2003 года состоялось пять встреч на высшем уровне. Использовались различные возможности для осуществления тесных контактов между министрами иностранных дел. Утвердилась практика обменов визитами на уровне руководителей оборонных ведомств. Кроме того, до настоящего времени состоялось шесть заседаний Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам под сопредседательством заместителя Председателя Правительства Российской Федерации и Министра иностранных дел Японии. Активно осуществлялись контакты между руководителями министерств и ведомств Российской Федерации и Японии, способствовавшие решению практических вопросов двустороннего сотрудничества. Углубились также связи по линии высших законодательных органов двух стран.

Дальнейшие действия

В целях дальнейшего развития российско-японских отношений и укрепления взаимодействия на международной арене Россия и Япония будут и впредь стремиться к нижеследующему:

активизировать диалог на высшем уровне путем придания регулярного характера контактам между руководителями Российской Федерации и Японии, активного использования возможностей организации встреч между ними в ходе многосторонних форумов, регулярного проведения телефонных разговоров, в том числе по "горячей линии" между Кремлем в Москве и Канцелярией Премьер-министра Японии в Токио, вопрос о создании которой согласовывается;

прилагать дальнейшие усилия к расширению контактов на высоком уровне путем активного осуществления встреч между министрами иностранных дел, поддержания практики взаимных визитов Министра обороны Российской Федерации и Начальника Управления обороны Японии, регулярного проведения заседаний Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам и использования возможностей для встреч ее Сопредседателей, других контактов на уровне министров и руководителей ведомств, включая встречи на многосторонних международных форумах;

содействовать, исходя из того, что активные межпарламентские контакты служат важным фактором упрочения позитивных тенденций в российско-японских отношениях, дальнейшему расширению обменов между представителями народов своих стран депутатами парламентов путем осуществления

взаимных визитов Председателей верхней и нижней палат Федерального Собрания Российской Федерации и Председателей палат Представителей и Советников Парламента Японии, обменов между парламентскими комиссиями и депутатскими ассоциациями, межпартийных обменов и контактов по различным вопросам между отдельными депутатами.

2. Переговоры по мирному договору; "Преодолеть трудное наследие прошлого и открыть новые горизонты широкого российско-японского партнерства"

В результате продолжавшихся до настоящего времени энергичных переговоров между двумя странами достигнуты важные договоренности, в том числе Совместная декларация СССР и Японии 1956 года, Токийская декларация о российско-японских отношениях 1993 года, Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией 1998 года, Заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора 2000 года и Иркутское заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора 2001 года. Создан механизм для подготовки решения этого сложного вопроса — сформирована Совместная российско-японская комиссия по вопросам заключения мирного договора, возглавляемая министрами иностранных дел обеих стран, в рамках которой учреждены подкомиссии по пограничному размежеванию и совместной хозяйственной деятельности. Осуществлен комплекс мер по разъяснению общественности обеих стран важности поступательного развития российско-японских отношений и заключения мирного договора. Проводились различные двусторонние форумы и семинары, включая российско-японский форум "Российско-японские отношения в Азиатско-тихоокеанском регионе в условиях глобализации", подготовлен "Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией". Это способствовало активному обсуждению проблематики мирного договора между экспертами, учеными и специалистами двух стран. В дискуссиях на эту тему также активно участвовали парламентарии обеих стран. В результате сделан совместный вывод о том, что для продвижения переговоров по вопросу о заключении мирного договора необходимо обеспечение в двусторонних отношениях атмосферы, избавленной от эмоций и предвзятости,

Углублению взаимопонимания между двумя народами способствовало осуществление безвизовых обменов между жителями островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи (далее именуемые "острова") и японскими гражданами, т.н. свободных посещений островов, а также других контактов. С 1991 года в таких обменах приняли участие около 10 тыс. граждан России и Японии.

Обеспечивается успешный промысел рыболовными судами Японии в районе островов на основе подписанного в 1998 году Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов.

Правительством Японии по линии Комиссии по содействию в течение последних 10 лет оказывалось содействие жителям островов.

Дальнейшие действия

Российская Федерация и Япония, стремясь к новому качеству двусторонних отношений и исходя из осознания важности дальнейшего углубления взаимопонимания, уважения друг друга и укрепления взаимного доверия, будут энергично продолжать процесс поиска взаимоприемлемого решения проблемы заключения мирного договора. При этом обе страны будут:

активизировать переговоры в целях скорейшего выхода на решение еще остающихся проблем, исходя из понимания того, что Совместная деклара-

ция СССР и Японии 1956 года, Токийская декларация о российско-японских отношениях 1993 года, Иркутское заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора 2001 года и другие договоренности составляют базу для переговоров с целью заключения мирного договора путем решения вопроса о принадлежности островов и достижения таким образом полной нормализации двусторонних отношений. Обе страны подтверждают, что при проведении переговоров весьма важно поддержание в российско-японских отношениях атмосферы взаимопонимания, доверия и широкого взаимовыгодного сотрудничества по различным направлениям;

продолжать, исходя из Заявления Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора 2000 года, усилия по разъяснению общественности обеих стран важности заключения мирного договора и поступательного развития двусторонних отношений во всех областях, включая совместную подготовку и распространение соответствующих информационных материалов;

прилагать усилия для дальнейшего развития безвизовых обменов между жителями островов и японскими гражданами, уделяя при этом особое внимание таким формам, как молодежные и детские контакты, изучение языка друг друга, а также совершенствования практики т.н свободных посещений островов с учетом договоренности об организации максимально облегченного режима таких поездок;

проводить в рамках Российско-Японского комитета по вопросам охраны окружающей среды обмен мнениями по экологической тематике с учетом осуществляемых в рамках безвизовых обменов совместных экологических исследований в районе островов;

осуществлять, по мере необходимости, сотрудничество по эффективному оказанию Японией жителям островов содействия, отвечающего гуманитарным целям. Япония намерена продолжать оказание такого содействия в будущем;

продолжать на взаимовыгодной основе сотрудничество, предусмотренное Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов 1998 года, исходя из понимания того, что данное Соглашение способствует укреплению российско-японских отношений и углублению доверия между двумя странами,

искать устраивающие обе страны формы совместной хозяйственной деятельности в районе островов в рамках деятельности подкомиссии по совместной хозяйственной деятельности.

3. Сотрудничество на международной арене: "Продвижение диалога и действия в качестве стратегических партнеров"

В последние годы активно развивалось российско-японское взаимодействие в решении актуальных международных проблем в рамках ООН, "восьмерки", а также механизмов Азиатско-тихоокеанского региона, таких как форум Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Асеановский региональный форум (АРФ) и др.

Россия и Япония укрепляли взаимодействие в интересах эффективной борьбы с международным терроризмом, актуальность которой существенно возросла после событий сентября 2001 года в США. В ноябре 2002 года состоялись первые российско-японские консультации по противодействию международному терроризму.

Расширилось сотрудничество в области контроля за вооружениями, разоружения и нераспространения. Россия и Япония координировали действия в

рамках международных нераспространенческих режимов и способствовали продвижению многостороннего диалога по разоруженческой проблематике.

Осуществлялось взаимодействие в рамках созданного в 1993 году Комитета по сотрудничеству в целях содействия в области ликвидации подлежащего сокращению в Российской Федерации ядерного оружия. При содействии Японии был создан и начал функционировать комплекс по переработке жидких радиоактивных отходов "Ландыш" на Дальнем Востоке России. Между соответствующими организациями двух стран последовательно развивалось сотрудничество в области изучения способов утилизации избыточного оружейного плутония с использованием российских реакторов на быстрых нейтронах, и уже проведена предварительная утилизация. Кроме того, Россия и Япония взаимодействовали по линии Международного научно-технического центра (МНТЦ).

В последние годы кардинально расширился круг обсуждаемых в ходе консультаций по линии МИД России и МИД Японии региональных вопросов, укрепилась координация действий в решении актуальных международных проблем. По линии соответствующих подразделений МИДов проводятся консультации по внешнеполитическому планированию, полезные с точки зрения определения средне- и долгосрочных перспектив развития международной обстановки.

Дальнейшие действия

В соответствии с положениями Совместного заявления Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о взаимодействии в международных делах, подписанного в сентябре 2000 года, и Совместного заявления Министра иностранных дел Российской Федерации и Министра иностранных дел Японии о взаимодействии в борьбе с международным терроризмом, подписанного в феврале 2002 года, обе страны будут и впредь:

сотрудничать по широкому кругу вопросов поддержания и укрепления мира и стабильности - как в глобальном, так и в региональном измерении;

(в области взаимодействия с целью решения международных проблем) активно продвигать сотрудничество в ООН, "восьмерке" и прочих международных механизмах, предпринимая согласованные действия в различных международных вопросах:

осуществлять активный обмен информацией о потенциальных угрозах по различным каналам, развивать взаимодействие по антитеррористической проблематике, используя учрежденный формат двусторонних консультаций по противодействию терроризму, а также сотрудничая при обсуждении тематики борьбы с терроризмом в рамках многосторонних структур, в том числе поддерживая усилия, направленные на скорейшее принятие антитеррористических конвенций в первую очередь Всеобъемлющей конвенции по борьбе с терроризмом и Конвенции о противодействии актам ядерного терроризма:

продолжать сотрудничество в целях оказания помощи Афганистану и сопредельным с ним государствам. Россия и Япония будут прилагать усилия к осуществлению соответствующего сотрудничества в целях пресечения распространения наркотиков с территории Афганистана в районе таджико-афганской границы;

активизировать скоординированные действия по всему комплексу вопросов функционирования ООН с целью увеличения возможностей Организации действовать оперативно и эффективно в соответствии с требованиями и вызовами современного мира. Обе страны исходят из того, что еще большее повышение роли и авторитета Совета Безопасности, в том числе путем проведения его реформы на основе достижения общей договоренности стран-членов ООН, занимает особое место в процессе реформирования ООН. Российская

Федерация подтверждает свою поддержку кандидатуре Японии в постоянные члены Совета Безопасности;

расширять взаимодействие в рамках "Группы восьми", а также сотрудничать в процессе подготовки к проведению саммита "восьмерки" в 2006 году в России, в том числе путем обмена имеющимся опытом. Япония позитивно относится к поэтапному расширению формата российского участия в обсуждении вопросов финансовой повестки дня в процессе подготовки и проведения саммитов "восьмерки";

(в сфере контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения) содействовать укреплению международного мира и стабильности, а также предпринимать действия, направленные на сохранение и совершенствование существующей системы международных договоров в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения. Япония приветствует заключенный 24 мая 2002 года между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки Договор об ограничении стратегических наступательных потенциалов, рассматривая его в качестве основы для дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений;

укрепить механизм координации действий в целях ускорения реализации проектов, согласованных в рамках Комитета по сотрудничеству в области ликвидации подлежащего сокращению в Российской Федерации ядерного оружия, и обеспечить последовательное осуществление проектов, связанных с демонтажем выведенных из состава флота атомных подводных лодок на Дальнем Востоке России;

активизировать усилия по реализации "Основных направлений" Глобального Партнерства "восьмерки" в целях продвижения в их рамках проектов в области нераспространения, разоружения, противодействия терроризму, а также обеспечения безопасности ядерной энергии, объектом которых является Россия;

активно сотрудничать в рамках предпринимаемых по линии "восьмерки" усилий, направленных на определение способа утилизации избыточного оружейного плутония;

способствовать сотрудничеству по линии Международного научно-технического центра (МНТЦ);

(при обсуждении региональных проблем)

активно содействовать продвижению сотрудничества в Азиатско-тихоокеанском регионе, в том числе в рамках АРФ, придавая большое значение вопросам обеспечения безопасности и укрепления доверия. Япония приветствует намерение России подключиться к деятельности Форума "Азия-Европа" (АСЕМ);

поддерживать, исходя из понимания необходимости снижения напряженности на Корейском полуострове, а также поддержания и укрепления мира и стабильности в Северо-Восточной Азии, конструктивные усилия заинтересованных стран, направленные на разрешение всех проблем Корейского полуострова путем диалога. В этой связи Япония подчеркивает важность урегулирования нерешенных между Японией и Северной Кореей проблем, в том числе проблемы похищений японских граждан и проблем, касающихся обеспечения безопасности, на основе Пхеньянской декларации, подписанной руководителями Японии и КНДР 17 сентября 2002 года, а также нормализации японо-северокорейских отношений. Россия подтверждает намерение по возможности оказывать содействие процессу нормализации отношений между Японией и Северной Кореей в соответствующей форме;

способствовать мирному урегулированию всех вопросов, связанных с ядерной программой КНДР, в интересах укрепления режима нераспространения

ния и обеспечения безъядерного статуса Корейского полуострова. Россия и Япония выражают сожаление и глубокую озабоченность по поводу недавнего развития ситуации в связи с северокорейской ядерной программой и заявления КНДР о намерении выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и отказаться от выполнения обязательств по Соглашению о сотрудничестве и гарантиях с МАГАТЭ. В данном контексте обе страны подтверждают необходимость скорейшего отказа КНДР от такого намерения и незамедлительного выполнения резолюций Совета управляющих МАГАТЭ от 29 ноября 2002 года и 6 января 2003 года, требующих от КНДР полного и безотлагательного сотрудничества с МАГАТЭ, а также призывают все заинтересованные страны к продолжению диалога в целях политического решения соответствующих вопросов;

углублять сложившийся между Россией и Японией тесный диалог на высоком уровне по проблемам, связанным с ситуацией на Корейском полуострове;

сотрудничать в интересах создания многостороннего диалогового механизма в области обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии;

взаимодействовать с тем, чтобы Ирак в полной мере и без всяких предварительных условий сотрудничал с международными инспекторами и не препятствовал осуществлению их деятельности, а также добиваться полного выполнения Ираком всех соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, включая резолюцию о ликвидации оружия массового уничтожения:

содействовать проведению мирных переговоров с целью создания благоприятных условий для построения палестинского государства на основе принципов международного права и демократии;

предпринимать скоординированные шаги - как на двусторонней основе, так и в рамках многосторонних механизмов с тем, чтобы способствовать укреплению доверия в Южной Азии;

сотрудничать в целях имплементации принятого на саммите "восьмерки" в Кананаскисе "Плана действий" в отношении Африки;

продолжать регулярные консультации по линии министерств иностранных дел двух стран, а также, в случае необходимости, проводить консультации по вопросам поддержания региональной безопасности с участием представителей оборонных ведомств в целях расширения взаимодействия в решении актуальных международных проблем.

4. Сотрудничество в торгово-экономической области: "Через доверие и совместные действия к взаимной выгоде"

Сотрудничество в торгово-экономической и научно-технической сферах относится к числу стратегических приоритетов российско-японских отношений. В последнее время обеими странами предприняты шаги по развитию взаимодействия в этих областях, в том числе созданы и функционируют диалоговые механизмы как на правительственном уровне, так и с участием представителей деловых кругов.

Важную роль в развитии двусторонних торгово-экономических отношений сыграла принятая в сентябре 2000 года "Программа углубления сотрудничества в торгово-экономической области", в которой были определены основные ориентиры соответствующего взаимодействия России и Японии. Развитию экономических связей и урегулированию нерешенных проблем способствовала деятельность Российско-Японской межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам.

Наряду с этим, регулярно осуществлялись двусторонние контакты между представителями деловых кругов, в частности, регулярно проводились совместные заседания Российско-японского и Японо-российского комитетов по экономическому сотрудничеству. Кроме того, в июне 2001 года состоялся визит

в Россию делегации Федерации экономических организаций Японии (Кэйданрэн).

Россия приветствует применение с марта 2002 года Банком международного сотрудничества Японии в отношении Внешторгбанка России новой формы банковского кредита, не требующего гарантий со стороны Правительства Российской Федерации, а также предпринятые Японией меры по смягчению условий внешнеторгового страхования сделок с Россией.

Переходу России к рыночной экономике способствовало техническое и интеллектуальное содействие со стороны Японии, направленное на ускорение реформ в Российской Федерации, оказывавшееся в том числе по линии Японских центров, Центров малого и среднего предпринимательства, учрежденных на Дальнем Востоке России Японской ассоциацией содействия торговле с Россией и странами Восточной Европы ("РОТОБО"), а также Японской организации содействия развитию внешней торговли ("ДЖЕТРО). До настоящего времени около 18 тыс. россиян приняли участие в различных семинарах, организованных в семи созданных на территории Российской Федерации Японских центрах, и около 2200 человек прошли стажировку в Японии. Развивалось сотрудничество в области энергетики. Проведены российско-японские межправительственные консультации по вопросам энергетики, и проведено ТЭО с целью отобрать проекты в рамках "совместного осуществления", предусмотренного Киотским протоколом.

Представители деловых кругов двух стран активно участвуют в международных проектах Сахалин-2, в рамках которого уже начата добыча нефти, и Сахалин-1, где ведется подготовка к началу выпуска продукции. Кроме того, частными компаниями проведено ТЭО строительства газопровода между Сахалином и Японией, по результатам которого сделан вывод о технологической и коммерческой перспективности данного проекта,

Проводились заседания Российско-Японского комитета по вопросам охраны окружающей среды, в рамках различных международных механизмов развивалось российско-японское сотрудничество по глобальным экологическим проблемам, прежде всего по проблемам изменения климата.

На основе имеющихся двусторонних соглашений осуществлялось взаимовыгодное сотрудничество в области рыболовства. С января 2002 года активно проводятся российско-японские консультации по проблемам борьбы с незаконным промыслом и контрабандой морепродуктов, по итогам которых достигнуты важные результаты с точки зрения сохранения морских живых ресурсов и поддержания порядка в ходе промысла.

Осуществлялось взаимодействие по линии Российско-Японской комиссии по научно-техническому сотрудничеству и Российско-Японской комиссии по сотрудничеству в космосе. Контактывали между собой, в том числе в рамках форума "Россия-Япония. Передовые науки и технологии", представители деловых кругов. Продвигалось сотрудничество на частном уровне в космической области.

Ведутся переговоры по выработке нового межправительственного Соглашения о воздушном сообщении. Развитию сотрудничества в области воздушного сообщения способствовали консультации между авиационными властями Российской Федерации и Японии.

В июле 2002 года состоялась Конференция по развитию сотрудничества в области туризма на Дальнем Востоке, растет интерес деловых кругов обеих стран к этой сфере.

Дальнейшие действия

В целях дальнейшего расширения торгово-экономических связей России и Японии будут предпринимать следующие действия по последовательно-

му претворению в жизнь "Программы углубления сотрудничества в торгово-экономической области между Российской Федерацией и Японией":

(в вопросах продвижения торгово-инвестиционного взаимодействия)

активизировать деятельность Российско-Японской межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам, а также ее Подкомиссии по торговле и инвестициям и Подкомиссии по вопросам экономических отношений с дальневосточным регионом Российской Федерации в целях рассмотрения еще более широкого круга двусторонних торгово-экономических вопросов;

содействовать расширению российско-японского торгово-инвестиционного взаимодействия. Россия будет предпринимать дальнейшие меры в направлении улучшения инвестиционного климата. Япония, отмечая устойчивый рост экономики Российской Федерации, будет по линии Японской ассоциации содействия торговле с Россией и странами Восточной Европы ("РОТОБО"), Японской организации содействия развитию внешней торговли ("ДЖЕТРО") и других организаций предпринимать меры по предоставлению представителям деловых кругов информации, в частности, о ходе экономических преобразований в России;

активизировать рассмотрение вопроса о скорейшем создании российско-японской организации по содействию торговле и инвестициям;

рассматривать вопрос о возможностях дальнейшего расширения гибких форм кредитования совместных проектов, включая кредитование под гарантии корпораций и банков, участвующих в реализации тех или иных проектов;

поощрять, в интересах увеличения двустороннего оборота товаров и услуг, развитие контактов между представителями деловых кругов, включая активные обмены соответствующими делегациями, оказывать взаимное содействие в вопросах проведения торгово-экономических и научно-технических выставок, ярмарок и презентаций;

(в вопросах интеграции России в международную экономическую систему)

взаимодействовать в целях вступления России в ВТО. Япония выражает поддержку намерению Российской Федерации вступить в ВТО и будет с учетом потребностей России рассматривать возможность передачи ей необходимых для решения этой задачи знаний и опыта в качестве одной из форм технического и интеллектуального содействия. Россия намерена продолжать необходимые преобразования в области законодательства и правоприменения с целью их приведения в соответствие с нормами и правилами ВТО;

(в сфере технического и интеллектуального содействия России)

взаимодействовать по мере необходимости в целях эффективного оказания Японией технического и интеллектуального содействия России, в том числе по линии Японских центров и Японской ассоциации содействия торговле с Россией и странами Восточной Европы ("РОТОБО"), что способствует развитию рыночной экономики в России и укреплению экономических отношений между двумя странами, Япония подтверждает намерение расширять такое содействие России. Россия и Япония будут проводить консультации по вопросам дальнейших направлений осуществления по линии Японских центров технического и интеллектуального содействия России. Япония при осуществлении технического содействия будет принимать во внимание приоритетные области экономической политики, осуществляемой Правительством Российской Федерации, в том числе развитие малого и среднего предпринимательства;

активизировать работу в направлении скорейшего подписания нового Меморандума о деятельности Японских центров, который определит, в том числе, их возможные функции в системе двусторонних торгово-экономических связей;

укреплять сотрудничество по реализации Программы подготовки управленческих кадров предприятий и Программы подготовки государственных служащих;

(в области энергетики)

активизировать работу по подготовке документа о сотрудничестве в энергетической области, который определит направления дальнейшего укрепления взаимодействия в данной сфере;

развивать сотрудничество в освоении энергетических ресурсов Дальнего Востока Российской Федерации и Сибири, а также создании газо- и нефтепроводов для их транспортировки, разделяя понимание, что реализация соответствующих взаимовыгодных с экономической точки зрения проектов внесет значительный вклад в развитие дальневосточного региона Российской Федерации и Сибири, будет способствовать стабилизации ситуации на мировом рынке энергоресурсов, а также повышению уровня энергетической безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе и мире в целом. В данной связи Россия и Япония будут рассматривать на официальном и частном уровнях вопросы продвижения практического взаимодействия в реализации проектов транспортировки энергоресурсов и поддерживать развитие сотрудничества по линии предприятий двух стран в разработке месторождений нефти и газа на Дальнем Востоке России и в Сибири, которое будет возникать по мере осуществления таких проектов;

прилагать усилия по обеспечению условий для успешной реализации проектов Сахалин-1 и Сахалин-2 и соответствующих соглашений о разделе продукции, а также других связанных с ними проектов, уделяя при этом должное внимание вопросам охраны окружающей среды;

продолжать рассмотрение возможностей конкретизации взаимодействия в рамках механизма "совместного осуществления" по вопросам сокращения выбросов парниковых газов, в том числе в рамках двусторонних консультаций по вопросам энергетики;

продолжать обмен мнениями по вопросам расширения двустороннего сотрудничества в области энергетики в рамках российско-японских консультаций по вопросам энергетики;

(в сфере атомной энергетики)

регулярно проводить российско-японские консультации по вопросам атомной энергетики;

продолжать сотрудничество в исследованиях, касающихся мирного использования атомной энергии, в том числе по вопросам о реакторах на быстрых нейтронах;

(в области экологии)

активизировать работу Российско-Японского комитета по вопросам охраны окружающей среды и последовательно претворять в жизнь соответствующие проекты двустороннего сотрудничества;

прилагать усилия, подтверждая важность адекватного реагирования на проблему глобального потепления климата, к выработке единых для всех государств норм в этой области. Россия будет продвигать процесс подготовки к ратификации Киотского протокола;

продолжать совместные учения по предотвращению и ликвидации последствий разливов нефти, а также сотрудничество в рамках "Плана действий в северо-западной части Тихого океана" (NOWPAP) в целях укрепления системы предотвращения загрязнения моря в Японском и Охотском морях, а также в северо-западной части Тихого океана. Россия и Япония будут также взаимодействовать в рамках "Сети мониторинга выпадений кислотных осадков в Восточной Азии" (EANET);

(в сфере сохранения и использования биоресурсов)

развивать взаимовыгодное сотрудничество в области рыболовства. Россия и Япония будут активно взаимодействовать в рамках Комиссии по урегулированию претензий, связанных с рыболовством;

сотрудничать в области устойчивого лесопользования, в том числе по проблемам, связанным с предотвращением незаконных лесозаготовок, в рамках программы "Азиатского лесного партнерства" и других механизмов, в которых обе страны принимают участие;

(в области науки и техники)

углублять диалог в рамках Российско-Японской комиссии по научно-техническому сотрудничеству и последовательно осуществлять проекты российско-японского научно-технического взаимодействия. При этом будет поощряться развитие научно-технического сотрудничества между представителями деловых кругов. Будет продолжено рассмотрение вопроса о привлечении к участию в сессиях вышеуказанной Комиссии в качестве наблюдателей представителей деловых кругов;

поощрять развитие сотрудничества в области связи и информационных технологий между представителями деловых кругов;

продолжать рассмотрение возможных форм и методов осуществления морских научных исследований;

осуществлять тесную координацию действий и сотрудничество в рамках международных консультаций, проводимых в целях успешной реализации проекта ИТЭР (Международного термоядерного экспериментального реактора);

(в области космоса)

продолжать в рамках Российско-Японской комиссии по сотрудничеству в космосе и других механизмов рассмотрение вопроса о возможностях расширения двустороннего сотрудничества в этой области. Кроме того, Россия и Япония будут и в дальнейшем изучать возможности международного взаимодействия в сфере освоения космического пространства и эксплуатации Международной космической станции;

(в области транспорта и туризма)

активно вести переговоры с целью скорейшего заключения нового российско-японского соглашения о воздушном сообщении;

продолжать обмен мнениями по вопросам функционирования Транссибирской магистрали, включая проведение встреч специалистов частного сектора;

поддерживать инициативы представителей деловых кругов по развитию туризма;

(в вопросах межрегионального сотрудничества)

активизировать деятельность Подкомиссии по вопросам экономических отношений с дальневосточным регионом Российской Федерации в целях укрепления экономических связей между Дальним Востоком России, Сибирью и Японией;

рассматривать вопросы о формах экономических связей между Сахалинской областью Российской Федерации и Японией, учитывая, в том числе, ее географическую близость с Японией;

поощрять направление японских делегаций по поиску и продвижению проектов небольшого масштаба в дальневосточном регионе Российской Федерации, а также содействовать дальнейшему укреплению экономических связей между представителями деловых кругов Дальнего Востока России и Японии;

оказывать возможное содействие развитию экономических связей между субъектами Российской Федерации и префектурами Японии.

5. Развитие связей в оборонной и правоохранительной областях: "В интересах мира и безопасности России и Японии"

В результате предпринятых Российской Федерацией и Японией усилий произошло заметное расширение связей между оборонными и правоохранными ведомствами двух государств, что стало важным фактором укрепления взаимного доверия.

В области оборонных контактов дважды осуществлен обмен визитами Министра обороны Российской Федерации и Начальника Управления обороны Японии, регулярно проводились взаимные поездки делегаций высокопоставленных представителей оборонных ведомств, успешно осуществлялись межведомственные консультации, а также взаимные визиты боевых кораблей, утвердилась практика проведения совместных учений по поиску и спасанию на море и тренировок,

Между правоохранительными ведомствами России и Японии получило развитие сотрудничество в области противодействия международному терроризму, международной организованной преступности, включая незаконный оборот наркотиков и оружия и нелегальные пересечения границ, а также браконьерскому промыслу морепродуктов. В последние годы неоднократно проводились двусторонние и многосторонние консультации с участием представителей ведомств, обеспечивающих безопасность на море.

Дальнейшие действия

Обе страны будут и впредь активно осуществлять следующее взаимодействие:

(в области обменов по линии оборонных ведомств)

последовательно осуществлять двусторонние военные обмены путем регулярного проведения визитов на высоком уровне, прежде всего Министра обороны Российской Федерации и Начальника Управления обороны Японии. а также консультаций с участием представителей оборонных ведомств двух стран, осуществления взаимных визитов боевых кораблей и проведения в их ходе совместных учений по поиску и спасанию на море и тренировок, ежегодных консультаций в соответствии с "Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о предотвращении инцидентов на море за пределами территориальных вод и в воздушном пространстве над ним" от 13 октября 1993 года, а также продолжения обменов по линии военных исследовательских и учебных заведений;

в ближайшем будущем осуществить визит Начальника Управления обороны Японии в Российскую Федерацию для обсуждения путей укрепления двустороннего взаимодействия и доверия в оборонной сфере;

регулярно проводить заседания Совместной рабочей группы с участием представителей Министерства обороны Российской Федерации и Управления обороны Японии по развитию военных обменов и укреплению мер доверия, рассматривая в их ходе, в том числе, вопросы совершенствования базы взаимодействия в оборонной сфере;

(в области сотрудничества между правоохранительными ведомствами и службами)

активно сотрудничать в целях противодействия угрозам со стороны международного терроризма и международной организованной преступности, в частности таким, как незаконный оборот наркотиков и оружия, а также борьба с нелегальной торговлей похищенными автомобилями;

продвигать взаимодействие в интересах борьбы с незаконным промыслом и контрабандой морепродуктов, считая полезными рабочие контакты по этим вопросам между соответствующими заинтересованными ведомствами и службами;

регулярно осуществлять встречи между представителями правоохранительных органов;
развивать сотрудничество между ведомствами, обеспечивающими подержание безопасности на море;
совершенствовать обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью.

6. Развитие культурных связей и обменов между гражданами двух стран: "В интересах углубления взаимопонимания и дружбы".

Россия и Япония, исходя из того, что расширение культурных и гуманитарных обменов способствует развитию межгосударственных связей, укреплению дружбы и взаимопонимания, последовательно развивали связи в этой области, основанные на глубоком интересе российского и японского народов к культуре друг друга. В июле 2002 года вступило в силу двустороннее Соглашение о культурных связях.

К настоящему времени 1396 человек приняли участие в программах молодежных обменов, что способствовало углублению взаимопонимания между народами России и Японии,

В мае 2001 года и в мае 2002 года проведены российско-японские форумы на тему "Российско-японские отношения в Азиатско-тихоокеанском регионе в условиях глобализации".

В октябре 2002 года между консульскими властями России и Японии проведены консультации, итоги которых способствовали дальнейшему расширению обменов между гражданами двух стран.

Дальнейшие действия

Стремясь к углублению двусторонних отношений на основе развития дружбы и взаимопонимания между двумя народами, Российская Федерация и Япония будут:

осуществлять сотрудничество на основе Соглашения о культурных связях. В ближайшем будущем состоится первое заседание Российско-Японского Комитета по культурным обменам, созданного в соответствии с Соглашением; укреплять сотрудничество, направленное на успешное проведение представляющего российскому народу японские традиции и культуру "Фестиваля японской культуры в России - 2003", а также аналогичных российских мероприятий, знакомящих японцев с культурными ценностями России;

стремиться к совершенствованию молодежных обменов, а также поощрять продвижение контактов между студентами, молодежными организациями и представителями общественных организаций, включая НПО:

поощрять проведение совместных форумов, семинаров и других мероприятий;

по линии научно-исследовательских организаций и учреждений, в частности, взаимодействовать в вопросах, связанных с проведением третьего Российско-Японского Форума "Российско-японские отношения в Азиатско-тихоокеанском регионе в условиях глобализации" по линии российского центра стратегических разработок и японского Национального института стратегических разработок (NIRA);

оказывать поддержку контактам по линии "Российского комитета 21 века" и "Форума японо-российской дружбы 21";

предпринимать шаги по продвижению переводческого и издательского дела, подготовке и распространению материалов, представляющих народам двух стран информацию о России и Японии;

вести поиск возможностей дальнейшего расширения культурно-просветительских обменов между Россией и Японией, включая контакты между художественными галереями, музеями и библиотеками;

развивать спортивные обмены;

содействовать укреплению контактов на региональном уровне, включая рассмотрение вопросов совершенствования связей между субъектами Российской Федерации и префектурами Японии, а также между городами обеих стран;

вести по линии консульских служб обеих стран рассмотрение возможностей для дальнейшего упрощения визовых режимов в целях создания условий для максимально широкого общения между россиянами и японцами.

Министерства иностранных дел Российской Федерации и Японии будут осуществлять регулярное рассмотрение вопросов, связанных с реализацией сотрудничества, осуществляемого на основе настоящего Плана действий.

Политика

Лоцманская карта российско-японских отношений

© 2003

В. Павлятенко

Восточный вектор российской внешнеполитической стратегии в силу целого ряда объективных причин является исключительно важным с точки зрения обеспечения национальной безопасности и национальных интересов России. Совершенно очевидно, что эта стратегия, как и на других направлениях, выстраивается с учетом приоритетов, которые обуславливаются различными категориями интересов. На этой шкале интересов российско-японские отношения занимают весьма важное место.

За последние 10 лет двусторонние отношения заметно прогрессировали и на сегодня Россия и Япония пришли к пониманию и договоренности о необходимости «прилагать усилия к строительству отношений созидательного партнерства, отвечающего стратегическим и геополитическим интересам двух стран». За этими словами стоит не только готовность двух соседних государств уважать интересы друг друга, но и признание важности и взаимозависимости каждого из партнеров в обеспечении безопасности и процветания народов России и Японии.

Отмечая безусловный в целом прогресс в двусторонних отношениях, следует одновременно подчеркнуть, что развитие российско-японских отношений последних лет носило несколько "перекошенный" характер — доминировала политическая составляющая, в то время как экономическая компонента оставалась и продолжает оставаться на "неприлично" низком для России и Японии уровне. Подобная ситуация во многом носила обусловленный характер, связанный с реальностями продолжающейся экономической реформы в России. В то же время диспропорция в развитии политических и экономических отношений создавала предпосылки для негативной оценки политики Японии в отношении России, как «односторонней, преследующей только собственные интересы в ущерб интересам России». Значимость таких оценок возрастала в связи с «резкими шатаниями» японского курса в отношении России после прихода к власти в Японии премьер-министра Дз. Коидзуми. Однако последовательный курс России в отношении Японии и быстро меняющаяся ситуация в мире стали основными факторами формирования новых прагматических подходов Токио к его всесторонним отношениям с Москвой.

Поворотным пунктом стала встреча Президента России и премьер-министра Японии в июле 2002 г. на саммите «Большой восьмерки» в Кананаскисе, где оба лидера пришли к согласию о необходимости проведения встречи на высшем уровне для решения текущих проблем двусторонних отношений и обсуждения планов развития созидательного партнерства на будущее. Такая встреча состоялась во время первого официального визита японского премьер-министра Дз.Коидзуми в Россию 9-12 января 2003 года.

Главным итогом указанного визита стало подписание Российско-японского плана действий (далее Плана — В.П.). Цель Плана — придать «новое качество двусторонним отношениям, исходя из осознания важности дальнейшего углубления взаимопонимания, уважения друг друга и укрепления взаимного доверия», а так же активизация сотрудничества в различных сферах, имея в виду «вывести российско-японские отношения на уровень, который соответствовал бы их потенциальным возможностям, что имело бы стратегическое значение для ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом». По оценке Президента России, данный План был выработан с целью создания «базы для развития отношений по всем областям, не в последнюю очередь, в сфере экономики», а его новизна заключается в «комплексном характере». «Это своеобразная путеводная карта, — подчеркнул Президент России на пресс-конференции после подписания Плана действий, — которая позволяет развивать отношения по ключевым направлениям».

План охватывает весь комплекс двусторонних отношений, затрагивающий практически все направления сотрудничества цивилизованных государств: политический диалог, переговоры по заключению всеобъемлющего договора, взаимодействие на международной арене, сотрудничество в торгово-экономической области, развитие связей в оборонной и правоохранительной областях, развитие культурных связей и обменов между гражданами двух стран. Новый двусторонний документ отличается и структурной новизной: постановка конкретных задач развития сотрудничества осуществляется на основе подведенных в самом тексте Плана итогов взаимоотношений за последние годы. План рассчитан на среднесрочную перспективу — 5-10 лет, период, в течение которого российско-японские отношения должны приобрести новое качество и получить сильный импульс «для обеспечения динамичного и всестороннего развития российско-японского сотрудничества».

Какие же задачи ставит План перед Россией и Японией в среднесрочной перспективе, насколько они выполнимы и каковы перспективы развития двусторонних отношений в целом?

1. Углубление политического диалога: «Продвижение многоуровневого и всестороннего диалога».

На основе прежде достигнутых результатов по определению «магистральных направлений движения двух стран к построению созидательного партнерства», стороны считают необходимым следующее:

- активизировать диалог на высшем уровне за счет регулярного характера разнообразных контактов между руководителями обеих стран, в том числе и посредством «горячей линии», которая создается впервые;

- расширить контакты на высоком уровне: между внешнеполитическими и оборонными ведомствами и их руководителями, по линии Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам, на уровне министров и руководителей других ведомств;

- содействовать дальнейшему расширению обменов между представителями законодательных органов обеих стран, межпартийных обменов, персональных контактов между депутатами парламентов.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемая область является наиболее «продвинутой» во всем комплексе двусторонних отношений. Именно политический диалог между двумя странами протекает наиболее динамично и его результаты, как правило, носят конкретный, предметный характер. Как на положительный момент следует указать на то обстоятельство, что именно политический диалог между Россией и Японией за прошедшие годы никогда не прерывался, несмотря на наличие известных «предлогов» для его свертывания. Как представляется, указанное обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует об адекватном понимании важности двусторонних отношений для каждого из партнеров, а с другой — является залогом успеха реализации данной части Плана.

2. Переговоры по мирному договору: «Преодолеть трудное наследие прошлого и открыть новые горизонты широкого российско-японского партнерства».

В рамках данного блока Плана стороны определили для себя следующий круг задач:

- активизировать переговоры в целях скорейшего выхода на решение еще остающихся проблем;
- продолжать усилия «по разъяснению общественности двух стран важности заключения мирного договора»;
- прилагать усилия для дальнейшего развития безвизовых обменов между жителями островов и японскими гражданами;
- продолжить на взаимовыгодной основе сотрудничество в области промысла морских биоресурсов; искать устраивающие обе страны формы совместной хозяйственной деятельности в районе островов в рамках функционирования подкомиссии по совместной хозяйственной деятельности.

Проблема заключения «мирного договора», связанная, прежде всего, с «решением территориального вопроса» — главная политическая проблема в двусторонних отношениях. Не ставя своей целью анализ историко-правовых аспектов «территориального вопроса», отметим одно важное обстоятельство. На сегодня нет предпосылок к разрешению данного вопроса в близкой перспективе в силу двух факторов: для России решение данной проблемы давно вышло за рамки «политического мужества», а японская сторона ни политически, ни морально не готова к каким-либо компромиссам в своей чрезвычайно жесткой позиции. В этом смысле План не внес практически никаких изменений в объективно сложившуюся ситуацию. Формулировки об условиях, целях и средствах заключения мирного договора кочуют из одного документа в другой на протяжении более 10 лет. И тот факт, что в аккумулированном виде они нашли отражение в новом документе, свидетельствует лишь об отсутствии вариантов компромисса между обеими сторонами.

Японская сторона в первые месяцы текущего года неоднократно продемонстрировала неизменность своей бескомпромиссной позиции. Накануне и во время официального визита в серии интервью и выступлений Дз. Коидзуми неоднократно подчеркивал, что застой в двусторонних экономических отношениях напрямую связан с «отсутствием мирного договора и нерешенностью территориальной проблемы». На митинге по случаю национального «Дня возвращения северных территорий» 7 февраля 2003 г. японский премьер-министр вновь заявил о своей решимости подписать мирный договор только на условии решения вопроса о 4-х островах. После официального визита японского премьер-министра в Россию в парламенте Японии впервые была создана специальная группа из числа членов парламента, ставящих своей задачей «возвращение северных территорий». Следует подчеркнуть, что эти и другие «мероприятия» нацелены, прежде всего, на внутреннее потребление, на использование «территориального вопроса» в борьбе за укрепление политических позиций нынешнего японского премьер-министра. Однако, как представ-

ляется, хотя российская сторона и понимает «особенности текущего периода» в Японии, тем не менее, такие действия японской стороны не только в известной мере омрачают атмосферу двусторонних отношений, но и, как ни парадоксально, ослабляют ее собственные позиции на переговорах с Россией.

Более перспективными представляются мероприятия, намеченные в данном разделе Плана, которые по своей сути нацелены на создание атмосферы взаимного сотрудничества, взаимопонимания и укрепления доверия. Именно реализация этих мероприятий должна будет стать основным результатом выполнения задач, поставленных в данном блоке Плана.

3. Сотрудничество на международной арене: «Продвижение диалога и действия в качестве стратегических партнеров».

Сотрудничество на международной арене в целом уже давно является важной составляющей российско-японских отношений и представляет собой ту область сотрудничества, в которой достигнуты конкретные позитивные результаты, укрепляющие двусторонние отношения в целом. В Плане намечены следующие магистральные направления данного сотрудничества:

- взаимодействие с целью решения международных проблем;
- сотрудничество в сфере контроля над вооружениями, в области разоружения и нераспространения;
- взаимодействие при обсуждении региональных проблем;

В рамках этих магистральных направлений выделяются такие конкретные вопросы как: взаимодействие в широком плане по антитеррористической проблематике, активизация скоординированных действий по всему комплексу вопросов функционирования ООН, расширение взаимодействия в рамках «Группы восьми», углубление сложившегося между Россией и Японией диалога на высоком уровне по проблемам, связанным с ситуацией на Корейском полуострове, сотрудничество в интересах создания многостороннего диалогового механизма в области обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии и др.

Договоренность на высшем уровне о сотрудничестве на международной арене была достигнута еще в 1998 г. в рамках Московской декларации об установлении созидательного партнерства. Свое развитие эта договоренность получила в «Совместном заявлении Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о взаимодействии в международных делах» (сентябрь 2000 г.) и «Совместном заявлении Министра иностранных дел Российской Федерации и Министра иностранных дел Японии о взаимодействии в борьбе с международным терроризмом» (февраль 2002 г.). Нынешний План — углубленная детализация проблем и расширение направлений взаимного сотрудничества, направленного на поддержание и сохранение международной стабильности и безопасности в целом.

Оценивая перспективы данного сотрудничества необходимо иметь в виду следующее. Становление Японии в качестве одного из главных участников международного процесса происходило в рамках тесного военно-политического союза с США, которые определяли и продолжают во многом определять — прямо или косвенно — степень самостоятельности действий своего союзника. Это обстоятельство сказывается сегодня при формировании позиции Японии в отношении войны с Ираком и развития ситуации на Корейском полуострове. Совершенно очевидно, что самостоятельный выбор Японией военно-политического союзника стал выбором и реального стратегического партнера — США. В этой связи естественно, что при определенных ситуациях это обстоятельство будет доминировать в позиции Японии и в процессе сотрудничества с Россией в международных делах. Токио будет учитывать фактор российско-американских отношений. Так в частности, в ходе январского визита в Россию начальник Управления национальной обороны Японии (УНО) С. Исиба весьма осторожно отреагировал на предложение министра обороны РФ о со-

вместных действиях по исследованию проблем создания и самому созданию региональной ПРО ТВД в Северо-Восточной Азии. Такую же осторожную позицию Япония занимает в вопросах военно-технического сотрудничества с Россией. Совершенно очевидно и закономерно, что «тень» союзнических отношений с США во многом будет определять уровень и пределы российско-японского сотрудничества в сфере обеспечения безопасности и в области военно-технического сотрудничества. Вместе с тем, с учетом долгосрочных тенденций развития всеобъемлющей международной обстановки, поставленные в Плане задачи российско-японского сотрудничества на международной арене могут создать предпосылки для повышения качества этого сотрудничества.

4. Сотрудничество в торгово-экономической области. «Через доверие и совместные действия к взаимной выгоде».

Сотрудничество в торгово-экономической и научно-технической сферах относится к числу стратегических приоритетов российско-японских отношений. Эти приоритеты были определены в «Программе углубления сотрудничества в торгово-экономической области между российской Федерацией и Японией» (сентябрь 2000 г.) и получили свое развитие в настоящем Плане. Эти приоритеты включают:

- продвижение торгово-инвестиционного взаимодействия;
- техническое и интеллектуальное содействие России;
- сотрудничество в области энергетики, в том числе атомной;
- сотрудничество в области экологии, сохранения и использования биоресурсов;
- сотрудничество в области науки и техники, космоса, транспорта и туризма;
- взаимодействие в вопросах межрегионального сотрудничества и др.

Программа экономического и научно-технического сотрудничества основана не столько на объективных потребностях партнеров, сколько на их объективных возможностях взаимовыгодного взаимодействия в указанных областях. Одно из важных направлений сотрудничества в рассматриваемой области — межрегиональное сотрудничество, сотрудничество между приморскими префектурами Японии и дальневосточными субъектами России. Именно эта форма сотрудничества содержит в себе потенциал быстрой и конкретной отдачи, способствующей формированию системы экономической взаимозависимости, которая станет основой углубления взаимопонимания и взаимного доверия между нашими двумя странами и их народами.

Вместе с тем, как представляется, на пути реализации рассматриваемого блока Плана действий достаточно много объективных препятствий.

Во-первых, взаимодополняемость российской и японской экономик не является абсолютным фактом текущего периода. Не использование действительно существующего двустороннего потенциала экономического взаимодействия обусловлено реальным состоянием экономик России и Японии, которые находятся на разных стадиях экономического и технологического развития. Япония находится на переходном этапе к постиндустриальному обществу, Россия — в замедленном темпе движется к созданию основ рыночной экономики. Во внешнеторговом обороте Японии доля России составляет немногим более 1% (18-е место после Малайзии, Таиланда, Индонезии). Даже в сырьевом обеспечении Японии доля России составляет менее 1% по стоимости. Ни по одной из статей импорта и экспорта Японии Россия не занимает существенных позиций за исключением редкоземельных металлов. В равной мере в качестве экспортного рынка Россия на сегодня не соответствует потенциальным экспортным возможностям Японии. Экономическая значимость России для экономической безопасности Японии носит минимальный характер.

Во-вторых, объективно существующая заинтересованность японских деловых кругов в развитии "цивилизованных" экономических взаимоотношений с Россией не может быть реализована на современном этапе и в силу реалий российского рынка. По мнению японских экономистов, в России до сих пор отсутствуют такие важные условия для нормального функционирования японского бизнеса и капитала как:

- стабильность и предсказуемость вертикали власти и макроэкономики;
- наличие отлаженного механизма административного регулирования, четко определяющего разграничения полномочий между центром и регионами;
- наличие развитой рыночной инфраструктуры — банков, страховых компаний, бирж, рынка земли, недвижимости, механизмов определения издержек и ценообразования, налогового права и др.;

- наличие эффективного механизма экономического стимулирования на федеральном и региональном уровнях, особенно в вопросах поощрения инвестиционной деятельности;

Эти и целый ряд других конкретных факторов заставляют японский капитал занимать выжидательную позицию, что используется политическим руководством страны как фактор политического торга.

В-третьих, кризис в инвестиционно-промышленном сотрудничестве объективно обусловлен неудовлетворительным финансовым состоянием российских партнеров, которые не могут выдавать гарантийные обязательства. Японский капитал более жестко и прагматично, чем другие западные партнеры, подходит к политическим и иным рискам, существующим на российском рынке. Важной предпосылкой для активизации деятельности японского капитала на российском рынке может быть только 100% государственная гарантия всех важных инвестиционных проектов.

В-четвертых, конкретные проблемы стагнации в области торговли во многом обусловлены следующими факторами:

- несовершенным законодательным обеспечением внутри и внешнеэкономической деятельности;
- сложной, экономически неоправданной и произвольно применяемой в региональном формате системой налогообложения;
- малоэффективной и плохо контролируемой таможенной системой;
- экономически неоправданной и негарантированной с точки зрения безопасности системы транспортировки грузов и др.;
- изменением структуры промышленного производства в России в пользу преимущественного развития ресурсодобывающих отраслей: низкий уровень капиталовложений в машиностроительный комплекс негативно отразился на структуре двусторонней торговли, где важной статьёй российского импорта всегда было японское промышленное оборудование и др.

В-пятых, в России до сих пор до конца не созданы инструменты государственного содействия развитию экономических связей, что отпугивает японских инвесторов. Слабым звеном двусторонних экономических отношений является поверхностное знание субъектов торгово-экономических отношений двух стран. Старая система субъектов, знакомая японскому бизнесу, не получила адекватной замены на современном этапе. Новые российские чиновники и предприниматели в своем большинстве до сих пор не имеют четкого представления о специфике "японского торгово-экономического менталитета" и особенностях экономической стратегии Японии в целом.

В-шестых, серьезным тормозом являются факторы морально-этических взаимоотношений российских бизнесменов и исполнительной власти российских регионов с представителями японского бизнеса, прежде всего малого и среднего.

В определенной мере на состояние и перспективы двусторонних экономических отношений влияет нынешнее состояние собственно экономики Японии. Однако, современные проблемы, связанные с состоянием и развитием японской экономики, обладающей значительным запасом прочности, коренным образом отличаются от проблем российской экономики и не являются определяющими в нынешней выжидательной позиции японского бизнеса в отношении российского рынка.

Как и всякий план Российско-японский план действий составлен на перспективу, исходя из реальных и потенциальных потребностей партнеров. И в этом смысле в нем заложены предпосылки к тому, что российская сторона может и будет предпринимать конкретные шаги в сторону постепенной ликвидации существующих с ее стороны объективных препятствий к полномасштабному экономическому сотрудничеству с Японией. Аналогичных шагов хотелось бы ожидать и от Японии.

5. Развитие связей в оборонной и правоохранительной областях: «В интересах мира и безопасности России и Японии».

Данный блок двусторонних отношений — сравнительно новое направление взаимодействия России и Японии. Однако, несмотря на свою «молодость», сотрудничество двух стран в оборонной и правоохранительной сферах, с учетом его старта с нулевой отметки, продвигается достаточно успешно. В оборонной сфере на постоянной основе осуществляются встречи руководителей военных ведомств двух стран, начальников органов высшего управления вооруженными силами, руководителей видов (родов) войск, проводятся встречи экспертов военно-научных учреждений, осуществляется практика межведомственных консультаций, были поставлены на регулярную основу совместные учения по поиску и спасению на море. В области взаимодействия правоохранительных органов получило конкретное развитие сотрудничество по противодействию международному терроризму, международной организованной преступности, включая незаконный оборот наркотиков и оружия и др. На основании достигнутых результатов и для их развития в Плане поставлены следующие задачи по развитию двусторонних отношений в данных сферах:

- на регулярной основе проводить встречи между руководителями военных ведомств, обмениваться визитами боевых кораблей, продолжать обмены по линии военных исследовательских и учебных заведений;

- проводить заседания Совместной рабочей группы по развитию военных обменов и укреплению мер доверия, включая рассмотрение вопросов совершенствования базы взаимодействия в оборонной сфере;

- активно сотрудничать в целях противодействия угрозам со стороны международного терроризма, продвигать взаимодействие в интересах борьбы с незаконным промыслом и контрабандой морепродуктов;

- осуществлять регулярные встречи представителей правоохранительных органов, развивать сотрудничество между ведомствами, обеспечивающими поддержание безопасности на море, совершенствовать обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью.

Совершенно очевидно, что поставленные в Плане эти и другие задачи имеют не только актуальный характер, но и играют исключительно важную роль в обеспечении национальной безопасности обеих стран. Помимо этого, в силу того, что многие современные угрозы носят транснациональный характер, успешная борьба и противодействие им может осуществляться только на многосторонней основе, что в свою очередь является залогом конкретного, результативного и взаимовыгодного российско-японского сотрудничества в будущем. В свою очередь данное сотрудничество будет важной составляющей ширококомасштабного российско-японского взаимодействия в целом.

6. Развитие культурных связей и обменов между гражданами двух стран: «В интересах углубления взаимопонимания и дружбы».

Область культурных связей — наиболее развитая сфера непосредственных контактов широких народных масс двух стран на протяжении длительного времени. Взаимный интерес японского и русского народов к культуре друг друга являются объективным фактором того, что именно на этом направлении сотрудничества могут и будут достигнуты наиболее весомые результаты, на которые нацелен План действий — расширение и углубление взаимопонимания, уважения, доверия между народами России и Японии. Поставленные в Плате задачи по расширению сотрудничества не носят новаторского характера и представляют собой расширенную программу взаимоотношений в данной области. Однако именно это обстоятельство свидетельствует об оптимальном содержании уже осуществляемого российско-японского сотрудничества.

Вместе с тем, необходимо отметить и «неравнозначный» характер такого сотрудничества, в котором в последние годы и ведущую и вспомогательную «партию» в основном играет японская сторона. За последние 10 лет сотрудничества в указанной области Япония в хорошем смысле осуществила «культурное наступление» в отношении России. Результатом этого «наступления» стало углубленное понимание российской общественностью основ и особенностей японской культуры, образа мышления японцев, их тонкого восприятия природы, их жизненной философии, т.е. тех субстанций, которые близки для понимания русского человека. Особенность нынешнего этапа состоит в том, что японская культура в России перестала быть уделом специалистов и стал доступная широким массам. Это — главный результат, результат, к которому должна стремиться российская сторона в плане осуществления ответного «культурного наступления» на Японию. На сегодня приходится лишь сожалеть об отсутствии активной культурной политики России в отношении Японии. Вместе с тем, похоже, что План действий ставит именно эту задачу перед российской стороной — проводить на японском направлении активную культурную политику, направленную на углубление двусторонних отношений на основе дружбы и взаимопонимания между двумя народами.

Российско-японский план действий — важный документ, на основе которого в близкой перспективе будут развиваться всесторонние отношения между Россией и Японией. Этот документ не носит законченного характера, потому что в нем не отражены те новые направления сотрудничества, которые могут появиться уже в ближайшем будущем. Не совершенен этот документ и с точки зрения ряда поставленных в нем задач, которые в близкой перспективе не могут быть решены по объективным и субъективным причинам. В Плате заложены и определенные противоречия. Однако, как представляется, актуальность и жизненность Плана обусловлена тем, что области совпадения интересов двух государств во многом превосходят имеющиеся между ними расхождения. В силу этого объективного обстоятельства нынешний Российско-японский план действий можно с полным основанием назвать лоцманской картой, на которой проложен фарватер, где будет двигаться российско-японский корабль в близкой и среднесрочной перспективе.

XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая

© 2003

Я. Бергер

XVI съезд КПК провозгласил долгосрочную программу развития Китая, охватывающую первую половину нынешнего века и особенно два его первых десятилетия. Хотя программа эта, по традиции, прописана в самых общих чертах, главное в ней определено ясно: приоритетной областью приложения сил партии и государства остается экономика, а центральным звеном и двигателем прогресса — экономический рост, который единственно способен привести к конечной цели — становлению могущественного и процветающего Китая. В документах съезда обозначены также основные средства и методы, которые должны быть использованы правящей партией и государством, чтобы обеспечить наиболее эффективное решение стоящих перед страной задач и проблем.

Экономический рост.

Согласно формуле, однажды предложенной Дэн Сяопином, параметры экономического роста определяются достаточно просто: удвоение ВВП за десятилетие («фань и фань») к 2010 г. и учетверение его за два десятилетия («фань лян фань») к 2020 г. по сравнению с уровнем 2000 г. Аналогичная задача, поставленная в прошлом, была Китаем выполнена и перевыполнена: с 1990 г. по 2000 г. ВВП вырос втрое. Это придает уверенности и в предстоящем успехе.

Учетверение ВВП означает возрастание его с 8,9 трлн. юаней в 2000 г. до 35 трлн. юаней, или, по существующему в настоящее время обменному курсу, до 4 трлн. долл.¹, что примерно соответствует нынешнему показателю ВВП Японии. ВВП в расчете на душу населения увеличится за двадцатилетие с 800 долл. до 3000 долл., что позволит Китаю, по классификации Мирового банка, войти в группу стран со средними доходами, точнее в ее нижнюю подгруппу.² В Японии этот уровень был достигнут в 1973 г., в Корее — в 1987 г.³

Подсчитано, что для учетверения ВВП среднегодовые темпы его роста до 2020 г. должны составить 7,18%. Предполагается, что в первое десятилетие они будут достигать 7-8%, в последующее — 6-7%.⁴ Среднегодовые темпы экономического роста за предшествующее двадцатилетие, по официальным данным,⁵ составили 9,3%, так что менее напряженная динамика считается для обозримого будущего вполне посильной.

Надежды на сохранение устойчиво высоких темпов роста связываются в основном со следующими факторами. Во-первых, с высокой нормой накоплений, которая должна обеспечить наращивание собственных капиталовложений, по меньшей мере, теми же темпами, что и в предыдущее десятилетие (т.е. бо-

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока».

лее чем на 10% в год) и на дальнейшее увеличение иностранных инвестиций. Во-вторых, с ростом вложений в «человеческий капитал», благодаря которым образовательный ценз населения старше 15 лет должен возрасти с 7 лет обучения в 2000 г. до 8-9 лет к 2010 г. и до 10-11 лет к 2020 г.⁶ В-третьих, в-четвертых, и т. д. — с возрастанием доли более производительного несельскохозяйственного труда, с урбанизацией, с дальнейшим продвижением рыночных реформ и устранением монополий — отраслевых и региональных.

Ускоренный экономический рост нередко связывается с решением традиционно важнейшей в глазах некоторых руководителей Китая (как и в свое время — Советского Союза) задачи — «догнать и перегнать» ведущие державы мира. Именно абсолютный объем ВВП (а не размер его на душу населения?) в первую голову считают убедительным показателем места занимаемого на каждый данный момент Китаем в мировой экономической иерархии, а отсюда — и в мировом балансе сил. Соответственно определяется, как и в былые достопамятные времена, график опережения Китаем мировых лидеров в экономической гонке. В 2005 г. Китай, по таким расчетам, должен обойти Францию, в 2010 г. — Англию, а в 2050 г. — Японию, вплотную приблизившись к США.

Существуют и еще более оптимистичные предположения. Известный китайский экономист, руководитель Центра исследований Китая университета Цинхуа и Академии наук Китая, один из главных консультантов китайского руководства по проблемам социально-экономической стратегии Ху Аньган, опираясь на такой показатель, как паритет покупательной способности национальных валют (ППП), полагает, что уже сегодня Китай по масштабам своей экономики является второй страной в мире, а к 2025 г. при сохранении нынешних тенденций роста он станет ведущей экономической державой мира.

Следует отметить, что не все в Китае считают ускоренное наращивание экономической мощи и опережение соперников в гонке за мировое лидерство первостепенной стратегической задачей. Так, известный ученый и заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП Чэн Сывэй счел необходимым выразить свое неодобрительное отношение к людям, которые призывают «за 30 лет, за 50 лет догнать Америку». С его точки зрения, важны не столько темпы экономического роста сами по себе, сколько способность Китая к устойчивому и всестороннему развитию.⁸

Председатель Научного совета по структурным реформам Китая Гао Шанцюань подчеркивает, что мощь государства определяется в первую очередь благосостоянием населения. В известной китайской формуле «сильное государство — богатый народ» («го цян минь фу») он считает главной вторую ее часть. Именно народ, по его мнению, является главной силой, созидающей общественное богатство, а не государство, осуществляющее инвестиции. Отмечая, что понятие «богатство» («цайфу») впервые на XVI съезде появилось в партийных документах, Гао Шанцюань напоминает, что размеры общественного богатства в Китае составляют лишь 3% от США и одну шестидесятую часть общественного богатства Японии.⁹

Профессор Ло Жунцзюй, занимающийся проблемами модернизации, усматривает в экономическом развитии Китая за последние полстолетия наличие циклов продолжительностью в 7-8 лет. За «большим скачком» в первой пятилетке последовало «урегулирование» 1961-1965 годов. Авантюрное ускорение конца 70-х годов сменилось трехлетним «упорядочением». В начале 80-х годов начался новый этап подъема, который завершился в конце 1988 г., перейдя к ситуации нового сжатия и регулирования. Постоянно повторяющийся «перегрев» экономики ученый связывает со стремлением Китая как можно скорее покончить с отсталостью и догнать развитые страны Запада. В новой обстановке, связанной с переходом к политике реформ и открытости и, соот-

ветственно, с поступательным расширением экономических полномочий местных властей, именно последние, преследуя собственные интересы и стремясь увеличить поступления в местную казну, порой в отрыве от реальности слепо стремятся к высоким показателям, высоким темпам роста. Это в определенной мере парализует регулирующие функции центра и, в конечном счете, ведет к хаосу в экономике.¹⁰ Такая однобокая погоня за высокими темпами роста, по мнению Ло Жунцзюя, не только ведет к растрате ресурсов, дублированию инвестиций и снижению эффективности, но и подрывает способность Китая к устойчивому развитию. Чтобы обеспечить долговременную способность к такому развитию, Китай должен предотвратить новый перегрев экономики. В установке на всестороннее строительство «общества сяокан», сформулированной в докладе на XVI съезде КПК, в материалах последующего Совещания ЦК КПК по экономической работе Ло Жунцзюй усматривает указание на необходимость не ограничиваться только погоней за высокими темпами роста, но придавать еще большее значение его качеству и эффективности и его долговременному характеру. И, по убеждению ученого, китайское правительство уже обратило внимание на важность устойчивого развития.¹¹

Заместитель руководителя аспирантуры Академии общественных наук Китая профессор Сун Яньян также считает, что ни одна страна в мире не может рассчитывать на бесконечное сохранение высоких темпов экономического роста. Он напоминает, что и Япония в 50-х-80-х годах, и «четыре малых дракона» в 60-х-90-х годах прошлого века развивали свою экономику темпами, близкими к 10% в год, что считалось «восточноазиатским чудом». Однако все они были поражены непредвиденным финансовым кризисом, от которого уже в течение ряда лет так и не сумели оправиться. Сун Яньян предупреждает, что экономический спад или даже кризис обычно возникает неожиданно в стадии экономического расцвета. Одновременно с быстрым ростом экономики не менее быстро возрастают и скрытые факторы риска. К последним относятся проблемы деревни, безработицы, финансов, поляризации общества, политической коррупции. Профессор Сун Яньян также упоминает о дурной традиции «горячки», с которой он связывает и попытки исчислить, сколько лет потребуется Китаю, чтобы настичь Японию и США.¹²

Большинство экспертов, однако, полагают, что Китай в предстоящее двадцатилетие сумеет избежать резкого снижения темпов роста, подобного тому, который постиг Японию. Такая убежденность отчасти проистекает из представлений о том, что Китай сегодня по многим объективным показателям напоминает Японию на старте ускоренного экономического роста. Серьезные проблемы, с которыми сегодня сталкивается Китай — огромные разрывы в уровне развития города и деревни, восточных и западных районов, низкий уровень урбанизации и соответственно подавляющее преобладание сельского населения, одновременно рассматриваются и как потенции для роста. Таким же резервом представляется и малая величина китайского ВВП на душу населения в сравнении с японским.

В докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК неоднократно встречается понятие совокупной государственной мощи (в других местах — «совокупная мощь страны»), куда обычно включают демографические и естественные ресурсы, а также экономический, военный и научно-технический потенциал. По этому показателю к исходу предстоящего двадцатилетия отставание Китая от США, согласно расчетам Ху Аньгана, уменьшится с трехкратного до двукратного, и Китай на этой основе станет «мировой державой способной к ведущей роли» («чжудао нэнли ды шицзе цянго»)¹³

Первые годы XXI века для экономики Китая сложились в целом удачно. Особенно благоприятным был 2002 г. Итоги его оказались лучше, чем про-

гнозы в начале года. Это касается, прежде всего, темпов экономического роста, объемов внешней торговли и положительного сальдо внешнеторгового баланса, привлечения и фактического использования прямых иностранных инвестиций, объема валютных резервов и некоторых иных параметров.

Примечательно, что этот успех был получен в условиях вялого восстановления активности основных мировых рынков. Это означает, что, интегрируясь все больше в мировую экономику, Китай все же сумел сориентировать экономический рост главным образом на внутренние механизмы, значение которых все более возрастает благодаря углублению всесторонних рыночных реформ при одновременном поддержании политической стабильности и сохранении преимущественности политического и экономического курса. Расширению внутреннего спроса способствует активная финансовая и стабильная монетарная политика. Значимым фактором, экономического роста Китая за последнее десятилетие стало и все более активное включение страны в мировую экономику, в процессы глобализации и регионализации.

Вместе с тем позитивная динамика ряда важных показателей развития сопровождается накоплением ряда серьезных негативных явлений в экономической, социальной и политической сферах, включая и те, что органически связаны с принятой моделью развития. Высокие темпы экономического роста парадоксальным образом увеличивают дефицит госбюджета, ведут к росту безработицы, углублению социальной дифференциации, падению потребительского спроса, дефляции, прогрессирующему загрязнению природной среды. Не прекращается бегство капитала из страны (с 90-х годов прошлого века Китай привлек около 500 млрд. долл. прямых иностранных инвестиций, а вывоз капитала составил 700 млрд. долл. (в т.ч. нелегальный — 200 млрд. долл.)). Индустриализация отстает от урбанизации, а экономические реформы — от политических.

В документах XVI съезда КПК и в еще большей мере — в ряде публикаций, с ними связанных (в т.ч. принадлежащих перу известных китайских ученых — экономистов и социологов, явно или неявно причастных к подготовке этих документов), определенно просматривается осознание этих опасных негативных тенденций и известная готовность скорректировать существующий курс. Об этом, в частности, свидетельствует и стержневая тема доклада на съезде — установка на «всестороннее строительство общества сяокан». Критическому переосмыслению подвергаются разные аспекты действующей модели экономического роста, как социальные, так и чисто экономические. В их числе — и те, что базируются на поддержании высоких темпов роста и высокой конкурентоспособности Китая в мире на использовании таких сравнительных преимуществ страны, как дешевые или бесплатные природные ресурсы: земля, почвы, вода, воздух, полезные ископаемые. Это дает определенные основания ожидать основательной корректировки стратегии социально-экономического развития страны в ближайшее время.

Макроэкономический контроль китайского государства в принципе призван регулировать четыре главных взаимосвязанных параметра: темпы экономического роста, платежный баланс, инфляцию и занятость. Платежный баланс благодаря многолетнему положительному сальдо внешней торговли и постоянно возрастающим валютным резервам особых забот не доставляет. Инфляция была подавлена еще в 1996 г., но в последние годы ее сменила дефляция, которая свидетельствует о серьезных качественных дефектах циркулирования экономики. Что касается самого экономического роста, то главные негативные аспекты связаны с механизмом его стимулирования и, особенно — с социальной реализацией результатов.

Главную проблему достаточно точно, на наш взгляд, сформулировал профессор Юань Ганмин, руководитель Лаборатории макроэкономики Инсти-

туда экономики Академии общественных наук Китая. Он отмечает, что при очень высоком росте китайского ВВП большинство людей не ощущают от этого лично для себя сколько-нибудь ощутимой отдачи. Некоторые отрасли, регионы, социальные группы людей серьезно выиграли. Но для еще большего числа отраслей, мест и людей выигрыш оказался небольшим, не сопоставимым с темпами роста ВВП. За последние годы ускорение роста ВВП превратилось в главную цель макроэкономической политики, основное внимание уделяется инвестициям, тогда как индивидуальное потребление растет медленно.¹⁴

Экономический рост в последние годы обеспечивается не столько рыночными факторами, сколько административными средствами, которые именуются активной финансовой политикой. Такая политика, взятая на вооружение после азиатского финансового кризиса 1997 г., включает в себя в первую очередь заимствование средств у населения и вложение их в разнообразные проекты, прежде всего — инфраструктурные, и отчасти в техническую реконструкцию предприятий. Кроме того, предпринимаются меры для расширения внутреннего спроса путем повышения заработной платы работникам государственного сектора, в первую очередь — различного ранга чиновникам.

Главным двигателем экономического роста служат, таким образом, капиталовложения, прежде всего — государственные (в отдельные годы — до 90% всех капиталовложений) и сопутствующие им кредиты государственных коммерческих банков государственным же предприятиям. Увеличение инвестиций обеспечивает 65% роста ВВП, тогда как рост потребления — только 22%.¹⁵

Долговременное использование внутренних инвестиционных займов усиливает прямое государственное вмешательство в экономику, что расходится с целями рыночных реформ, стимулирует инвестиции в малоэффективные или неэффективные объекты, порождает дублирующие стройки, способствует низкому качеству строительства и коррупции. Немалая часть государственных инвестиций направляется на долгосрочное строительство гигантских базовых сооружений (таких, как гидроузел Санься или поворот южных рек на север). Их эффект скажется лишь через десятилетия, а до той поры приходится ежегодно вливать многомиллиардные средства, чтобы не заморозить долгострой.

В условиях дефляции, индуцированной долговременным превышением предложения над спросом, макроэкономическое стимулирование роста административными способами ослабляется пассивностью эндогенных факторов, которая обусловлена наличием больших избыточных мощностей и соответственно вялой инвестиционной активностью на уровне предприятий, особенно средних и малых. Это обстоятельство вынуждает вновь и вновь прибегать к средствам активной финансовой политики, несмотря на то, что продолжение ее чревато рядом негативных следствий.

Выпуск государственных строительных займов, способствовавший впервые появлению дефицита госбюджета и росту его до опасных, по международным критериям, размеров (3% ВВП) достиг своих пределов, и далее наращивать темпы экономического роста этим путем становится опасно. По займам, выпущенным ранее, наступает срок платежей, и новые займы в немалой степени идут на покрытие прежних долгов. И все же в условиях несбалансированности спроса и предложения на внутреннем рынке Китая, при слабости рыночных механизмов, обеспечивающих стабильный рост общественного спроса, китайское правительство вынуждено вновь и вновь прибегать в определенных масштабах к выпуску долгосрочных строительных займов и тем самым еще более увеличивать государственный долг. Тем же путем идут и многие правительства на местах.

Занятость

В особенно тревожном состоянии находится такой важнейший показатель макроэкономического (и, конечно, социально-политического) благополучия страны, как занятость.¹⁶ В прошлом этот показатель, если и привлекал сколько-нибудь серьезное внимание, то главным образом с точки зрения сдерживания чрезмерного роста безработицы, во избежание возможного ущерба для проводимого курса, но отнюдь не как повод для его существенной корректировки. Действующий же курс не только не обещает обеспечения ни в ближней, ни в дальней перспективе — хотя бы в городе — полной занятости (разумеется, понимая под этим термином, как это принято на Западе, поддержание некоторого оптимального для экономики и общества уровня занятости, хотя и не всеобщей), но, напротив, свидетельствует о том, что высокие темпы экономического роста и впредь при данной модели будет сопровождаться усилением безработицы. Сегодня в связи с изменением структуры ВВП для удержания безработицы в сколько-нибудь разумных пределах требуются значительно большие усилия, чем прежде. Если в 80-е годы один процент роста ВВП обеспечивал увеличение занятости на 0,32%, то в 90-е годы — только на 0,1%.¹⁷

Базисные демографические и социально-экономические особенности Китая настоятельно диктуют следование такой стратегии развития, которая бы ставила на первый план решение проблем занятости. Такую стратегию не может обеспечить возврат к плановой экономике, в силу многих причин она должна быть рыночной. На деле же пока что в структуре собственности, инвестиций, образования и других областях продолжают существовать серьезные нерыночные преграды, препятствующие расширению занятости. Как отмечает руководитель Лаборатории экономики Финансово-экономического комитета ВСНП Ли Луян, «хотя субъективно экономическая политика последних лет была направлена на то, чтобы посредством экономического роста увеличивать занятость, фактически занятость не стала приоритетной целью циркулирования и развития экономики, рост занятости рассматривался как мера, сопутствующая политике экономического роста».¹⁸

За последние годы отмечается ускорение как абсолютных, так и относительных параметров безработицы, причем всех ее составляющих: включая как официально регистрируемых безработных (менее половины реального числа нуждающихся в занятости городских жителей трудоспособного возраста), так и иные категории, формально к безработным не относимые. В первую очередь это — работники, уволенные, но получающие от своих предприятий в течение определенного времени минимальное пособие (т.н. «сяган»), «ожидающие работу» («дайте»), прежде всего не трудоустроенные абитуриенты средних и высших учебных заведений, и работники, прибывшие в город на заработки из деревни. В 1999 и 2000 гг., официально регистрируемая безработица составляла около 3,1%, в 2001 г. — 3,6%, в 2002 г. она росла на 0,1% каждый квартал: 3,7%, 3,8%, 3,9%, 4%. В 2003 г. ее стремятся удержать на уровне 4,5%.¹⁹

Рост безработицы связан с рядом факторов: со структурными переменными в экономике, с техническим прогрессом, с повышением производительности труда, с реформой государственных предприятий, с превращением скрытой безработицы в открытую и т.д. Но главным образом с тем, что создание новых рабочих мест намного отстает от потребностей в трудоустройстве. Оно в лучшем случае соответствует числу молодых людей, ежегодно вступающих в рабочий возраст в городах (8 млн. чел.), но не дает в этом случае никакой возможности трудоустроить все большее число каждый год теряющих работу на предприятиях государственного сектора и тем более крестьян, стремящихся найти работу в городе. Наличие огромной резервной армии безработных создает

жесточайшую конкуренцию на рынке труда, исход которой далеко не всегда решается в пользу наиболее конкурентоспособных, и понижает цену рабочей силы.

Фактическая безработица в городе достигла 8-9%, а, по мнению некоторых исследователей — даже 10%. При этом в старых промышленных базах она зашкаливает за 15%.²⁰ Примерно половину составляют официально зарегистрированные безработные, а остальные — «сяган», мигранты из деревни, абитуриенты университетов и колледжей, не устроившиеся на работу.

В такой ситуации все громче звучат голоса тех специалистов, которые считают, что стремление добиваться во что бы то ни стало высоких темпов роста — в т.ч. и с помощью нерыночных по преимуществу рычагов для его стимулирования — становится самоцелью, а не средством для достижения более важной цели — обеспечения полной занятости, что, в свою очередь, повысило бы спрос и в определенной степени активизировало рыночные факторы роста. Ведущий научный сотрудник Института исследований экономических структур и управления при Госсовете КНР Хэ Сяомин полагает, что именно такое замещение цели конечной целью промежуточной привело к «перекосу правительственной политики». Долгое время, пишет он, мы слишком мало связывали экономический рост с полной занятостью, считали высокие показатели безработицы неизбежным следствием экономики переходного типа, рассматривали занятость не как ориентир экономической политики, но лишь как показатель социальной устойчивости.²¹

В научном докладе эксперта из Института исследования ценных бумаг Чжоу Кэюя отмечается, что на предстоящем этапе необходимо совершить стратегическое упорядочение макроэкономической политики, главным содержанием которого должны стать: приоритет занятости, ведущая роль потребления и интенсификация реформы госпредприятий. Для осуществления поворота к полной занятости предлагается увеличить поддержку сферы услуг, малых и средних негосударственных предприятий, обеспечивающих наибольшее трудоустройство. От стимулирования экономического роста посредством государственных займов предлагается как можно скорее перейти на рельсы роста, ведомого потреблением.²²

Не менее определенно высказывается на этот счет Проблемная группа по анализу и прогнозированию социального положения в Китае Академии общественных наук Китая, которая полагает, что главной стратегической задачей становятся сочетание высоких темпов экономического роста со стимулированием занятости и увязка задач социально-экономического развития с состоянием народонаселения, ресурсов, природной среды. «С усилением требований различных слоев общества к социальной стабильности, — говорится в докладе этой группы, — руководящие круги стали обращать внимание на соотношение интенсивности реформ, темпов развития и долготерпения общества».²³

Наличие такого рода тенденций подтверждают выступления ведущих представителей избранного на XVI съезде КПК нового партийного руководства на ряде состоявшихся после съезда совещаний. Так, 14 декабря 2002 г. на Все-китайском совещании по планированию член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера (и будущий премьер) Госсовета КНР Вэнь Цзябао сделал весьма важное заявление. Подчеркивая необходимость разрешения «крупных противоречий и проблем экономической жизни», он назвал улучшение положения с занятостью и увеличение рабочих мест важной обязанностью парткомов и правительств всех уровней. Вэнь Цзябао призвал к усиленному развитию трудоемких производств и услуг, к повышению роли средних и малых предприятий, индивидуального, частного и иных негосударственных секторов экономики в стимулировании экономического роста, расширении занятости и оживлении рынка с тем, чтобы «они постепенно стали главным каналом роста новой и вторичной занятости».²⁴

Глобализация

Все более важным фактором социально-экономического развития Китая за последние годы является активное включение страны в мировую экономику, в процессы глобализации и регионализации. Судя по материалам XVI съезда КПК, Китай и впредь не собирается ослаблять усилий, предпринимаемых в этом направлении. В докладе Цзян Цзэминя на съезде содержится призыв еще выше поднять уровень открытости Китая внешнему миру, еще более активизировать участие Китая в международном экономическом и техническом сотрудничестве и конкуренции и полностью использовать возможности, создаваемые глобализацией экономики и вступлением Китая в ВТО.

Прогнозируется увеличение внешнеторгового оборота Китая за двадцатилетие примерно теми же темпами, что и рост ВВП. В этом случае объем китайской внешней торговли к 2020 г. достигнет нынешнего уровня США. Особое внимание Китай обращает на развитие внешнеэкономических связей со странами Юго-Восточной Азии, о чем свидетельствует, в частности, соглашение о создании зоны свободной торговли между Китаем и странами АСЕАН, подписанное в канун открытия XVI съезда КПК. Новые возможности расширения регионального сотрудничества открываются в связи с реализацией установки на сочетание ввоза капитала («иньцзиньлай») с его вывозом («цзоучуцой»).²⁵ Особое внимание уделяется развитию собственных транснациональных компаний, формирующихся на китайской почве. Еще недавно в Китае было только три таких компании, входивших в число 500 крупнейших мировых ТНК, сегодня их число возросло до 11. Общая сумма китайских обязательств по двусторонним контрактам за рубежом к сентябрю 2002 г. составила 9,1 млрд. долл.²⁶

Китай все в большей мере становится «мировой фабрикой». Самые разнообразные изделия с маркой «сделано в Китае» можно сегодня встретить на всех континентах и во всех странах мира. Увеличению экспорта способствует государственная тарифная политика. Обращаться к внешним рынкам сбыта предприятия и государство все более настойчиво вынуждает и недостаточность внутреннего спроса.

В недавнем прошлом основу китайского экспорта составляло трудоемкое производство, что обеспечивало китайским товарам высокую конкурентоспособность на мировых рынках и вместе с тем способствовало расширению занятости внутри страны. Однако с вступлением Китая в ВТО ситуация начала меняться. Производство товаров на экспорт при фискальной и иной поддержке государства стало еще больше концентрироваться в специализированных зонах в восточном и южном приморье и в большей мере ориентироваться на капиталоемкую и техноемкую продукцию. Такая переориентация, несомненно, способствует сокращению отставания Китая от развитых стран, но не благоприятствует расширению внутреннего спроса и увеличению занятости.

Стремительный рост валютных резервов с 21,2 млрд. долл. в 1993 г. до 286 млрд. долл. в 2002 г., (2-е место в мире после Японии, в т.ч. на 74,2 млрд. долл. за один 2002 год) благоприятствует притоку иностранных инвестиций, укрепляет юань, защищает экономику страны от возможных финансовых потрясений в мире, способствует внешнеэкономической активности. Вместе с тем чрезмерные объемы валютных резервов вызывают определенное беспокойство общества и специалистов.²⁷ Поводом для озабоченности служит и то, что основную массу валютных резервов составляют долларовые активы (более 100 млрд. долл.), в т.ч. 80,9 млрд. долл. — низкодоходные (2% годовых) государственные казначейские обязательства США (Китай — второй после Японии держатель этих облигаций в мире). Именно такая тенденция служит основанием для призывов покончить с «меркантилизмом».²⁸ То обстоятельство, что возрастающая

закупка Китаем казначейских обязательств США совпадает с увеличением заимствований у китайского населения, дает повод утверждать, что китайское правительство покрывает растущий бюджетный дефицит США за счет сбережений китайского населения. Растет также беспокойство в связи с обесценением американской валюты, что влечет за собой и обесценение валютных резервов Китая. Связанное с этим повышение стоимости юаня относительно доллара создает трудности для китайского экспорта.

Оптимальный для Китая размер валютных резервов определяется по-разному, но во всех случаях он ниже наличествующих. Некоторые специалисты исходят из предложенных еще в конце 40-х годов достаточно универсальных расчетов, согласно которым валютные резервы должны составлять примерно 25% объёма импорта, т.е. покрывать стоимость импорта в течение трех месяцев. Другой подход, учитывающий в большей мере нынешние нужды Китая, включая затраты не только в импорте, но и в управлении внешним долгом, оплате прибылей по прямым иностранным инвестициям, удовлетворении валютных запросов населения, создании страхового фонда, определяет этот размер на конец 2002 г. в 210–250 млрд. долл.²⁹ Полагают, что избыток, составляющий при таком расчете от 30 до 70 млрд. долл., было бы целесообразно направить на валютное кредитование частных предприятий, обладающих необходимой конкурентоспособностью для инвестиционной деятельности за рубежом, на создание валютных фондов для реализации технологических инноваций, на поддержку технического сотрудничества отечественных предприятий с транснациональными корпорациями, на развитие фондового рынка, на пополнение стратегических запасов нефти и других ресурсов.³⁰

Привлечение иностранных инвестиций в Китай, принесшее стране немало выгод и способствовавшее быстрому экономическому росту, созданию больших валютных резервов, освоению западных технологий и западного управленческого опыта, вместе с тем имеет и свои теневые стороны. Отраслевая и территориальная структура иностранных инвестиций далеко не оптимальна с точки зрения потребностей экономического и социального развития Китая. Транснациональные компании не горят желанием вкладывать свои капиталы в те отрасли и те регионы, где они наиболее нужны. Очень мало иностранных инвестиций получают сельское хозяйство, базовые отрасли промышленности, наукоемкие отрасли сферы услуг, центральные и западные регионы. Транснациональные корпорации, используя свои преимущества в капиталах, технологиях, организации и управлении, в доступе к рынкам, жестко конкурируют с отечественными китайскими производителями, угрожая часто не только перспективам их развития, но и самому существованию. Эти корпорации захватили господствующие позиции в таких отраслях, как электроника и производство коммуникационного оборудования, производство изделий из пластмасс, пищевая промышленность, производство средств транспорта. Они активно проникают в текстильную и швейную отрасли, производство электротехники, резиновых изделий и лекарственных средств. С внутреннего рынка вытесняются даже известные китайские марки, что особенно стало заметно после вступления Китая в ВТО. Немалый ущерб несет отечественный производитель — государственный и негосударственный — вследствие того, что транснациональные компании перетягивают к себе лучшие инженерно-технические и управленческие кадры. В конкуренции с отечественными китайскими производителями транснациональные компании успешно используют такой мощный рычаг, как фактически монополично устанавливаемые и не подчиняющиеся законам рынка внутрикорпоративные цены, позволяющие им манипулировать стоимостью экспорта и импорта и уходить от налогов (по данным ГСУ КНР, от налогов уклоняются более 60% предприятий с иностранным капиталом³¹).

Негосударственный капитал

Все эти обстоятельства побуждают китайское руководство делать все большую ставку на использование потенциала отечественной негосударственной экономики, в т.ч. и в первую очередь — частного национального капитала. Этот путь позволит решить ряд сложных проблем социально-экономического развития страны. Среди них — расширение сферы занятости, постепенный отход от преимущественного стимулирования экономического роста с помощью государственных инвестиций, облегчение постоянно возрастающей нагрузки на дефицитный государственный бюджет и на государственные банки и, наконец, создание конкурентной среды для доминирующих сегодня в китайском экспорте предприятий, принадлежащих иностранным компаниям.

Частный национальный капитал призван выполнять в Китае наряду с экономической также важную социальную, а теперь и политическую функцию. Предоставляя широкие возможности для трудоустройства избыточной рабочей силы, в т.ч. — высвобождаемой в ходе реформы государственных предприятий, он тем самым укрепляет размыаемую реформами прежнюю социальную базу правящей партии и служит фундаментом продолжения курса на реформы и открытость.³² Развитие частного сектора в Китае служит также противовесом избыточной зависимости страны от иностранного капитала, которая в экстремальной ситуации может быть чревата серьезными рисками.

Фактически, принимая во внимание наметившиеся тенденции развития, можно сказать, что речь в перспективе идет о гораздо большем, чем просто балансирование государственного и негосударственного секторов экономики. Проглядывается смена модели экономического роста с преимущественной опорой на государственные и иностранные инвестиции более уравновешенной моделью, где, по меньшей мере, равноправную роль будет играть национальный капитал.

В докладе на XVI съезде КПК требование прилагать усилия к развитию государственного сектора, по-прежнему провозглашаемому основой экономики, сопровождается аналогичным призывом, касающимся негосударственных секторов. Определены основные направления приложения сил негосударственных предприятий: содействие экономическому росту, расширение занятости и оживление рынка.

Привлечение частного национального капитала к более активному участию в экономическом и социальном развитии страны стимулируется идеей «трех предствительств», включенной ныне в число уставных положений партии. Принципиальное идеологическое, политическое и, что следует особо подчеркнуть, психологическое значение имеет и произведенное в докладе на XVI съезде КПК фактическое уравнивание легальных трудовых и легальных нетрудовых доходов. Столь ясно и определенно это впервые прозвучало в партийном документе.

Уравнение легальных нетрудовых доходов с легальными же доходами трудовыми будет содействовать также лучшему обоснованию борьбы с доходами нелегальными. В недавнем прошлом почти все нетрудовые доходы воспринимались как доходы эксплуататорские, а потому, с точки зрения ортодоксальной идеологии, незаконные. Теперь можно будет и идеологически более четко провести границу между легальным и нелегальным.

В докладе Цзян Цзэминя XVI съезду КПК сделан дальнейший шаг по пересмотру основополагающих принципов системы распределительных отношений. Если в докладе XV съезду КПК говорилось о «распределении по труду при сосуществовании многих форм распределения», то теперь ставится задача «ввести принцип участия в распределении согласно их заслугам таких компонентов производства, как труд, капитал, технологии и управление».

Принцип распределения доходов по факторам производства в известной мере признан рядом законодательных актов КНР. Но законы эти в недав-

нем прошлом все же налагали определенные ограничения на реализацию данного принципа, например при формировании уставного капитала обществ с ограниченной ответственностью, что, в частности, мешало развитию новых технологий. Подобные ограничения отчасти преодолевались в ряде местных уложений, а также в обновленной редакции Закона о компаниях. И тем не менее недвусмысленная фиксация указанного принципа в важнейшем партийном документе должна помочь заполнить все еще существующие лакуны в законодательстве, стимулировать дальнейшее развитие рыночных отношений, капитализацию имущественных прав, интеллектуальной собственности и сбережений, аккумуляции и активизации венчурного капитала. Последнее особенно важно ввиду быстрого морального старения предприятий в условиях растущей информатизации и глобализации национальной экономики.

Отношение правящей партии и государства к национальному капиталу за период реформ (не говоря уже о дореформенном обрубании «капиталистических хвостов») претерпело сложную эволюцию. Мало-помалу его экономические и политические позиции в стране легитимизируются, хотя и по сию пору этот процесс все еще далек от своего завершения. В этом смысле то, что произошло на съезде, можно считать очередным и весьма важным шагом в данном направлении. Он сопоставим с включением в Конституцию КНР в 1998 г. положения о том, что государство допускает в легальных рамках существование и развитие частного сектора, и непосредственно продолжает линию XV съезда КПК, который возвел частный капитал в ранг «важной составной части социалистической рыночной экономики Китая».

Однако, чтобы расчистить дорогу для развития национального капитала, одних деклараций, понятно, недостаточно. За ними должны следовать серьезные институциональные перемены на общегосударственном и местных уровнях.

В материалах XVI съезда КПК названы конкретные меры, которые предстоит принять государству, чтобы активизировать роль частного национального капитала в социально-экономическом развитии страны. В их числе — расширение доступа на рынок, обеспечение условий для равноправной конкуренции в сферах инвестиций и аккумуляции капитала, налогообложения, землепользования и внешней торговли. Предусматривается также совершенствование правовой системы для защиты частного имущества.

Осмысливая и уточняя эти установки, профессор Чэн Сывэй обращает внимание на то, что расширение доступа негосударственных предприятий на рынок должно включать не только снятие ограничений на деятельность негосударственных предприятий в тех отраслях экономики, куда они сегодня не допущены. Не менее важно устранить правительственные дотации государственным предприятиям, создающие фактическое неравенство на рынке. Требуется также реорганизовать систему разрешений на предпринимательскую деятельность и обеспечить равную ценовую доступность сырья и материалов. Негосударственным предприятиям должны быть обеспечены необходимые условия для аккумуляции основных и оборотных средств. Эти предприятия необходимо освободить от различных нерациональных поборов и защитить системой взаимоувязанных и взаимодополняющих законодательных актов.³³

Среди препятствий, на которые наталкивается развитие частного сектора, немалое место занимает его неравноправное положение на рынке кредитов. Государственные коммерческие банки (а иных, по крайней мере, официально, в современном Китае нет) львиную долю кредитов предоставляют государственным предприятиям.³⁴ Это стимулирует рост теневой финансовой активности, в которой, по некоторым данным, задействованы сотни миллиардов юаней и без которой функционирование негосударственных предприятий было бы просто невозможно.³⁵ Китайские экономисты и, естественно, сами предпри-

ниматели настойчиво ставят вопрос о необходимости развития легальной сети частных банков и системы страхования частных предприятий.

Предусматривается трансформация порядка налогообложения предприятий иностранного и национального капитала. До последнего времени формально с тех и других взимали подоходный налог в размере 33%. Однако для производственных предприятий с иностранным капиталом, функционирующих в открытых экономических зонах приморья, а также в специальных экономических районах и районах техноэкономического освоения ставка налога понижалась до 24%, а иногда и до 15%. Кроме того, до 40% суммы налога возвращались тем иностранным предприятиям, которые реинвестировали прибыль или производили дополнительные капиталовложения. Национальный же капитал подвергался двойному налогообложению: помимо подоходного налога с предприятий они платили и 20%-ный налог на индивидуальные доходы. Частные предприятия находятся в худшем положении и по сравнению с государственными и коллективными предприятиями. Государственные предприятия получают дотации на техническую реконструкцию. Государственные, коллективные и акционерные предприятия пользуются скидками с подоходного налога при инвестициях в техническую реконструкцию и закупках оборудования, производимого государственными предприятиями.

Предполагается, что отказ от льгот и преференций для предприятий с иностранным капиталом не подорвет привлекательность Китая для иностранных инвестиций, поскольку главными стимулами для их привлечения являются не льготы, а стабильная ситуация в стране, динамичное развитие экономики, членство в ВТО, а также такие конъюнктурные, но тем не менее важные факторы, как предстоящее в 2008 г. проведение в Китае Олимпийских игр. Нынешние размеры прямых иностранных инвестиций в Китае не считаются предельными, учитывая, что пока еще не достигнута даже та доля в мировом объеме инвестиций — 13%, которая приходилась на Китай в начале 90-х годов прошлого века. Поэтому некоторые эксперты полагают, что годовые темпы роста иностранных инвестиций в Китае в ближайшие два-три года сохранятся на уровне 5-10%³⁶.

По мнению видного китайского экономиста Дун Фужэна, главная помеха развитию негосударственной экономики состоит в том, что она плохо защищена законом. Это обстоятельство является одним из важных факторов, способствующих утечке национального капитала за рубеж.³⁷ Иностранный капитал обладает более надежной правовой защитой, чем отечественный. Так, в законе о предприятиях с участием иностранного капитала прямо указывается, что иностранные инвестиции не подлежат национализации, тогда как в законах об индивидуальных и акционерных предприятиях и в законе о компаниях такое положение отсутствует.

Конституция КНР недвусмысленно запрещает любым организациям и частным лицам посягать на государственное и коллективное имущество или наносить ему ущерб, тогда как применительно к частному имуществу такого запрета нет. Конституция провозглашает, что государство охраняет легальные доходы, сбережения, жилища и другое имущество населения, но не разъясняет, как и в какой мере обеспечивается такая защита. Отсутствует также и понятие частной собственности.³⁸

Сильно устарел Закон о компаниях, принятый в конце 1993 г. За противоправную деятельность он предусматривает либо административную (дисциплинарную — по партийной или государственной линии), либо уголовную ответственность (в случаях серьезных правонарушений). Отсюда очевидно, что закон ориентирован, прежде всего, на государственные компании, а потому пренебрегает возмездной ответственностью по гражданским делам. Учи-

тывая, что к настоящему времени во многих районах страны более 80% бывших государственных средних и малых предприятий проданы, специалисты настаивают на основательной переработке этого закона.³⁹

Профессор Китайского университета политики и права Ян Чжэньшань считает, что четкие положения о защите частной собственности должны содержаться и в Гражданском, и в Уголовном, и в Административном, и в ряде других кодексов. Кроме того, предлагается разработать специальный закон о защите негосударственных («народных») предприятий, который особо подчеркивал бы недопустимость любого административного вмешательства в деятельность таких предприятий, запрещал их произвольное налоговое и иное обложение и предусматривал штрафные и другие санкции за нарушение таких запретов. До тех пор, пока не созрели условия для принятия такого закона, Госсовет КНР, по мнению Ян Чжэньшаня, мог бы, учитывая остроту ситуации, принять временные меры по ее урегулированию.⁴⁰

Многие надеются на включение в Конституцию КНР специальной поправки, направленной на защиту частной собственности.⁴¹ Как утверждает одно из периодических изданий китайских правоохранительных органов: «От степени защищенности частного имущества в той или иной стране прямо зависит ее благосостояние».⁴²

Социальное расслоение

Экономический рост в Китае сопровождается быстро прогрессирующей дифференциацией общества. Примерно до середины 90-х годов этот процесс не вызывал особого беспокойства в обществе и у специалистов, поскольку считалось, что происходит разрыв с уравниловкой и нормальное формирование материальных стимулов функционирования рыночной экономики. Но затем, по мере того как различия в доходах, имущественном положении, социальном статусе разных групп общества все более углублялись и начали потенциально угрожать социальной и политической стабильности, стало очевидным наличие изъянов в экономической и социальной политике, в системе социального обеспечения и отношениях распределения.

В 1990 г. среднедушевые доходы 20% городского населения с наиболее высокими доходами превышали соответствующий показатель для 20% горожан с наиболее низкими доходами в 4,2 раза, в 1998 г. это соотношение возросло до 9,6 раз.⁴³ Ввиду широкой распространенности недекларируемых, теневых доходов реальная ситуация, скорее всего, еще острее.

Половина всех сбережений и наличных денег находится в руках 10% населения. Большая часть сберегательных вкладов физических лиц принадлежит 20% населения с наиболее высокими доходами. Эта группа располагает 50,24% всех семейных доходов, тогда как на долю 20% бедных семей приходится лишь 4,27% семейных доходов. Общая стоимость состояния 50 самых богатых людей Китая, включенных в список журнала «Форбс» за 2000 г., составляет 10 млрд. долл., что соответствует чистому суммарному годовому доходу 50 млн. крестьян, проживающих в шести бедных провинциях страны (Шэньси, Нинся, Цинхай, Юньнань, Ганьсу и Гуйчжоу). А 3 млн. китайских миллионеров обладают состоянием, равным двухлетнему чистому доходу 900 млн. китайских крестьян.⁴⁴

Такая ситуация ведет не только к поляризации и дестабилизации общества, но и затрудняет формирование эффективного платежеспособного спроса, способного самостоятельно служить мотором развития экономики, без постоянного подстегивания и подпитки его со стороны государства. Аккумуляция доходов в руках богатых ведет преимущественно к их замораживанию на срочных сберегательных счетах, плохо используемых для инвестиционных целей, в т.ч. и вследствие недостатков банковской системы.

Городская бедность все более становится источником социальной нестабильности и правонарушений. Вплоть до начала 90-х годов это социальное явление в силу своих относительно скромных масштабов, особенно в сопоставлении с бедностью сельской, не представляло сколько-нибудь серьезной общественной проблемы. Однако по мере роста безработицы, ставшей главным каналом пополнения численности городских низов, проблема стала обостряться. Больше всего поражены обнищанием города в слаборазвитых центральных и западных районах страны и старые индустриальные базы. В наиболее бедственном положении оказываются те, кто не имеет квалификации и образования.

Из-за отсутствия эффективной системы страхования по безработице большинство людей, потерявших работу, не могут удовлетворять свои минимальные жизненные потребности. Исследование, проведенное Институтом труда Министерства труда и социального обеспечения в 2000 г. в Ухане и Шэньяне, обнаружило, что 46% уволенных с государственных предприятий рабочих и служащих («сяган») не получают даже минимальных месячных пособий. Аналогичную ситуацию констатировала рабочая группа по исследованию городской бедности и безработицы Института экономики Академии общественных наук Китая. По ее данным, безработные и «сяган» получают от государства и своих производственных единиц ежемесячное пособие размером в среднем всего в 137 юаней (15 долларов), а 35% из них — менее 20 юаней.⁴⁵

Имущественное и социальное расслоение обусловлено различными причинами. Часть из них имеет отношение к неравному первичному распределению доходов по факторам производства в соответствии с последовательной реализацией объявленной в начале реформ установки на «опережающее обогащение части населения». Другие вытекают из неравномерного развития различных регионов страны, из отраслевой и корпоративной монополизации рынка и ренты за природные ресурсы, из слабой эффективности системы вторичного перераспределения и, наконец, в очень большой мере — из нелегальных доходов от коррупции, «серой» и «черной» экономики, составляющей, по оценкам, 15-20% ВВП.

Курс на освоение слаборазвитых территорий пока не только не уменьшил разрыв между восточными, центральными и западными регионами, но и не изменил и распределение инвестиций между ними. За 10 месяцев 2002 г. в восточные регионы вложено 1 306,9 млрд. юаней, в центральные — 511,5 млрд. юаней, в западные — 394,6 млрд. юаней. Быстрое развитие приморских регионов, где проживает примерно 400 млн. чел., при существующей неразвитости общенационального рынка и слабости призванных исполнять его функции в переходный период общенациональных институтов очень мало способствует развитию внутренних территорий, где проживает более 900 млн. чел. Это — два разных мира, все более расходящихся друг от друга. Первый — втягивается в глобальные процессы, становясь, как некоторые полагают, «мировой фабрикой», второй — остается очень мало затронутым как глобализацией, так и рыночными реформами.

Очень велики различия в уровне заработной платы, получаемой работниками разных отраслей народного хозяйства. В высокодоходных государственных монополиях зарплата в 4,6 раза выше, чем в низкодоходных отраслях. Фактически происходит необъявленная и никак не регламентируемая законом приватизация государственной собственности. Государственное и общенациональное достояние перетекает сначала в корпоративные, а затем и в частные карманы. Это ведет к ситуации, которая не только чревата обострением социальных и политических конфликтов, но и затрудняет нормальное функционирование экономики, ориентированное в первую очередь на внутренний спрос.

Серьезной корректировки требует фискальная система. Налогообложение в целом играет значительно меньшую роль в экономике Китая, чем в странах Запада и даже развивающихся странах. Доля налогов в китайском

ВВП не превышает 15%, тогда как в развитых странах — 45%, а в странах развивающихся — 25%.⁴⁶ Налог на доходы физических лиц стал взиматься в Китае лишь с 1994 г. В 1999 г. на его долю приходилось только 3,9% всех налоговых поступлений.⁴⁷ При этом основное бремя индивидуального подоходного налога (до 43%, а в Пекине и Шанхае — до 90%⁴⁸) падает на получателей заработной платы. Предприниматели, заработную плату не получающие, индивидуальным подоходным налогом не облагаются. Широко распространена практика укрывательства от налогов.

Существующие порядки социального обеспечения, зависящего, прежде всего от доходности отраслей и «единиц», не только не смягчают общественную дифференциацию и поляризацию, но, напротив, еще более их усугубляют, поскольку различия в доплатах и пенсиях дополнительно увеличивают разницу в заработной плате и доходах.

Увеличению государственной поддержки слабых социальных групп мешает хронический дефицит госбюджета, связанный с постоянно растущими административными расходами (в 8,3 раза за 1990–2001 гг.) Намечаемые сегодня реформы управления государственным имуществом, налоговой системы и социального обеспечения, возможно, отчасти скорректирует эту тенденцию.

Главным препятствием на пути к сбалансированному социально-экономическому развитию Китая является все более усугубляющаяся отсталость деревни. В течение ряда десятилетий из деревни разными путями выкачивались средства на начальную индустриализацию города. Но и сегодня, когда процесс индустриализации достиг достаточно зрелой стадии, город по-прежнему богатеет за счет деревни. Он не только не спешит отдавать исторические долги, но продолжает получать львиную долю инвестиций (в т.ч. и благодаря строительным займам).

Несмотря на увеличение доли несельскохозяйственных заработков в доходах сельского населения, в т.ч. и благодаря миграции в города, после 1986 г. продолжает увеличиваться разрыв в имущественном положении жителей города и деревни. Разница в номинальных доходах на душу городского и сельского населения в 2000 г. составляла 2,79 раза, в 2001 г. — 2,91 раза, в 2002 г. — более 3 раз (средняя оценка, минимальная — 2,5 раза, максимальная — 4,2 раза), а с учетом социальных льгот — примерно 6 раз. Отток около 90 млн. молодых и относительно более образованных мужчин и женщин на заработки в город повысил средний возраст сельских работников за последнее десятилетие с 36,8 лет до 40 лет.⁴⁹

Сокращению различий не помогает фискальная система. Налоговое бремя в деревне тяжелее, чем в городе. Ставка сельскохозяйственного налога, установленного еще в 50-х годах, составляет 8%, но поскольку она распространяется не только на денежную, но и на натуральную часть дохода, то фактически ставка с денежного дохода достигает 20%, что непомерно высоко.

Растет социальная дифференциация в самой деревне. При среднем по стране годовом доходе на душу сельского населения, равном в 2001 г. 2366 юаней, у 8,5% крестьян доход был выше 4000 юаней, а у 45,2% — ниже 2000 юаней, в т.ч. у 10,8% — менее 1000 юаней.⁵⁰

Положение сельской бедноты, особенно тех, кто по возрасту или по болезни лишился трудоспособности, еще хуже городской. С развалом народных коммун была подорвана материальная база социальной помощи беднейшим крестьянам на местном уровне. Крайне недостаточна и государственная программа помощи. Она охватывает только 0,5% сельскохозяйственного населения, или 4 млн. чел. По признанию Министерства гражданской администрации, поддержку получает только пятая часть тех, кто реально в ней остро нуждается.⁵¹ В среднем месячное пособие на одного человека составляет от 10 до 80 юаней (1–10 долл.).⁵² Однако и такая система действует «нерегулярно» и

«произвольно». К тому же те немногие средства, что отпускаются на помощь нуждающимся крестьянам, часто «заимствуются», т.е. используется местными властями на иные цели либо разворовываются.

Консервации социально-экономического отставания деревни от города во многом способствуют различия в системе финансирования образования. До начала реформ сельские школы находились в ведении народных коммун, получавших финансовую поддержку от центральных и местных властей. В 1976 г. была проведена структурная реформа, в результате которой в выигрыше оказалась городская школа. Ее основной обязанностью стала подготовка учащихся к поступлению в университет, что было подкреплено выделением соответствующих материальных и кадровых ресурсов. Финансирование и управление сельской школой были делегированы на уровень волости и деревни, которые, в свою очередь, стали возлагать основное бремя расходов на самих крестьян. По данным исследования, проведенного Центром изучения развития при Госсовете КНР, 78% расходов на обязательное образование в Китае несут органы управления волостей и поселков, 9% — уездные власти, 11% — власти провинциальные и только 2% — государственная казна. При этом 87% своих расходов власти уездного и волостного уровня перекладывают непосредственно на крестьян.⁵³

Известный китайский экономист У Цзинлянь считает экономический и социальный риск, связанный с неравенством доходов, с расслоением на богатых и бедных, с ненадежностью социального обеспечения, самой большой опасностью для устойчивого и длительного развития. Чтобы уменьшить масштабы этой опасности нужно, с одной стороны, усилить контроль над государственными служащими и группами лиц с высокими доходами, а с другой — создать крепкую систему социального обеспечения.⁵⁴

«Всестороннее строительство общества сяокан» и модернизация социальной структуры

Как известно, задача построения в Китае «общества сяокан» была впервые поставлена Дэн Сяопином в конце 70-х-начале 80-х годов прошлого века. Первоначально «сяокан» определялся показателем в 1000 долл. ВВП на душу населения, а несколько позже он был понижен до 800 долл. с задачей достижения к 2000 г.

В 1991 г. ГСУ КНР и еще 12 ведомств (плановых, финансовых, здравоохранительных, образовательных и др.) приступили к разработке системы из 16 индикаторов, характеризующих уровень и качество жизни «общества сяокан». Они включали размеры и структуру доходов, жилую площадь, рацион питания, благоустройство города и деревни, грамотность взрослого населения, ожидаемую продолжительность жизни, детскую смертность и иные аспекты. В 1995 г. создание системы было завершено.

К 2000 г. большинство показателей были достигнуты. Исключение, однако, составили три, связанные с положением в деревне. Чистый доход на душу сельского населения составил 85% от запланированного уровня. Доля белка в среднесуточном рационе не превысила 75 г, или 90% от намеченного показателя (главным образом вследствие худшего питания жителей деревни). Доля уездов, в основном оснащенных санитарными сооружениями, достигла лишь 80% от запланированного уровня.

В территориальном плане реализация критериев «сяокана» оказалась крайне неравномерной: только на востоке страны задача в основном была решена, но в центре и, особенно, на западе ее выполнить не удалось. Если в восточных районах ВРП на душу населения достиг в 2000 г. 1400 долл., то в центральных он составил лишь 78% от запланированного уровня, а в западных — 56%.⁵⁵ Максимальный показатель 4000 долл. — в Шанхае, минимальный немногим более 300

долл. — в Гуйчжоу, т. е. ниже уровня бедности по стандартам ООН (1 долл. в день).⁵⁶ Даже в наиболее благополучных восточных провинциях оставались немалые территории, слабо затронутые движением к общей зажиточности.

Установка XVI съезда КПК «на всестороннее строительство общества сяокан» подразумевает переход от «сяокана в целом» («цзунти сяокан»), «сяокана» частичного и несбалансированного к «сяокану» всестороннему («цюаньмянь сяокан»), сбалансированному, от «сяокана» низкого уровня к «сяокану» более высокого уровня, от «сяокана», понимаемого преимущественно как количественное воплощение экономического роста в материальной жизни людей, к обществу, разные сферы жизни которого развиваются синхронно и во взаимодополняющем режиме. Тем самым предусматривается не просто продолжение экономического роста по экспоненте, но также смягчение или устранение возникших на предшествующем этапе социальных и иных противоречий. Такая направленность курса требует не просто сохранения высоких темпов экономического роста, но, прежде всего его качественного, содержательного совершенствования.

Развертывая всестороннее строительство общества «сяокан», китайская компартия делает ставку на радикальную перестройку социальной структуры китайского общества. Главным направлением социальной трансформации является сокращение удельного веса и абсолютной численности низов, представленных, прежде всего, гигантской массой крестьянства, и формирование среднего класса.

Важнейшее значение в этом процессе придается урбанизации. Установка на урбанизацию впервые включена в партийные документы. По уровню урбанизации Китай сегодня далеко отстает не только от развитых, но и от многих развивающихся стран. Согласно критериям ООН, достигнутому КНР показателю ВВП в 1000 долл. на душу населения должен бы соответствовать удельный вес городского населения, равный примерно 62%. Это подтверждается, например, опытом столь разных стран на разных континентах, как Боливия, Филиппины, Болгария. В сегодняшнем Китае доля горожан составляет всего 37,7%. В 1995-2000 гг. эта цифра увеличивалась в среднем на 1,65% в год. Так что если в последующее двадцатилетие среднегодовые темпы роста городского населения составят около 1%, то намеченный рубеж будет достигнут.⁵⁷ Тем самым будет открыт путь к перемещению крестьян, занятых в малопроизводительных и малоодоходных отраслях сельского хозяйства, в более производительные, а потому и более доходные отрасли промышленности и сферы услуг.

Дальнейшее сосуществование города, быстро развивающегося и богатеего, но составляющего меньшинство в общей численности населения, с абсолютно преобладающей и стагнирующей деревней становится все менее терпимым в социальном, политическом и экономическом отношении. Сохраняющаяся еще в идеологическом арсенале формула «сельское хозяйство — основа» все больше утрачивает смысл. Могучий и процветающий Китай не может быть построен в условиях численного преобладания сельского типа расселения и аграрной занятости. В рыночной экономике капитал, стремящийся к максимизации прибыли, неизбежно отдает предпочтение городским кластерам перед дробной деревенской экономикой. Без перехода от Китая крестьянского и сельского к Китаю урбанизированному страна не сможет достичь уровня среднеразвитых стран, в частности и по показателю ВВП на душу населения. Без урбанизации подавляющей массы населения Китая невозможно преодолеть огромный и все более растущий разрыв не только в уровне доходов, но и в таких важнейших для жизни общества сферах, как образование и здравоохранение. От успеха или неуспеха урбанизации зависит в целом выполнение программы завершения модернизации страны к середине нынешнего столетия.

Превращение сотен миллионов людей из сельских жителей, занятых, особенно в глубинных районах, преимущественно сельскохозяйственным трудом, в горожан, главной сферой приложения труда для которых станет неаграрная сфера, представляет собой задачу неимоверной сложности. Для ее решения понадобится не один десяток лет.

Процесс этот невозможно ускорить путем обезземеливания (например, в результате приватизации земли) и неизбежного затем массового разорения крестьян с последующим переселением их в города, как это происходит во многих развивающихся странах. Наличие у крестьянина пусть крохотного, но неотъемлемого клочка подрядной земли служит ему гарантией возможного возвращения в деревню и сохранения хотя бы минимальных шансов на выживание в случае неудачи городского обустройства. Однако если ставить целью всеобъемлющую модернизацию китайского общества, обойти поступательное наращивание урбанизации нельзя.

Столь гигантский переход в такой огромной стране, как Китай, не может происходить стихийно. Чтобы избежать возникновения хаоса в экономической, социальной и политической жизни понадобится целый комплекс хорошо продуманных мер. Он должен включать в себя и обучение выходцев из деревни нужным городам профессиям, и создание сети посреднических организаций, которые на коммерческой основе помогут будущим горожанам устроиться и адаптироваться в новой производственной и бытовой среде, и многое другое. Важным шагом на этом пути должен стать постепенный отказ от институциональных ограничений миграции крестьян в города, и, прежде всего — от института прописки.

В переходе сотен миллионов крестьян от сельского образа жизни к городскому свою роль призваны сыграть как малые, так и большие и средние города. Последние способны обеспечить наибольшую занятость и наибольший заработок временным и сезонным мигрантам из села, тогда как первые могут дать им более дешевое и постоянное пристанище и возможность завести свое дело.

Известный китайский социолог Лу Сюэи полагает, что в «обществе сяокан» удельный вес рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, не должен превышать 15% (вместо нынешних 70%), а удельный вес сельскохозяйственного населения — 25%.³⁸

Не менее трудна и задача формирования среднего класса. Ни одно общество, ни одно государство не могут существовать без достаточно широкого социального слоя, который бы пользовался определенными привилегиями и служил бы опорой государства и гражданского общества. Совсем не обязательно, чтобы такой слой сам по себе обладал властью или тем более был господствующим. Но определенными рычагами воздействия на принятие важнейших политических решений он должен обладать и соответственно должен получать определенные материальные и иные дивиденды от их реализации.

В дореформенном Китае такие функции, как известно, принадлежали рабочим и служащим государственных предприятий. По мере продвижения рыночных реформ из деревни в город, из сферы экономической в сферу социальную, а в перспективе — и политическую этот класс лишился привилегированного положения в обществе, особенно в сопоставлении с вновь появившимися и занявшими верхние позиции в социальной стратификации новыми группами и слоями. Соответственно он утратил функции основной и порой единственной социальной опоры власти. Рабочие и служащие государственных предприятий, лишенные многих социальных преимуществ и льгот, включая пожизненную занятость в своей «единице», более не ощущают себя, как в былые времена, вершителями судеб общества и страны. Более того, многие из них сегодня оказались перед реальной угрозой потерять работу и войти в число париев города.

Отсюда — насущная необходимость в новой опорной конструкции, которая обеспечивала бы общественную стабильность. Роль такой конструкции и призван играть средний класс, или слой со средними доходами, доля которого в обществе, согласно материалам XVI съезда КПК, должна возрастать.

По данным ГСУ КНР, к среднему классу в настоящее время можно отнести 18% всех семей, т.е. примерно половину всего городского населения страны, поскольку именно такое число горожан получают средний по сегодняшним меркам доход — 8-10 тыс. юаней на члена семьи в год (около 100 долл. в месяц). Исходя из этого, полагают, что доля среднего класса, если увеличивать ее примерно на 1% ежегодно, через два десятилетия может возрасти с 18% до 38%.⁵⁹ Это бы приблизило Китай к уровню таких латиноамериканских стран, как, например, Аргентина или Бразилия, но еще далеко не дало бы возможности догнать экономически наиболее развитые страны.

Однако такой, чисто арифметический, подход страдает чрезмерной упрощенностью, поскольку никак не учитываются базисные характеристики среднего класса и его роль в обществе, которые выявляются лишь с преодолением некоего стартового порога. Китайские специалисты руководствуются обычно более высокими материальными критериями принадлежности к среднему классу, которые определяют и иные качественные его параметры. Директор Института труда и заработной платы Министерства труда и социального обеспечения Су Хайнань, исходя из данных исследований, проведенных в Пекине, полагает, что средний годовой доход на человека должен составлять от 40 до 80 тыс. юаней (5-10 тыс. долл.), а семейные накопления должны превышать 200 тыс. юаней.⁶⁰ Такие доходы позволяют поддерживать довольно высокий уровень жизни: иметь более просторное и хорошо обставленное жилье, автомобиль, разнообразную бытовую электротехнику, выделять средства на образование детей, на отдых и путешествия, на лечение.

Средний класс в Китае образуется из разных источников. По мнению декана социологического факультета университета Цинхуа профессора Ли Цяна, он складывается в основном из четырех групп. Первая — это «новый средний класс», формирующийся в негосударственном секторе, в новых отраслях экономики. Вторая — традиционные кадровые работники («ганьбу») и интеллигенция, располагающие стабильными доходами и хорошими шансами вертикальной мобильности. Эта группа и сегодня остается главной составной частью средних слоев. Третью группу представляют работники сравнительно хорошо функционирующих государственных и акционированных предприятий. Четвертая довольно многочисленная группа — индивидуальные и частные предприниматели.⁶¹

Пополнению среднего класса будет способствовать развитие образования. Считается, что каждый дополнительный год прибавки к образовательному цензу в Китае увеличивает доход в среднем на 6-7%. Пока что в Китае высшее образование в соотношении с численностью взрослого населения отстает от среднемирового уровня. Значительный вклад в формирование среднего класса призвано внести расширение сферы услуг, доля которой в экономике должна превысить 45%.

Формированию социальной структуры, опирающейся на сильный средний класс, призвана способствовать не только «невидимая рука» рынка, но и «видимая рука» государства, воздействующая на этот процесс целенаправленной социальной политикой, с неизменным использованием таких мощных рычагов, как вторичное перераспределение доходов и создание надежных систем социального обеспечения. Важность использования последних для обеспечения справедливости в обществе, специально подчеркивается в докладе XVI съезду КПК как одна из первостепенных задач во всестороннем строительстве общества «сяокан». Урбанизация и формирование среднего класса должны также

привести к переходу от доминирования инвестиций и экспорта как основных стимуляторов экономического роста к приоритетной ориентации на развивающийся внутренний спрос.

Корректировка стратегии социально-экономического развития — непростой процесс, но обойтись без нее нельзя. За несомненные экономические достижения истекшего двадцатилетия Китай заплатил немалую социальную цену. Она складывается и из сотен миллионов нерожденных детей, которые не только сэкономили государству и обществу огромные средства на их воспитание и обучение, но и оставили без семейной поддержки в старости быстро растущую когорту пожилых людей, и из растущей безработицы и поляризации общества, и из консервации отсталости в деревне, и из ухудшения природной среды, и из многих иных составляющих. Нельзя не учитывать, что способность общества принести дальнейшие жертвы имеет свои пределы. Действующая модель экономического роста создает немало проблем и в собственно экономической области. Если ситуация будет продолжать развиваться по экспоненте в том же направлении, что и прежде, то нельзя исключить, что в какой-то момент кумулятивное накопление диспропорций создаст серьезные преграды на пути общественного прогресса. Если же, напротив, «всестороннее строительство общества сяокан» обеспечит подлинно сбалансированное развитие, то Китай сумеет действительно стать сильным и процветающим во вполне обозримом по историческим меркам будущем.

Руководитель Центра исследований развития при Госсовете КНР профессор Ван Мэнкуй считает, что китайское общество в настоящий момент находится на этапе глубоких преобразований. Китай, по его мнению, совершает три коренных поворота: изменение модели экономического роста, изменение экономических институтов и переход от двучленной экономической структуры к современной социально-экономической структуре. При этом на передний план экономического развития все более выдвигаются социальные проблемы. Среди них особого внимания требуют проблемы социального обеспечения, занятости и распределения общественного дохода.⁶²

Непременным условием и залогом дальнейшего движения служит продолжение глубинных реформ во всех областях общественной жизни, включая и политическую. Настоятельная необходимость политической реформы вытекает не в последнюю очередь из усложнения социальной структуры, появления новых социальных групп и слоев со специфическими интересами, нуждающимися в соответствующих каналах и институтах для своей реализации и сбалансирования. Приход к руководству новой генерации политиков, обновление партийной и государственной элиты могут стать дополнительным стимулом для позитивной переоценки предыдущего опыта — со всеми его плюсами и минусами — и внесения необходимых коррективов в стратегию развития страны, с учетом глобальных вызовов и меняющейся ситуации в самом Китае.

1. Директор Института финансов и торговли Академии общественных наук Китая профессор Ян Шэнмин обращает внимание на то, что в документах XVI съезда КПК нет указаний на то, в какой валюте и по какому обменному курсу должно исчисляться учетверение ВВП. Это оставляет простор, по меньшей мере, для трех основных вариантов: при девальвации юаня среднегодовые темпы роста будут выше 7,2%, при ревальвации юаня — ниже 7,2%, при в основном стабильном юане — 7,2%. Ян Шэнмин полагает, что имеется в виду третий вариант // Цзинцзи жибао. 2003. 6 января. Автор настоящей статьи полагает, однако, что никак нельзя исключать и вариант ревальвации юаня, учитывая более высокую реальную покупательную способность юаня по отношению к доллару в сравнении с существующим обменным курсом (многие полагают, что уже сегодняшнее соотношение должно быть, как ми-

- нимум, 6:1 или 5:1, а не 8:1) и особенно — растущее давление на Китай, прежде всего, со стороны Японии и США, направленное на изменение этого курса.
2. Согласно этой классификации, средним уровнем доходов считается показатель ВВП от 755 до 9265 долл. на душу населения, в т.ч. нижнесредним — до 2999 долл.
 3. Жэньминь жибао. 2002. 25 ноября.
 4. Цзинцзи жибао. 2002. 12 ноября.
 5. Мы здесь оставляем в стороне вопрос о том, насколько официальные статистические данные о ВВП соответствуют действительности. Этой теме посвящена отдельная публикация (см.: Бергер Я. О достоверности экономического роста Китая и «китайской угрозе» // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С.40-55). В целом, несмотря на неизбежные искажения, особенно на местах, статистические данные достаточно близки к действительности, что подтверждается быстрым ростом потребления энергии, остатков на сберегательных счетах населения, валютных доходов от экспорта. Другое дело, что, судя по непрекращающейся дефляции, в ВВП в немалой степени засчитываются товары, не находящие спроса на рынке.
 6. До сих пор Китай тратил не слишком большие ресурсы на образование, особенно в сопоставлении с теми требованиями, которые предъявляет современная экономика знаний. В 1980-х и 1990-х годах доля государственных расходов на образование в ВВП в Китае не превышала 2,3%, тогда как в Индии она достигала 3,2%, в России — 3,5%, в Таиланде — 4,8%, в Малайзии — 4,9% // Human development report 2001. N-Y.-Oxford, 2001. P. 171-172.
 7. По данным высокопоставленного чиновника ГСУ КНР Сюй Сяньчуня, по размеру ВВП на душу населения Китай занимает 140-е место в мире. В 2000 г. этот показатель составлял лишь 2,29% от показателя занимающей первое место в этом списке Норвегии и соответственно 2,32, 2,44 и 2,49% от показателей, находящихся на втором, третьем и четвертом местах Японии, США и Швейцарии // Жэньминь ван. 2003. 10 февраля.
 8. Шичан бао. 2002. 4 декабря.
 9. Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 21 февраля.
 10. В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что сумма валовых продуктов провинций, городов центрального подчинения и национальных автономных районов в Китае превышает общенациональный показатель ВВП. В 2001 г. первый показатель составил 10 676,6 млрд юаней, второй — 9 593,3 млрд юаней. Согласно этим данным, рост ВВП в целом по стране составил 7,3%, тогда как во всех административных единицах высшего ранга, за исключением лишь четырех, он был выше 9%. Если исключить возможный повторный счет при учете добавленной стоимости, образуемой в межрегиональном производстве и хозяйствовании, и другие аналогичные факторы, то очевидно, что немалая доля указанного расхождения приходится на долю фальсификации отчетности на местах // Бэйцзин циннянь бао. 2002. 8 декабря.
 11. Гоцзи цзиньюн бао. 2003. 12 февраля.
 12. Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 21 февраля.
 13. Чжун синь шэ. 2002. 12 ноября. В китайской научной литературе последнего времени существуют и другие попытки оценить позиции Китая в мире по различным параметрам. Так, в докладе Академии наук Китая «Стратегия устойчивого развития Китая на 2003 год» Китаю отводится 7-е место по «суммарной национальной мощи устойчивого развития» («кэ чисью фачжань цзунхэ голи»). Этот критерий включает в себя пять систем, поддерживающих: существование («шэньцунь чжичи ситун»), развитие («фачжань чжичи ситун»), среду обитания («хуаньдин чжичи ситун»), социум («шэхуй чжичи ситун») и интеллект («чжили чжичи ситун»). В том же докладе Китай поставлен на 3-е место по экономической мощи (после США и Японии), на 4-е место по военной мощи (после США, Японии и Великобритании), а также на 5-е, 6-е и 13-е места соответственно по таким показателям, как дипломатические ресурсы, экологические ресурсы и регулирующие потенции правительства // Бэйцзин чэньбао. 2003. 28 февраля.
 14. XXI шицзи цзинцзи баодао. 2003. 10 февраля.
 15. Гуанмин жибао. 2002. 6 декабря.
 16. По свидетельству Ху Аньгана, только в сентябре 2002 г. на проходившем буквально накануне XVI съезда КПК Всекитайском совещании по занятости Цзян Цзэминь и Чжу Жунцзи впервые признали «чрезвычайно серьезное положение с занятостью в

- Китае» // Ху Аньган. Во ши жухэ яньцзю Чжунго гоцин ды. (Как я изучаю Китай.) // Жэнь минь ван. 2003. 9 января.
17. Чжунго чжэнцзюань бао. 2002. 6 декабря.
 18. Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 20 февраля.
 19. Бэйцзин циннянь бао. 2003. 9 февраля.
 20. Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 27 февраля.
 21. Хэ Сяомин. 2002 нянь Чжунго цзинцзи синши фэньси цзи 2003 нянь цянцзин чжаньван. (Анализ экономического положения Китая в 2002 г. и взгляд на перспективы 2003 г.) // Чжунго ван. 2003. 9 января.
 22. Чжэнцзюань шибао. 2002. 26 ноября.
 23. Чжунго ван. 2003. 3 января.
 24. Агентство Синьхуа. 2002. 15 февраля.
 25. Установка на «выход за свои пределы» («цзоучуцзюй») за последние годы неоднократно упоминалась в докладах Чжу Жунцзи о работе правительства на сессиях ВСНП. Главный ее смысл состоит в том, что государство поощряет предприятия всех форм собственности инвестировать капиталы за рубежом и участвовать в тендерах на производство строительных работ с использованием отечественных технологий, материалов и рабочей силы. Особенно подчеркивается необходимость осваивать новые рынки в Африке, Латинской Америке, Восточной Европе. См.: Гоцзи цзинцзи хэцзо. 2002. № 6. С. 26–28.
 26. Жэньминь жибао. 2002. 7 декабря.
 27. Ван Тун. Вого дуй вай тоуцзы кэ юн вайхуй — вого шиши «цзоучуцзюй» чжаньлюе ды учжи цзичу. (Для зарубежных инвестиций Китай может использовать иностранную валюту — материальная основа осуществления Китаем стратегии «выхода за свои пределы») // Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 14 февраля.
 28. Чжун Дацзюнь. Чжунго ин шэнькэ фаньсэ чжуншанчжуй — дуй тяочжэн вого фачжань чжаньлюе ды сыкао. (Китай должен в корне отторгнуть меркантилизм — размышления о корректировке стратегии развития Китая.) // Чжунго цзицзи шибао. 2003. 16 января.
 29. Ван Тун. Указ. соч.
 30. Хуаньцзю шибао. 2003. 8 января.
 31. Чжунго цзинцзи шибао. 2002. 11 декабря.
 32. С момента принятия курса на реформы и открытость все 330 млн новых рабочих мест были созданы в негосударственном секторе // Жэньминь жибао. 2002. 26 ноября.
 33. Жэньминь жибао. 2003. 24 февраля.
 34. Негосударственные предприятия в Китае создают 70% ВВП, получая менее 30% общей стоимости кредитов // Шанхай чжэнцзюань бао. 2002. 28 ноября.
 35. Для обозначения негосударственного сектора в Китае используется весьма расплывчатое понятие «народной экономики» («минь ин цзинцзи»), вытекающее, очевидно, из традиционного дуализма государство-народ (го-минь). К этой экономике, помимо более или менее определенных негосударственных секторов (частного и индивидуального), относятся также доли частного капитала в акционерных компаниях и в смешанных китайско-иностранннх фирмах, а также фактически негосударственные предприятия, действующие под «красной шапкой», т. е. под вывеской государственных или коллективных предприятий. Поскольку такая маскировка плохо фиксируется статистикой, многие эксперты полагают, что истинные масштабы негосударственного сектора в Китае серьезно занижены. (См. например, интервью с экспертом из Исследовательского центра правительства провинции Гуандун Ван Сюэмином // Наньфан бао. 2002. 4 декабря).
 36. Агентство Синьхуа 2002. 10 декабря.
 37. Причины такого бегства различны. В немалой степени они лежат в финансовой сфере, прежде всего, в низкой прибыльности частных предприятий в тех отраслях, куда они допущены, в несовершенстве фондового и валютного рынков, в заниженном курсе юаня по отношению к доллару (и соответственно — в высокой валютной себестоимости экспортной продукции) и в неравноправии национального и иностранного капитала // Кайфан. Шанхай. 2001. № 11. С. 8–10; Гоцзи цзиньюн бао. 2002. 14 ноября.
 38. Чжунго цзинцзи шибао. 2002. 17 декабря.

39. Су Мин. "Гунсы фа" яо буяо туйдао чунлай? (Надо ли переосмыслить Закон о компаниях? // Гоцзи цзиньюн бао. 2003. 7 января.
40. Чжунго цзинцзи шибао. 2002. 13 ноября.
41. С такой инициативой в марте 2002 г. выступила Всекитайская ассоциация промышленников и торговцев, которая предложила, чтобы в Конституцию КНР были включены положения о священности и неприкосновенности частной собственности, о том, что частная собственность граждан находится под защитой государства, и о запрете любым юридическим и физическим лицам незаконно присваивать или разрушать частную собственность физических лиц. Однако не все китайские правоведы поддерживают мнение о необходимости специальных законов, регулирующих негосударственную сферу экономики. Так, заместитель председателя Комитета по законодательной работе ВСНП, постоянный председатель Президиума Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев Чжан Сюйю считает, что принятие таких законов было бы шагом назад, возвращением к тем временам, когда законы адресовались дифференцированно различным формам собственности (например, Закон о предприятиях всенародной собственности, Правила управления частной экономической и др.). Конституция, по мнению Чжан Сюйю, охраняет права всех граждан, и частный предприниматель, будучи гражданином, естественно, имеет право на защиту своего имущества. Чжунго гуншан шибао. 2002. 25 ноября.
42. Жэньминь фаюань бао. 2002. 27 ноября.
43. Ли Пэйлинь. Чжунго пиньфу чацзюй ды синьтай инсян хэ чжили дуйцэ (Положение и воздействие разрыва между бедными и богатыми в Китае и меры по его урегулированию.) // http://www.cass.net.cn/Chinese/s09_shs/jpdd/lpl/fenpeidc.htm
44. Чжан Сянтан. Пинь фу сюань шу. Лянцзи фэньхуа кэнын даочжи шэхуй дуаньле. (Резкие различия между бедными и богатыми. Поляризация может привести к расколу общества.)// Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 8 января.
45. Ли Ши. Вого чэнши ды пинькунь ды сян чжуан цзи ци юаньинь. (Современное состояние городской бедности в Китае и ее причины.) // Чжунго цзингун шибао. 2003. 27 февраля.
46. Цзинь Сяотун. Тяочжэн сяофэй пинь фу чацзюй (Урегулировать налог на потребление, сократить разрыв между бедными и богатыми.) // Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 17 января.
47. Ли Яньхуа. Шоужу фэньпэй чацзюй юй гэжэнь содэ шуй ды тяочжэн (Различия в распределении доходов и регулирование подоходного налога с физических лиц.) // Цайчжэн юй тоуцзы взньти яньцзю. 2002. № 2. С.75
48. Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 8 января.
49. Как говорят в Китае, в деревне остаются только воинские части за номером 386170, т. е женщины (8-е марта), дети (1-е июня) и 70-летние старики.
50. Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 17 января.
51. Синьхуа шэ. 2003. 28 февраля.
52. Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 28 февраля.
53. Жэньминь ван. 2003. 22 февраля.
54. Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 28 февраля.
55. Жэньминь жибао. 2002. 18 ноября; Гуанмин жибао. 2002. 25 ноября.
56. Жэньминь жибао. 2002. 25 ноября.
57. Чжунго цзингун бао. 2002. 25 ноября.
58. Чжунго цзинцзи шибао. 2002. 15 ноября.
59. Жэньминь ван. 2002. 14 ноября.
60. Бэйцзин ваньбао. 2003. 25 февраля.
61. Чжунго чжэнцзюань бао. 2003. 6 января.
62. Ван Мэнкуй. Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шици суйяо шэньжу яньцзю ды жогань чжунгьяо цзинцзи взньти. (Некоторые важные проблемы экономики, требующие глубокого изучения в период всестороннего строительства общества сяокан.) // Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 28 февраля.

Экономика Северо-Восточной Азии: не состоявшееся (пока) единство (Проблема стратегического видения)

© 2003

В. Михеев

Цель данной статьи состоит в том, чтобы взглянуть на экономику Северо-Восточной Азии (СВА), главными силами которой являются Япония, Китай и Южная Корея, как на *единое целое* и попытаться определить в ней *место России*.

XVI съезд КПК (ноябрь 2002 г.), выборы нового президента в Южной Корее (декабрь 2002 г.), вероятность досрочных парламентских выборов в Японии вызывают дополнительный интерес к Северо-Восточной Азии, региону, частью которого является российский Дальний Восток, и где уже ведутся поиски интеграционной основы социально-экономического *соразвития*.

Интерес этот подогревается тем фактом, что суммарный ВВП Японии, Китая и Южной Кореи, превышает 6 трлн долл. (Япония — 4,5 трлн долл., Китай — 1,2 трлн долл., Южная Корея — 0,5 трлн долл.), что примерно сопоставимо с 9-ти триллионными ВВП Евросоюза и США¹. При этом именно эти три восточно-азиатские страны (здесь имеются в виду страны СВА, поскольку «северо-восточно-азиатские» произнести трудно) являются единственными в мире экономиками, не связанными многосторонними интеграционными соглашениями. Данное обстоятельство вызывает беспокойство в СВА на фоне набирающей темп интеграции в Европе (расширение ЕС) и на Американском континенте (создание Американской зоны свободной торговли к 2005 г.).

Воздействие фактора смены власти в Китае и Южной Корее, возможности такой смены в Японии на основные экономические тенденции в СВА не линейное. С одной стороны, ни новое китайское руководство, ни новый корейский президент или, если это все же случится, японский премьер не могут кардинально повлиять на ход экономического развития региона, диктуемого — теперь уже во всех трех странах, включая Китай, — логикой рынка, глобализации и научно-технического прогресса. С другой, сегодня, в момент смены вех исторического развития с конфронтационно-националистического на компромиссно-глобалистский, все большее значение приобретает *стратегическое видение* лидерами трех стран, их «командами», поддерживающими их или оппонировавшими им интеллектуальными, деловыми и политическими элитами перспектив национального развития в глобализирующемся мире. Стратегическое видение экономики Китая, Японии и Южной Кореи в контексте их интеграционных возможностей может задать новый вектор развития СВА, раскрывать дополнительные ресурсы для формирования здесь единого экономиче-

ского пространства, способного на равных сотрудничать и конкурировать с уже существующими интеграционными группировками ЕС и НАФТА.

Такая перспектива имеет значение и для динамики мировой экономики. Сегодня «перегрев» или депрессия, спад на одном из главнейших мировых рынков — американском — призван, в представлении аналитиков глобального капитализма, компенсироваться противоположными, позитивными по характеру, тенденциями на двух других рынках: в Единой Европе и Японии. Однако последние десять лет показали, что японская экономика в одиночку не справляется с ролью «резервного аэродрома». При таких обстоятельствах кумулятивный эффект от слияния экономических потенциалов стран СВА может расширить возможности для маневра в стратегии развития планетарного капитализма.

В этом месте кто-то может возразить, что помимо логики глобализации существует логика национальных интересов, которая может и не принять интеграционные веяния. Отвечая на это в целом справедливое возражение, важно еще раз подчеркнуть, что национальные интересы любой страны не являются неизменными, данными «кем-то сверху», а формулируются лидерами стран и их советниками, исходя как из внутривнутриполитического расклада сил, так и из *стратегического видения* перспектив глобального и регионального развития и места в них своей страны.

Подобная постановка вопроса требует и от российского руководства «осовремененного» взгляда на роль и место России в СВА. Причем взгляда, основанного не на том понимании, что Россия — часть Европы (что бесспорно) и что в Азии ей «делать нечего» (что неверно). И не на том, что над Россией «нависла угроза» колонизации иностранным капиталом и китайской демографической экспансии с последующей «дезинтеграцией и распадом», а на понимании того, что России для поднятия экономики необходимо использовать интеграционную ситуацию вблизи ее дальневосточных границ в не меньшей степени, чем возможности интеграции с Европой.

В свете сказанного автор выдвигает и отстаивает несколько тезисов.

Первый тезис. В 2002 г. экономика стран СВА развивалась относительно благоприятно на фоне замедления темпов роста в мировой экономике.

Темпы прироста ВВП и экспорта Китая были на уровне 8 и 22%, Южной Кореи — 5,6 и 10%, Японии — 0,9 и 0,6% соответственно, тогда как мировой ВВП вырос на 2,5%, а мировая торговля — на 1 процент. Положительное сальдо платежного баланса (в сумме порядка 120 млрд долл.) позволило странам СВА увеличить свои совокупные валютные запасы до 850 млрд долларов (около 20% мировых валютных резервов)².

Главными факторами экономического роста *Китая* стали активная финансовая политика государства, продолжавшего инвестировать в развитие наиболее отсталых районов страны, прямые иностранные инвестиции, превысившие 50 млрд долл. (Китай по этому показателю обогнал США и вышел на первое место в мире), рост внутреннего спроса, прежде всего на квартиры, автомобили и услуги туризма, а также быстрый рост экспорта как следствие вступления в ВТО. Рост экспорта сопровождался «облагораживанием» его структуры в пользу продукции машиностроения и электроники, на которые сегодня приходится почти половина вывозимой из КНР продукции.

Первый год членства Китая в ВТО положительно сказался не только на китайском экспорте, но и на развитии внутренних рынков современной продукции, «завязанных» на иностранные технологии и капитал: автомобилей, электроники, средств связи и телекоммуникаций, продукции машиностроения. Вступление в ВТО совпало по времени с ослаблением американского доллара, к которому де-факто привязан китайский юань, что стало дополнительным

фактором роста экспорта. Не оправдались негативные ожидания в отношении аграрного сектора, в котором не произошло спада как следствия либерализации внутреннего рынка. Потери национальных производителей от роста импорта риса были компенсированы переключением производства на другие виды сельхозпродукции, в том числе на продукцию животноводства.

В стратегии на новый год, при сохранении прежних приоритетов (структурная перестройка на основе научно-технологических новаций, прямые иностранные инвестиции, экспорт), особая ставка будет сделана на рост внутреннего частного, в том числе частного производственного спроса, а также на постепенную, во исполнение обязательств по ВТО, либерализацию и приватизацию финансового и промышленного секторов экономики. Ставка на частные источники финансирования призвана компенсировать постепенное исчерпание возможностей проведения активной финансовой политики за счет увеличения внутреннего долга, который сейчас достиг почти трети ВВП и на обслуживание которого уходит до 70% поступлений от новых продаж государственных облигаций³.

В *Японии* акцент делается на рост внутреннего частного спроса — в отличие от конца 90-х годов, когда была предпринята неудавшаяся попытка оживить экономику за счет роста государственных расходов. Оживлению частной потребительской и производственной активности должны были способствовать снижение налогов, приватизация госпредприятий и допуск частного и муниципального капитала в сферы ранее исключительно центрального государственного регулирования, попытки повысить эффективность управления государственными активами. Реструктуризация финансового и корпоративного секторов в совокупности с государственными инъекциями «против» «плохих кредитов», хотя и не дали прорывных результатов, но предотвратили ухудшение положения. Падение котировок фондового рынка достигло или, как минимум, вплотную приблизилось к уровню, отражающему реальную, соответствующую экономическим результатам, а не спекулятивную капитализацию компаний.

Вместе с тем не все предпринятые меры сработали. Рост ВВП был связан с увеличением частного и государственного потребления (на 0,6-0,7%) и ростом экспорта, в то время как частные, государственные и иностранные инвестиции продолжали падать (на 3-4%)⁴. Опасаясь увеличения невозвратных долгов, японские коммерческие банки, несмотря на снижение Банком Японии нормы обязательного резервирования и учетной ставки, сокращают кредитование реального сектора. С другой стороны, занятые реструктуризацией крупные корпорации вынуждены выплачивать огромные суммы в качестве выходного пособия увольняемым работникам, что негативно отражается на издержках производства, общей продуктивности компаний и курсовой стоимости их акций.

Экономика *Японии* и *Китая* испытывала негативное дефляционное давление внутреннего рынка. Индекс цен упал в Японии на 0,7, а в Китае на 0,8 %. Однако в Китае дефляция оказала меньшее влияние на динамику ВВП, поскольку была вызвана не столько осторожностью потребителей и их нацеленностью на увеличение сбережений и не столько инвестиционной пассивностью частного бизнеса, как это было в Японии, сколько незавершенностью реструктуризации промышленного производства: товарные запасы устаревшей, но все еще производимой на госпредприятиях продукции, продолжали увеличиваться, создавая основу для превышения совокупного товарного предложения над спросом.

Спад на американском и европейском фондовых рынках непосредственно и негативно повлиял на состояние японского рынка ценных бумаг. Тогда как пока все еще закрытый и зарегулированный китайский фондовый рынок,

хотя и продолжал «недобирать» зарубежных портфельных инвестиций, тем не менее минимизировал зависимость китайской экономики от понижательных тенденций на мировых фондовых рынках.

Южной Корее, благодаря продолжающимся реструктуризации финансового и корпоративного секторов и государственного финансирования расчистки «плохих кредитов», удалось выйти на относительно высокие темпы роста ВВП. Наряду с увеличением частного потребительского и производственного спроса свой вклад в позитивную макроэкономическую динамику внес корейский экспорт. Корейские экспортеры сумели «перестроиться» на основе внедрения новых технологий, повышения качества традиционной продукции (автомобили, суда, электроника) и экспансии на наиболее динамичные мировые рынки, прежде всего на рынок Китая, который в 2002 г. стал главным мировым импортером южнокорейской продукции.

В отличие от Японии и Китая, Южная Корея не испытывала проблем дефляции. Индекс цен вырос за год на 3,5 процента, заставив руководство страны больше опасаться развития инфляционного давления на экономику, чем угрозы редефляции. Свою роль в увеличении внутреннего спроса сыграл успешный для южнокорейской сборной чемпионат мира по футболу³.

Вместе с тем роль внешнего фактора, критическая для развития «всего лишь» сорокамиллионной по числу жителей южнокорейской экономики, не была использована полностью. Несмотря на финансовую либерализацию (операции иностранцев на фондовом рынке, вывоз валюты из страны), приток иностранных инвестиций не достиг максимальных отметок. Как и Япония, но в отличие от Китая, Южная Корея, отказавшаяся от привязки национальной валюты (воны) к доллару, недополучила подорожавших зарубежных инвестиций и подешевевших экспортных поступлений вследствие ослабления американской валюты.

Коррупционные скандалы, в том числе вокруг детей южнокорейского президента, и ужесточившаяся борьба с коррупцией — безусловно, полезная в долгосрочном плане — в краткосрочном имели обратный эффект. Традиционные связи бизнес — власть и корпорации — банки оказались под сильным давлением правоохранительных органов и не могли не пострадать от этого.

Проблема коррупции и связанные с ней громкие банкротства и скандалы «потрясали» в 2002 г. не только Южную Корею, но и Японию и Китай. Однако, вероятно, из-за меньших размеров корейской экономики и по причине вовлеченности в скандалы высших политических фигур Сеула, именно в Южной Корее коррупционный фактор проявился сильнее, чем в других странах СВА.

Второй тезис. Все три страны СВА придают исключительно важное значение глобализационным факторам роста национальной экономики.

Китай, акцентируя возможности и одновременно вызовы глобализации, тем не менее, считает постепенную и последовательную глобализацию национальной экономики необходимым условием поддержания высоких темпов экономического роста. *Япония*, хотя и делающая в нынешних мировых и внутренних условиях ставку на внутренние факторы оживления экономики, традиционно ориентирована на внешние рынки и без продолжения их активного освоения, вряд ли, может рассчитывать на выход на прежние высокие показатели общеэкономической динамики. В *Южной Корее* внутренний рынок объективно слишком узок, чтобы компенсировать без потерь каждый очередной спад экспорта и притока иностранного капитала. Поэтому внешний фактор роста неизменно является главным компонентом экономической стратегии Сеула.

Все три страны СВА обозначили свою крайнюю заинтересованность в активном участии в работе ВТО и рассчитывают сыграть свою роль в начинающейся под эгидой ВТО разработке новых «правил игры» на мировых рын-

ках. Не менее серьезным и наступательным является их отношение к региональным и субрегиональным экономическим институтам: АТЭС и АСЕАН, для Китая — плюс к этому и ШОС, в отношении которой, правда, пока существует больше не оформленных в реальные проекты задумок и не подкрепленных финансово ожиданий.

В АТЭС Япония хотела бы взять на себя роль лидера и спонсора научно-технической кооперации региона. Китай — роль лидера в использовании людских ресурсов АТР, а вместе с Гонконгом и роль одного из региональных финансовых центров. Южная Корея претендует на то, чтобы превратиться в информационно-технологический и компьютерный центр АТР и одновременно в центр транзитных авиаперевозок.

Отношения с АСЕАН строятся на двух уровнях: в формате АСЕАН плюс три (Япония, Китай, Южная Корея) и по линии двусторонних связей с АСЕАН. Цель взаимодействия — создание единого таможенного, а в перспективе — экономического и валютного пространства, охватывающего страны АСЕАН и СВА. Видя трудности в налаживании многосторонней кооперации с АСЕАН и продолжая работать в формате АСЕАН плюс три, Китай, Япония и Южная Корея в то же время ищут варианты своих собственных завязок с ЮВА. Пекин инициировал идею создания к 2010 г. зоны свободной торговли в формате АСЕАН плюс Китай. О развитии широкомасштабного сотрудничества с выходом на ту же идею свободной торговли, но уже в формате АСЕАН плюс Япония, активно размышляет Токио. Япония стала первой страной СВА, заключившей соглашение о свободной торговле с одним из лидеров АСЕАН — Сингапуром. Сеул явно не хотел бы отстать от Китая и Японии и ищет свой вариант двустороннего взаимодействия с АСЕАН.

Конкуренция Китая, Японии и Южной Кореи за лидерство в двусторонних связях с АСЕАН не способствует их коллективному взаимодействию с ЮВА. А медленное и сложное развитие интеграционного процесса в формате АСЕАН плюс три заставляет быть активнее саму эту «тройку», к слову сказать, по размеру ВВП в 12 с лишним раз превосходящую группировку АСЕАН. Так, в формате АСЕАН плюс три возник новый формат «трех» — Китая, Японии и Южной Кореи, инициатором которого стал Китай. Идея сотрудничества «трех» получила поддержку и с другой стороны. В 2002 г. Токио и Сеул не только заметно продвинулись в переговорах по заключению двустороннего соглашения о свободной торговле, но и активизировали обсуждение вариантов присоединения к нему Китая. Правительства трех стран получили первый совместный доклад ученых и экспертов Китая, Японии и Южной Кореи о преимуществах многосторонней интеграции в СВА.

В целом, в 2002 г. появились дополнительные основания считать, что обеспокоенность Пекина, Токио и Сеула в сфере интеграционным отставанием от Северной Америки и Европы в итоге может перерасти в конкретные объединительные решения.

Конечно, у «запаздывающей» интеграционной мотивации стран СВА есть свои объективные экономические и политические причины отставания.

Развитие экономик трех стран СВА шло по схожим стратегиям: ставка на иностранный капитал и экспорт на ведущие мировые рынки, формирование потребительской модели поведения «среднего класса», сброс трудоемких и капиталоемких производств в страны «следующей волны» вслед за переходом к интенсивным факторам развития и новым потребительским стандартам. Вслед за Японией — в Южную Корею, вслед за Южной Кореей — в Китай. Схожесть «возрожденческих» стратегий тормозила распространение в головах политиков, бизнесменов и интеллектуалов потребности в интеграции. Плюс к этому, Китай фактически вплоть до конца 90-х годов был сначала полностью,

а потом по большей части вне сферы рыночной и глобализационной логики поведения. И потому не был готов стать третьим структурообразующим элементом экономической интеграции в СВА.

Политически Китай, власть в котором находится в руках коммунистической партии, долгое время воспринимался в Японии и Южной Корее как угроза. Да и сейчас Китай больше рассматривается скорее как конкурент, соперник Японии «в борьбе за региональное лидерство», чем жизненно важный партнер. Между Китаем и Японией, Китаем и Южной Кореей еще сохраняется известная политическая напряженность. В первом случае она связана с колониальным прошлым, во втором — с северокорейской тематикой. «Провисли» без итогового решения сохранившиеся после Второй мировой войны территориальные споры. Не до конца преодолено социально-психологическое отчуждение, также частично связанное с колониальным прошлым.

Плюс к этому, страны СВА имеют разные по своему содержанию отношения с США. Япония и Южная Корея являются военно-политическими союзниками. Китай же рассматривается Вашингтоном если не как враг, то как конкурент и потенциальная угроза. И хотя в 2002 г. появились признаки стремления Вашингтона и Пекина к практическому выстраиванию новых отношений военно-политического партнерства и партнерства в области безопасности на глобальном и региональном уровнях, сторонам предстоит еще весьма долгий путь к новому восприятию друг друга. А именно — как партнеров по обустройству общего мира, а не как оппонентов, расположенных по разные стороны «разделительных линий», доставшихся в наследство от периода «холодной войны».

Вместе с тем объективные основания, препятствующие распространению стратегического видения странами СВА своего интеграционного будущего, вряд ли, правильно абсолютизировать. В 2002 г. в СВА активизировались дискуссии вокруг таких идей, как учреждение здесь «Восточно-азиатского форума» с перспективой создания единого таможенного, экономического, валютного и в будущем социокультурного пространства на основе общности философских и исторических корней стран СВА.

Япония уже осуществляет кооперационное взаимодействие с Китаем и Южной Кореей по линии центробанков в целях обеспечения стабильности национальных валютных рынков (взаимное размещение центробанками валютных депозитов на случай угрозы «обвала» национальной валюты). В 2002 г. учрежден специальный трехсторонний культурный фонд поддержки современных музыкантов и исполнителей Китая, Япония и Южной Кореи, целью которого является обеспечение их конкурентоспособности не только на азиатских рынках популярной музыки (что уже имеет место), но и на рынках Америки и Европы.

Большое практическое значение может иметь упоминавшийся выше первый трехсторонний доклад, представленный экспертами правительствам Китая, Японии и Южной Кореи. Его основные выводы состоят в следующем⁶:

— Экономики Японии, Китая и Южной Кореи на макроэкономическом уровне в целом взаимодополняемы, что при их объединении может дать кумулятивный эффект. К примеру, исходя из сравнительных преимуществ в издержках производства, Китай может специализироваться на производстве зерна, продуктов питания и электронного оборудования, Южная Корея — на производстве продуктов питания и химической продукции, Япония — на производстве других видов обработанных изделий.

— Однако наибольший эффект может быть получен не от фактора взаимодополняемости, а на микроэкономическом уровне — от развития межфирменной интеграции, что приведет к облегчению передачи новых технологий и повышению уровня и качества управления компаниями.

— Взаимная торговля трех стран СВА, хотя и составляет не столь большую долю от всей их внешней торговли (10–15% против 60–70% в НАФТА и ЕС), тем не менее через механизмы межфирменной кооперации и прямых иностранных инвестиций, стимулирует общий рост торговли Китая, Японии и Южной Кореи с мировой экономикой.

— Заключение трехстороннего соглашения о свободной торговле между Китаем, Японией и Южной Кореей как первого шага к единому интеграционному пространству в СВА само по себе даст дополнительно 0,2 процентных пункта прироста ВВП Японии, 1,3 процентных пункта прироста ВВП Китая и 3,2 процентных пункта для Южной Кореи. Или примерно 0,6% совокупного ВВП всех трех стран СВА.

Возможна и еще одна схема взаимодополнения экономики СВА по фактору цена — качество — состоятельность потребителя. Например, Япония выступает поставщиком на потребительский рынок СВА продукции для богатых японцев, южнокорейцев и китайцев, для «высшего среднего» класса Южной Кореи и Японии и для среднего класса Японии. Южная Корея — в свою очередь, для богатых южнокорейцев, «высшего среднего класса» Японии, Южной Кореи и Китая, среднего класса Японии. Китай — для высшего и среднего класса Китая, для бедных слоев японского и южнокорейского общества.

И тем не менее, несмотря на справедливость приведенных аргументов в пользу интеграционного видения будущего СВА, одних ссылок на то, что это ускорит экономический рост каждой из стран, пока оказывается недостаточно для распространения потребности в интеграционной мотивации в политических и деловых элитах СВА. Здесь требуется продолжать совместный поиск дополнительных аргументов.

Тезис третий состоит в том, что, несмотря на достигнутые успехи, 2002 г., как и предыдущие годы, или даже сильнее, чем предыдущие годы, подтвердил наличие в экономиках Китая, Японии и Южной Кореи фундаментальных, стратегических проблем, которые могут привести к экономическому краху в СВА.

Эти проблемы могут быть разделены на две группы. К одной относятся те из них, которые в принципе могут быть решены странами СВА самостоятельно, однако при объединении усилий они будут решены легче и лучше.

Первая из них — *проблема невозвратных кредитов*. Механизм возникновения невозвратных кредитов универсален: банки выдают средства под неэффективные, по причине плохой проработки либо плохого менеджмента, проекты. Другое дело — почему банки так поступают. В Японии и Южной Кореи это, с одной стороны, связано с традицией «дружеских связей» корпоративного и финансового истеблишмента (игра партнеров в гольф важнее для принятия решения о выдаче кредита, чем экономический просчет проекта). И, с также «традиционными», часто коррупционными, завязками бизнеса и власти (не взятка, а «пожертвование», которое бизнесмен не может не дать, а чиновник не взять). А с другой стороны, — со «вздутыми» ожиданиями успеха любого начинания, возникшими на фоне десятилетий высоких темпов экономического роста: 60–80-е годы в Японии, 70–90-е годы в Южной Корее.

В Китае пока ситуация иная. Главная причина появления невозвратных кредитов — плохое управление государственными активами. Государственные банки, контролирующие порядка 80% рынка заимствований, кредитуют главным образом государственные же предприятия, на которые приходится около 50% промышленного производства. Последние не особо заботятся о возврате долгов, зная, что государство все равно их «подстрахует». Выход — в совершенствовании собственно государственного управления финансами, что, как показывает практика, не всегда дает нужные результаты, и в приватизации

банковского сектора. Последняя со временем может привести к появлению новой категории «плохих кредитов», как в Японии и Южной Корее, связанных с завышенными ожиданиями успеха на фоне десятилетий (80-2000-е годы) высоких темпов экономического роста и с неаккуратным («все и так идет хорошо») использованием средств.

Сегодня в странах СВА уровень «плохих кредитов» неодинаков. Относительно лучше ситуация в Южной Корее, где за последние два года их объем удалось снизить с 15 по 5%. В Японии на «невозвратные» приходится 22% общего объема выданных банками кредитов. В Китае — 16%, хотя, по некоторым оценкам, этот показатель значительно выше и составляет 40-45%⁷. Ответ на закономерный вопрос, а почему при таком состоянии дел китайская экономика еще не рухнула, состоит в том, что государственный контроль над банковской сферой «загоняет болезнь вглубь». Обострения следует ожидать после полной либерализации китайских финансов.

Методы решения проблемы «плохих кредитов» гипотетически также универсальны. Государство, через компании по управлению «плохими» активами выкупает невозвратные кредиты в обмен на акции и затем занимается рекапитализацией финансовых учреждений, если это еще возможно, либо их банкротством. Большие финансовые резервы во всех трех странах СВА позволяют им относительно успешно применять эту схему. Раньше других справилась с проблемой «плохих кредитов», резко обострившейся во время азиатского финансового кризиса, Южная Корея. В ближайшие годы предполагает решить проблему Япония. Китай, по официальным данным, уже «разобрался» примерно с 20% невозвратных кредитов, привлекая, и крупный американский капитал для участия в реализации схемы «долги — в обмен на акции».

Вместе с тем справедливо и мнение о том, что ситуация с «плохими кредитами» в СВА не столь обнадеживающая. Возврат на траекторию роста, при сохранении прежних традиций в отношениях в треугольнике корпорации — финансовые институты — власть, может вновь обострить проблему в Южной Корее. Япония постоянно сталкивается с дилеммой: как быть с банкротством структурообразующих японских банков и финансовых учреждений, не поддающихся рекапитализации. Угроза удара по всей экономике заставляет японское правительство действовать с особой осторожностью. То же можно сказать и про четыре структурообразующих государственных банка Китая. Предстоящая в течение 3-5 лет после вступления Китая в ВТО либерализация китайских финансов поставит китайские власти в труднейшее положение: как все же рекапитализировать кредитные учреждения и, соответственно, сохранить банковскую стабильность и доверие частных вкладчиков?

С точки зрения интеграционного видения будущего СВА, выход из ситуации кажется весьма логичным. Создание единого экономического и финансового пространства в СВА позволит объединить государственные финансовые возможности Японии, Китая и Южной Кореи для решения проблем рекапитализации финансовых учреждений без угрозы для структурообразующих банков и социальной стабильности. Для Китая это необходимо, наверное, в большей степени, поскольку именно здесь сохраняется наибольшая неопределенность с истинным весом «плохих кредитов» в экономике. Неопределенность, которая уже в ближайшие 3-5 лет после вступления в ВТО и выполнения Китаем соответствующих обязательств может трагически проявиться. Участие в схемах обмена «долгов на акции» в Китае даст дополнительные стимулы для активности, прежде всего японским и, в известной мере, крупным южнокорейским финансовым игрокам. Региональные «спасательные операции» уменьшат зависимость Южной Кореи и Китая от решений МВФ, случись новое обострение положения дел с «плохими долгами».

Вывод, в свете темы данной статьи, состоит в том, что, конечно, и Япония, и Южная Корея, и Китай могут с большим или меньшим успехом решать данную проблему самостоятельно. Однако объединение их потенциалов даст более эффективный кумулятивный эффект.

Вторая проблема — *зависимость от мировой конъюнктуры и курса американского доллара*. Наиболее чувствительна к этому Южная Корея, хотя, конечно, и для Китая, и для Японии эта проблема одна из главных. Создание единого таможенного пространства в СВА с перспективой единой валюты расширит региональные возможности для экспорта трех государств и уменьшит риски, связанные с колебаниями доллара США.

Третья проблема — *старение населения*. Уже сегодня на одного работающего в Японии приходится около полутора пенсионеров. В Китае и Южной Корее данная проблема обострится лет через двадцать, когда количество пенсионеров увеличится до четверти населения с нынешних менее 10 процентов. Интеграция в области социального обеспечения позволит перераспределять по времени финансовую нагрузку, связанную с разными возрастными структурами населения. А объединение рынков социального страхования открывает возможности для укрупнения работающих на нем компаний и уменьшения рисков.

Четвертая проблема — *энергетическая безопасность региона*. Исходя из неблагоприятного сценария развития, мировая добыча нефти с 2010 г. начнет снижаться, тогда как мировой спрос на нефть, в том числе в СВА, будет расти. Военно-политическая нестабильность на Ближнем Востоке увеличивает энергетическую уязвимость СВА. Создание в СВА общего Стратегического резервного нефтяного фонда способствовало бы согласованию интересов стран СВА в обеспечении региональной энергетической безопасности.

Следующая проблема — *мировая конкурентоспособность и научно-техническое развитие*. Нынешний разрыв между размерами ВВП США и Китая (почти в 8 раз) таков, что только для его неувеличения Китаю надо отвечать 8%-ми прироста ВВП на каждый 1% прироста ВВП США. В случае развития американской экономики темпами в 2 или более процентов, задача не позволять США уходить в отрыв становится для Китая невыполнимой. Совокупный же ВВП СВА, составляющий, как уже упоминалось выше, порядка двух третей от ВВП ЕС и США, не столь безнадежно отстает от ВВП мировых лидеров, и здесь есть перспективы выравнивания потенциалов, а вслед за этим и уровней развития регионов.

То же можно сказать в отношении перспектив преодоления научно-технологического отставания СВА от США. Опыт ЕС, только сейчас, после объединения возможностей финансировать научно-технический прогресс, сумевшего «бросить вызов» американской науке, в не меньшей степени полезен и для СВА.

Можно, наверное, привести еще множество примеров, когда интеграционные усилия в СВА дадут плюсы каждой из стран-участниц процесса соразвития. Например, сославшись на то, что именно в рамках интеграционного взаимодействия с Японией и Южной Кореей Китаю будет проще наращивать свой национальный капитал, увеличивая капитализацию вступающих в период деловой зрелости китайских ТНК.

Однако, видимо, полезнее будет упомянуть те проблемы, которые вообще *не разрешимы* в обозримой перспективе без интеграционного взаимодействия стран СВА.

Выделим две из них. Первая — *проблема 900-миллионного китайского крестьянства*, живущего сегодня меньше, чем на 1 доллар в день. Почти 180 млн из них — заняты менее трех месяцев в году, 100 млн человек

ежегодно мигрируют внутри Китая. Все это создает давление на китайский рынок труда. И приводит к структурному парадоксу китайской экономической стратегии. Для того чтобы выйти на уровень развитых стран, Китаю необходимо делать ставку на интенсивные факторы роста, достижения научно-технического прогресса и т.п. Что Китай, собственно, и пытается осуществить. Однако наличие огромной армии неквалифицированной рабочей силы заставляет Китай, чтобы избежать социальных перекосов сверх «предела стабильности», ориентироваться на трудоемкие отрасли в стратегии развития. Китай решает проблему логичным путем урбанизации села. Однако диспропорция между, хотя и большими, но все же ограниченными государственными возможностями Китая, и потребностью в капитале в объемах, необходимых для «вооружения» производственными фондами «армии» селян, столь велика, что без огромных внешних заимствований выглядит непреодолимой.

Проблема реальной и потенциальной безработицы китайского села «накладывается» на японскую дилемму «как лучше пристроить капитал». Несмотря на положительную динамику в 2002 г., японская экономика все же пока далека от устойчивой траектории роста. Японские финансовые институты, как уже отмечалось, осторожно выдающие кредиты, опасаясь увеличения невозвратных долгов, оказались в так называемой «ловушке ликвидности», когда происходящее наращивание денежной массы ведет не росту инвестиций, а к увеличению неиспользуемых денежных ресурсов. Можно, конечно, говорить, что Япония справится, так или иначе, с этой бедой. Однако напрашивается очевидное: единый подход к этим двум проблемам Китая и Японии открывает новую перспективу их решения. Своя ниша может найтись и для Южной Кореи в освоении огромных «людских ресурсов» китайского села.

Повышение в результате интеграционных мер платежеспособного спроса почти миллиарда пока еще бедных китайских крестьян вообще указывает на заманчивые стратегические перспективы стимулирования производства и в Японии, и в Южной Корее и, конечно, в самом Китае.

Вторая проблема — *социокультурное общение*. Историческая конфуцианская общность культур и иероглифическая общность языков показывают направления объединения стран СВА по цивилизационным и культурным параметрам. Однако для того, чтобы люди региона могли общаться между собой, им надо знать как минимум два-три языка — свой родной, английский и/или один из других языков региона. Для этого нужны соответствующие образовательные программы, немыслимые без совместного их финансирования правительствами трех стран региона.

Тезис четвертый. У интеграции в СВА существует множество препятствий. Это и политические шероховатости. И разрыв в уровнях развития. По размеру ВВП Япония в 3,5 раза опережает Китай и в 9 раз Южную Корею, показатель ВВП на душу населения Японии в 3 раза больше аналогичного показателя Южной Кореи и в 35 раз — Китая. Это и разные политические и правовые системы, и экономические и бюрократические правила и процедуры. И негативное, или скептическое, отношение к интеграции с Японией в Южной Корее, к интеграции с Китаем в Японии и т.д. Японские бизнесмены, например, выступают против продолжения помощи Китаю («Зачем кормить конкурента?»). Не забыт и негативный опыт 70-х — 80-х годов, когда многие японские проекты в Китае не работали из-за консерватизма китайских партнеров.

Однако сомнения, пусть и кажущиеся объективными, это, опять же, вопрос, в том числе, и восприятия. Новый взгляд, *новое видение* проблемы, в данном случае интеграционного будущего региона, выводит и на новое формулирование своих национальных интересов и на новые действия. Социально-экономические основания в пользу интеграции, как мы уже убедились, есть.

Вопрос в том, делать в практической политике акцент на этих основаниях, или на аргументах «против»?

Тезис пятый: России желательно с самого начала активно подключиться к интеграционным процессам в СВА. Проблема России в том, что задача поднятия российского Дальнего Востока без интеграции с СВА не решаема в обозримой перспективе. Решение проблемы восточных земель России уже давно лежит на поверхности: объединение российских ресурсов, японского капитала и китайской рабочей силы. Однако только в условиях глобализации появляется возможность для практического интереса к этой схеме властей и деловых кругов России и стран СВА. И здесь России есть что предложить интеграционному сотрудничеству: транзитная территория, энергоресурсы, на основе которых может быть создано единое энергетическое пространство СВА и которые могут быть положены в основу резервного нефтяного фонда СВА. А также общероссийские научно-технические возможности для совместных исследований в этой области.

Проблема в том, как вписать концепцию интеграции России с СВА в экономическую стратегию развития России, предусматривающую интеграцию в европейские структуры. Выход — в корректировке стратегии развития России и проведении *двухвекторной политики*: и в Европе, и в СВА.

Включение России, ее Дальнего Востока, в интеграционный процесс в СВА, как считает ряд специалистов, было бы возможно в качестве «специальной таможенной территории». Этого статуса для нашего Дальнего Востока можно было бы добиваться на переговорах о вступлении России в ВТО (по примеру статуса Гонконга, получившего его при вступлении в ВТО КНР).

Такое решение проблемы позволило бы избежать трудностей при осуществлении стратегических замыслов России: одного — на создание единого экономического пространства с ЕС и другого, пока не сформулированного, но объективно неизбежного, — на вхождение в единое экономическое пространство СВА. Или, если быть точнее, — на участие в создании такого пространства.

Тезис шестой. Экономическая интеграция в СВА должна носить открытый характер и развиваться на принципах приоритетности межкорпоративной интеграции и региональных энергетических и инфраструктурных проектов перед созданием бюрократических институтов многостороннего сотрудничества. Последние, безусловно, будут и не могут не появляться, однако только по мере возникновения в них необходимости.

Открытость региональной интеграции означает свободный доступ к межкорпоративному и «проектному» сотрудничеству в СВА транснациональных корпораций и капитала из других экономик, прежде всего США и ЕС. Приоритет межкорпоративной и «проектной» интеграции нацелен на то, чтобы избежать бюрократизации многостороннего сотрудничества в СВА. Формирование единых органов управления наподобие тех, что работают в ЕС, — задача следующего этапа интеграции в СВА, после создания основы «корпоративной интеграции»: единого правового поля, обеспечивающего свободное передвижение в регионе товаров, финансовых потоков, рабочей силы, научных знаний и разработок.

Небольшое добавление. Экономика Северной Кореи может быть вовлечена в интегрирующуюся Северо-Восточную Азию после перехода страны к реальным рыночным реформам и политике открытого сотрудничества с внешним миром.

Экономика Монголии имеет много общего с экономикой российского Дальнего Востока и Западных районов Китая. Эта общность предопределяет и схожесть рецептов решения монгольских проблем. Поэтому участие Монголии в интеграционных процессах в СВА может начаться как с самого начала, так и

на любом другом этапе, когда восточно-азиатское сообщество почувствует потребность в монгольских ресурсах.

Тезис итоговый. Страны СВА в разной степени заинтересованы в «раскручивании» идеи восточно-азиатской интеграции.

Объективно больше других в ней заинтересован Китай. Поскольку именно в Китае существуют стратегически важные проблемы, не разрешимые без регионального взаимодействия. Далее, Южная Корея, которая сильно зависит от конъюнктуры мировых рынков, во-первых, и, во-вторых, когда наступит время платить за воссоединение с Северной Кореей, будет остро нуждаться в региональных финансах, для того чтобы поднять экономику Севера и при этом избежать социально-экономической напряженности на Юге.

Экономика российского Дальнего Востока по тем же причинам, что и китайская, и не менее остро, нуждается в участии в интеграции в СВА. Однако российское федеральное правительство пока не особо обращает внимание на эту «нужду», делая акцент на интеграцию в Европу, причем главным образом евразийской частью экономики России. Вывод для России, конечно, не в том, чтобы забыть о Европе, а в том, чтобы также пристально посмотреть и на Восток.

Япония, как большая глобальная экономика, теоретически обладает возможностями экономического роста и за счет внутреннего спроса, и за счет мировых рынков, не обязательно критически повышая роль СВА в собственном экономическом развитии. К тому же ставки здесь не столь велики — «лишь» дополнительные факторы оживления роста, а не жизненно важные проблемы выживания, как в Китае, Южной Корее, на российском Дальнем Востоке.

В этом, собственно, и состоит парадокс, или главное противоречие, интеграционного будущего СВА. Япония — финансовый стержень интеграции и потенциальный ее лидер, относительно меньше других региональных соседей заинтересована в ее ускорении. Китай, объективно более других заинтересованный в форсировании интеграционных процессов, менее других, с точки зрения завершенности экономической и финансовой либерализации и уровня политической демократизации, готов к интеграции с рыночными демократиями. Южная Корея, с одной стороны, крайне нуждается в СВА как «страховке» на случай ухудшения ситуации на американском и европейском рынках, а, с другой, — все еще боится «быть поглощенной» двумя гигантами-соседями — Японией и Китаем. Россия пока вообще не задумывается на сей счет, полагаясь в основном на Европу и эмоционально боясь китайской иммиграции и японской финансовой экспансии в наши восточные земли.

Плюс к этому, не однозначно и отношение к проблеме в США: экономические круги западного побережья ищут для себя новые возможности в развитии экономической интеграции в СВА, а политическая и деловая элита Востока опасается нового, сравнимого с ЕС, конкурента.

И сегодня кажется, что у восточноазиатских скептиков, как, впрочем, и всегда у скептиков, есть больше оснований утвердиться в своей правоте, чем у оптимистов. Без этого, наверное, и не надо было бы «браться за перо» и пытаться предлагать **новое стратегическое видение интеграционного будущего СВА** как сценария, пусть для кого в меньшей, для кого в большей степени, но выгодного всем. Однако повод для оптимизма все же есть. И связан он с тем, что сегодня лидеры стран СВА, а также России, их политические и экономические элиты, признают объективный характер глобализации и необходимость «использовать ее шансы» и «парировать ее вызовы». Следующий шаг — переложить такое видение на практику выработки и осуществления национальной и корпоративной экономических стратегий.

Практическое предложение для России. У России есть возможность уже сегодня быть одним из разработчиков восточноазиатских интеграционных сценариев.

Для этого российским ученым и экспертам важно принять участие в подготовке следующего, на сегодня пока трехстороннего, доклада по проблемам интеграции в СВА, упоминавшегося выше и сделанного для своих правительств учеными и экспертами Китая, Японии и Южной Кореи.

Российскому бизнесу при участии региональных властей дальневосточных субъектов РФ важно наращивать свое участие в газовом, энергетическом, экономическом форумах СВА. Важно использовать трибуну Байкальского экономического форума для акцентирования восточноазиатской интеграции.

Российскому правительству на основе двух только что упомянутых направлений действий было бы резонно инициировать регулярное проведение Энергетического саммита СВА с участием лидеров России, Китая, Японии, Южной Кореи, с привлечением наблюдателей из США, ЕС и других стран. Практическое «превращение» идеи энергетического саммита в реальные многосторонние проекты может со временем стать и одной из основ будущих региональных интеграционных институтов.

Наверное, можно (и необходимо) выдвинуть еще много других идей, исходя из **нового интеграционного видения** будущего СВА. Чего не стоило бы делать, так это продолжать предаваться «делу неделанья» в отношении восточноазиатской интеграции, полагаясь на то, что все «как-нибудь» определится само собой.

-
1. National Statistics, China, Rep. of Korea, METI, Cabinet Office, Japan, 2001-2002.
 2. Cabinet Office, Japan. 2002, «Жэньминь жибао», 25.12.2002, 17.01.2003.
 3. Статистический ежегодник Китая, Пекин, 2002.
 4. Fiscal 2003 Outlook and Basic Stance for Economic and Fiscal Management, Cabinet Office, Dec. 19, 2002. Tokyo.
 5. Perspective and Challenges of the Korean Economy. "New Asia", Autumn, 2002, p.112.
 6. Toward Trade and Investment Liberalization Among China, Japan and Korea. Cabinet Office, Japan, Dec. 20, 2001
 7. Far Eastern Economic Review, 2002. № 16. P. 30.

Межкорейские отношения: взгляд из России

© 2003

А. Жебин

За последние два с лишним года на Корейском полуострове произошло столько событий, для описания которых использовалось слово "беспрецедентный", сколько их ни случалось за предыдущих столетия. Межкорейский саммит, визиты в Пхеньян президента РФ В.Путина и премьер-министра Японии Д.Коидзуми, госсекретаря США М.Олбрайт, начало разминирования последней в мире разделительной линии "холодной войны" - демилитаризованной зоны между Севером и Югом Кореи — вот только наиболее значительные из этого списка. Центральное место среди них, бесспорно, занимает первая за время существования КНДР и РК встреча их высших руководителей, состоявшаяся 13-15 июня 2000 г. в Пхеньяне.

Решение о проведении саммита отражало, похоже, осознание, как в Пхеньяне, так и в Сеуле исчерпанности на том этапе возможностей существенного продвижения в решении корейского вопроса за счет задействования внешних факторов — РФ, США, КНР и Японии. В этих обстоятельствах корейцы предприняли попытку найти собственное решение корейских проблем, используя для этого набирающие силу корейский национализм и осознание общекорейских интересов. В целом этот шаг объективно был направлен на то, чтобы ослабить роль "внешних сил" в корейских делах, вынудить великие державы в большей степени считаться с интересами корейцев.

Межкорейский саммит, подняв отношения между двумя корейскими государствами на качественно новый уровень, заложил фундамент для их нормализации и налаживания широкого и стабильного двустороннего сотрудничества. Появилась реальная перспектива ликвидации одного из наиболее застарелых остатков "холодной войны", постоянно тлеющего очага конфликта в этом регионе.

Вместе с тем нельзя было не заметить, что подписанная по итогам саммита Совместная декларация в целом, за исключением признания сходства объединительных программ Севера и Юга и согласия продолжить диалог на высшем уровне, представляла собой своего рода "конспект" договоренностей, в той или иной форме уже зафиксированных сторонами в ходе межкорейских контактов в 70-90-х годах прошлого века. Принципиально новой особенностью стало лишь то, что на этот раз документ впервые был подписан высшими руководителями КНДР и РК. Именно это обстоятельство, учитывая традиции корейской политической культуры, придало последовавшему затем этапу межкорейского диалога повышенный динамизм и устойчивость, и, похоже, до сих пор не дает ему прерваться.

Было ли решение Пхеньяна пойти на межкорейский саммит следствием кардинальной переоценки его объединительной стратегии или представляло собой всего лишь продиктованный обстоятельствами тактический маневр, призванный решить сиюминутные проблемы, не меняя существа проводимого КНДР внешне- и внутривнутриполитического курса? Еще в канун 2000 г. в Пхеньяне называли южнокорейские власти "марионетками" и "предателями, у которых нет будущего" и отказывались от диалога с РК под предлогом ее "несамостоятельности" вследствие "оккупации" войсками "американского империализма".¹ Ожесточенным нападкам подвергался и лично президент РК, и провозглашенный им курс на примирение и сотрудничество с КНДР.² Это дало некоторым российским исследователям основания предположить, что "согласие Пхеньяна на переговоры не являются результатом изменения политики Севера в отношении Юга".³

Как сам саммит, так и последующие события свидетельствуют о том, что шаги КНДР к признанию существующих на полуострове реальностей в виде двух суверенных государств являлись, похоже, вынужденными и были продиктованы, главным образом, трудной экономической ситуацией и сложным международным положением страны. К 2000 г. окончательно стала очевидной неспособность КНДР справиться с затяжным экономическим кризисом собственными силами, без привлечения внешних ресурсов. В условиях прекращения прежней "подпитки" со стороны КНР и СССР, неясности перспектив получения экономической помощи Западом единственным реальным источником такого содействия оставалась Южная Корея с ее "политикой солнечного тепла", провозглашенной Ким Дэ Чжуном. К тому же возобновление диалога с официальным Сеулом было одним из главных условий, которые выдвинул Запад для нормализации собственных отношений с КНДР. Возможности последней для дипломатического маневра за счет использования различий в позициях США, Японии и Южной Кореи значительно сузились после создания этими странами в 1999 г. трехстороннего механизма координации их северокорейской политики.

Последний толчок в пользу переноса на Юг вектора дипломатического наступления КНДР, видимо, дала Берлинская декларация (март 2000 г.) Ким Дэ Чжуна, в которой было провозглашено отделение политики от экономики, т.е. оказание экономического содействия КНДР не обуславливалось политическими условиями, а также содержалось обещание придерживаться принципов мирного сосуществования и не пытаться поглотить ослабевший Север.

В Пхеньяне, конечно же, не испытывали иллюзий в отношении конечных целей Сеула. Однако там все-таки решили попытаться воспользоваться этим шансом для получения не только экономических выгод, но и достижения дипломатического прорыва сложившегося к тому времени единого фронта США-Япония-РК. Дело в том, что, судя по толкованию, которое в КНДР в истекший период давали Совместной декларации (сплочение корейцев Севера и Юга против "внешних сил"), Пхеньян, идя на саммит, рассчитывал на вывод Сеула из этого трехстороннего антисеверокорейского альянса.

Северокорейцы также надеялись не только на соответствующее продвижение в нормализации своих отношений с США и их союзниками, но и планировали разбудить соперничество между четырьмя великими державами, чьи интересы непосредственно пересекаются на Корейском полуострове. Сделав шаги к улучшению отношений с КНР и РФ, Пхеньян попытался заручиться их поддержкой с тем, чтобы вынудить США и Японию пойти на новые уступки.

Следует признать, что северокорейский маневр оказался достаточно точно рассчитанным. Уже само объявление о предстоящем саммите (апрель 2000 г.) помогло создать условия для визита Ким Чен Ира в КНР в мае 2000 г. и

российского президента В.В.Путина в КНДР в июле 2000 г. Возобновление политического диалога с этими двумя великими державами - соседями КНДР, - безусловно, привело к значительному укреплению не только позиций Пхеньяна в отношениях с РК, США и Японией, но и положения лично Ким Чен Ира как уважаемого лидера, с которым ведут дела руководители ведущих держав мира.

Еще одним внешнеполитическим фактором, побудившим Пхеньян возобновить диалог с Сеулом, были оказавшиеся небеспопулярными опасения северокорейского руководства по поводу возможного прихода к власти в США республиканцев, еще до выборов занимавших гораздо более жесткую позицию в отношении КНДР, чем администрация Клинтон.

Дав Ким Дэ Чжуну столь зримый аргумент в пользу проводимой им "солнечной политики", каким явился саммит, в Пхеньяне не без оснований рассчитывали, что после саммита Сеул, в свою очередь, станет подталкивать США и Японию к дальнейшим шагам навстречу Пхеньяну. В случае же прихода к власти в Вашингтоне республиканской администрации личная заангажированность южнокорейского президента курсом на "вовлечение" КНДР, как и предвидели северокорейцы, стала хорошим противовесом попыткам американцев проводить более жесткую линию в отношении КНДР.

Надо отметить, что и эти расчеты в значительной степени оправдались. Администрация Дж. Буша, несмотря на продолжение жесткой риторики в адрес КНДР и ее руководства, оказалась вынужденной корректировать свою политику с учетом позиции Ким Дэ Чжун и опасений осторожных японцев.

Межкорейский саммит явно ослабил единый антисеверокорейский дипломатический альянс США-Япония-ЮК, практически выведя из него, особенно на первых порах, Сеул, временно отодвинув на второй план т.н. "северокорейскую ракетно-ядерную проблему" как не имеющую существенного значения для нормализации отношений между "соотечественниками" (Пхеньян всегда утверждал, что его ракеты предназначены исключительно для сдерживания американской агрессии и недопущения повторения в Корее югославского или иракского сценариев).⁴

Решение КНДР возобновить межкорейский диалог фактически положило начало полосе дипломатического признания КНДР западными странами. С 2000 г. КНДР установила межгосударственные отношения с 20 странами, в том числе со всеми членами ЕС, за исключением Франции и Ирландии, была принята в АРФ.

Последовавшая после межкорейского саммита активная личная дипломатия Ким Чен Ира как в отношении южнокорейцев (встречи с представителями правительства, деловых кругов, культуры и прессы РК), так и американцев и западноевропейцев (продолжавшиеся свыше 11 часов беседы с госсекретарем США М. Олбрайт в октябре 2000 г., встреча с "тройкой" ЕС в мае 2001 г. в Пхеньяне) явно были рассчитаны на "раздемонизацию" имиджа руководителя КНДР в глазах как южнокорейцев, так и мировой общественности.

И, наконец, в КНДР заслугу проведения саммита и подписания на нем Совместной декларации приписывают исключительно Ким Чен Иру. Более того, утверждается, что таким образом он продемонстрировал свои качества общенационального лидера, под руководством которого только и может быть достигнуто воссоединение страны.⁵

Состоявшиеся в 2000-2002 гг. межкорейские обмены и контакты позволяют составить представление о приоритетах сторон и тактике, с помощью которой они стремятся их достичь.

Для Пхеньяна таким приоритетом явилось, как и ожидалось, получение экономического содействия и безвозмездной помощи со стороны РК. Что же

касается других сфер межкорейских отношений, то к ним со стороны Севера интерес оказался гораздо меньше.

В подходе северокорейцев с самого начала просматривалось стремление представлять свое согласие выполнять достигнутые с Сеулом договоренности как некую "уступку" партнеру и на этом основании каждый раз требовать взамен определенного "подарка". В день подписания соглашения об условиях проведения саммита (18 мая 2000 г.) РК начала поставки в КНДР 200 тыс. тонн удобрений. А в начале 2003 г. администрация Ким Дэ Чжун признала, что согласие Пхеньяна на проведение саммита было получено в обмен на сумму около 200 млн долларов. Позитивные в целом результаты 3-го тура межкорейских переговоров на уровне министров (сентябрь 2000 г.) во многом были обусловлены тем, что уже в первый день их проведения Сеул объявил о решении предоставить Пхеньяну 600 тыс. тонн зерна. Согласие северокорейцев на визит в Пхеньян в начале апреля 2002 г. специального представителя президента РК Лим Дон Вона и частичное возобновление межкорейских контактов были также связаны с обещанием Юга предоставить Северу 300 тыс. тонн зерна и 200 тыс. тонн удобрений, в которых он особенно остро нуждается весной. И, наконец, последнее по времени возобновление диалога (август-сентябрь 2002 г.) обошлось Сеулу в 400 тыс. тонн зерна и 100 тыс. тонн минеральных удобрений.

Еще одной особенностью тактики северокорейцев в сфере межкорейских контактов в целом, и в экономической сфере, особенно, является стремление вести их в максимально закрытом режиме. Работая с партнером "один на один", Пхеньян стремится противопоставить каждой южнокорейской корпорации в отдельности всю мощь северокорейской государственной машины. Отсюда, в частности, кажущаяся с первого взгляда "непонятной" неторопливость КНДР в деле нормализации работы межкорейского комитета по экономическому сотрудничеству, второе заседание которого (сентябрь 2002 г.) состоялось 18 месяцев спустя после первого (декабрь 2000 г.).

В ответ на южнокорейские экономические инъекции Пхеньян пошел на дозированные, строго контролируемые контакты в гуманитарной области, пытаясь при этом максимально использовать их для пропагандистских целей. Так, судя по комментариям северокорейских СМИ, выступления в РК накануне и после межкорейского саммита государственного симфонического оркестра КНДР, пхеньянского цирка и детского ансамбля убедили южнокорейцев в расцвете национальной культуры на Севере, а также, естественно, в "величии и мудрости руководства" страной нынешнего лидера КНДР.⁶ В таком же ключе северокорейские СМИ подавали и последующие культурные и спортивные обмены между двумя частями страны.

Наиболее существенной уступкой Сеулу со стороны Пхеньяна стало согласие КНДР возобновить после 15-летнего перерыва контакты между членами разделенных семей. Однако из-за боязни проникновения в страну "чуждых" местному образцу "социализма" идей, информации и образа жизни эти встречи по-прежнему носят нерегулярный, эпизодический характер (5-я встреча состоялась в сентябре 2002 г., 4-я — в апреле-мае 2002 г., а предыдущая, 3-я — более чем с годичным интервалом — в конце февраля 2001 г.). Хотя формат этих встреч был несколько расширен, они по-прежнему остаются тщательно отрежиссированными и проходящими под неусыпным контролем спецслужб обеих сторон мероприятиями с крайне ограниченным числом участников. Между тем, по официальным данным РК, в обеих частях страны насчитывается около 10 млн членов разделенных семей.

В марте 2001 г. в Пханмунчжоме представители Обществ Красного креста КНДР и РК произвели обмен 300 письмами, которые были направлены членами разделенных семей своим родственникам соответственно на Севере и

Юге. И здесь дело ограничилось пока разовым актом. Уже полвека власти обеих Корей так и не могут договориться о том, чтобы позволить своим гражданам свободно встречаться, звонить и писать друг другу.

В качестве "первоначального взноса" за согласие возобновить встречи членов разделенных семей Сеул в начале сентября 2000 г. передал Пхеньяну 68 человек, отбывших длительные сроки тюремного заключения в РК за просеверокорейскую деятельность. Возвращение "не переметнувшихся" к врагу узников было использовано для развертывания в КНДР массивной пропагандистской кампании, подкрепляющей традиционные тезисы северокорейских идеологов о "превосходстве" существующего в КНДР общественного строя и образа жизни по сравнению с теми, которые есть в РК.

В то же время КНДР пока категорически отказывается возвращать Южной Корее ее военнопленных, рыбаков и других лиц, которые, как утверждают в Сеуле, насильно удерживаются на Севере.

Просматривается стремление использовать достигнутые сторонами соглашения в той или иной области для того, чтобы навязать свою линию, продиктовать партнеру, что ему можно делать, а что нельзя. Во время поездки в Пхеньян группы руководителей СМИ РК (5-12 августа 2000 г.) было подписано соглашение, содержание которого сводится к обещаниям воздерживаться от взаимных нападок и работать в пользу консолидации и объединения. Довольно быстро выяснилось, что северокорейцы склонны использовать этот документ для наказания неугодных им органов печати РК путем отлучения их от освещения проходящих на территории КНДР различных событий, в том числе межкорейских контактов (отказ аккредитовать корреспондента крупнейшей консервативной газеты РК "Чосон ильбо" на переговорах Обществ Красного Креста КНДР и РК в Кымгансане и во время визита М.Олбрайт в КНДР, где помимо американских, работали свыше 20 японских и южнокорейских журналистов, а также корреспондент Франс Пресс).

В тактике северокорейцев также явно просматривалось стремление, уходя от официальных контактов, делать упор на организацию внешне довольно аморфных и разношерстных по составу конференций, симпозиумов, встреч представителей Севера и Юга, так сказать, по "профессиональному" признаку.

Среди таких мероприятий 2001 г. — встреча верующих КНДР и РК (март), митинг рабочих Севера и Юга за объединение (май) и конференция представителей различных слоев корейцев Севера, Юга и из-за рубежа по случаю первой годовщины подписания Совместной декларации (июнь), встреча общественности двух частей страны по случаю Дня освобождения (август). Аналогичные мероприятия проводились и в 2002 г.

Содержание этих форумов с подачи их организаторов — северокорейцев, как явствует из материалов СМИ КНДР, сводилось, как правило, к трем основным моментам: признание и "воспевание" роли нынешнего руководителя КНДР как общенационального лидера, естественного "центра сплочения" всех корейцев; поддержка выдвинутых КНДР инициатив по воссоединению как самых "справедливых и рациональных" предложений в этой области, и, наконец, откровенная апелляция к национализму, призывы к объединению абсолютного большинства тех, в чьих жилах течет "корейская кровь" против якобы "не желающих" объединения "внешних сил" и спевшихся с ними "национальных предателей".⁷

Видимо, этим обстоятельством объясняется еще одна характерная черта таких форумов — проведение их подальше от глаз не только корейской общественности, но и иностранцев и зарубежных СМИ. Они организуются, как правило, в горах Кымган, закрытых с осени 1998 г. для посещения даже чле-

нами дипкорпуса, аккредитованного в КНДР, а также иностранными делегациями и журналистами, посещающими эту страну.

В Пхеньяне регулярно подвергают остракизму наиболее непримиримых южнокорейских критиков КНДР и существующего в ней режима: министров, политиков и даже органы печати. В частности, за "непростительные антинациональные" высказывания по вопросам соблюдения прав человека в КНДР, союза РК с США, туризма в Кымгансане и т.п. в эту категорию был зачислен лидер крупнейшей оппозиционной партии Великой страны, кандидат в президенты на прошедших нынешней зимой выборах Ли Хве Чан.⁸

Такие приемы нередко используются северокорейцами и для того, чтобы взять паузу на том или ином направлении межкорейского диалога.

Разгромной критике за "разящие пороховым смрадом" высказывания в адрес КНДР, увеличение военного бюджета на 2001 г. подвергся в октябре 2000 г. министр обороны РК Чо Сон Тхэ. В связи с этим северокорейцы открыто поставили под сомнение целесообразность его приезда в КНДР для участия в намечавшемся в ноябре 2000 г. 2-м раунде переговоров глав военных ведомств Севера и Юга. Затем камнем преткновения для продолжения таких встреч стало определение КНДР как "главного противника" Южной Кореи, содержащееся в опубликованной министерством национальной обороны РК "Белой книге".

Под схожими предлогами Пхеньян тормозил налаживание регулярных обменов людьми между Севером и Югом. Под предлогом наличия якобы оскорбительных для КНДР и ее политического строя выпадов, содержащихся в интервью президента Общества Красного Креста РК южнокорейскому журналу "Вольган часон", северокорейский Красный Крест отложил намеченную на начало ноября 2000 г. очередную встречу членов разделенных семей и пригрозил бойкотировать переговоры ОКК до тех пор, пока "виновник" инцидента останеся на своем посту.⁹

Одним из последних примеров "наказания" за неугодные Пхеньяну выступления южнокорейских официальных лиц стал перенос намеченных на начало мая 2002 г. ряда межкорейских контактов после публикации газетой "Вашингтон пост" высказываний, якобы сделанных министром иностранных дел и внешней торговли РК о КНДР (Сеул утверждал, что американская газета исказила слова министра).

Бывают и рецидивы традиционной политики "единого фронта" Пхеньяна, направленной на легализацию в РК деятельности сочувствующих КНДР организаций и групп. Примером стало приглашение северокорейцами в КНДР на празднование 55-летия основания ТПК в октябре 2000 г. представителей ряда политических партий и организаций РК, деятельность которых там официально запрещена. Чтобы не дать повод для приостановки диалога, Сеулу пришлось разрешить части приглашенных отправиться на Север, запретив им заниматься там политической деятельностью.

Однако такие запреты малоэффективны. В результате активной "разъяснительной" работы северокорейцев с рядом членов делегации южнокорейской общественности, приглашенной на празднование очередной годовщины освобождения Кореи в августе 2001 г., последние сделали ряд просеверокорейских заявлений, смысл которых сводился к необходимости объединения страны под эгидой КНДР. Это вызвало политический скандал в РК и привело к отставке министра по делам объединения РК Лим Дон Вона, являющегося главным архитектором "солнечной политики" Ким Дэ Чжуна.

Кстати, сам этот термин в Пхеньяне на дух не переносят и очень не любят, когда его используют в третьих странах, хотя всю стараются пользо-

ваться всеми теми преимуществами, прежде всего в области экономики, которые эта линия Сеула обеспечила КНДР.

Тактику южнокорейцев во многом определяло стремление добиться выполнения данного Ким Чен Иром обещания совершить ответную поездку в Сеул. Эта задача стала своего рода "идеей-фикс" администрации Ким Дэ Чжуна. Похоже, что проведение второго межкорейского саммита кое-кто в Сеуле хотел бы преподнести как главный итог и кульминацию кимдэжунского правления в области межкорейских отношений, разом оправдавший бы все издержки "солнечной политики", за которые оппозиция резко критиковала президента.

В Пхеньяне на эту тему предпочитают не распространяться. С одной стороны, северокорейская печать время от времени публикует восторженные "отклики" неких южнокорейцев, которые-де готовы устроить "полководцу Ким Чен Иру" самую торжественную встречу в Сеуле. С другой — там резко осуждали попытки сил, "враждебных объединению", помешать этой поездке путем движения судебных исков против руководителя КНДР и других "провокаций".¹⁰

На торжественном заседании по случаю первой годовщины принятия Совместной декларации (сам саммит в КНДР упоминают гораздо реже) зам. Председателя Президиума ВНС КНДР Ян Хен Себ заявил, что действия противников объединения в Южной Корее делают невозможным своевременное выполнение положений декларации, тем самым дав понять, что в нынешних условиях визит лидера КНДР в РК невозможен.¹¹

Тем не менее, создается впечатление, что северокорейцы время от времени специально оживляют эту тему и используют ее как приманку с тем, чтобы обеспечить покладистость Сеула.

Так Ким Чен Ир, несмотря на неоднократные публичные призывы Ким Дэ Чжуна назвать конкретную дату своего визита, так этого и не сделал, ограничиваясь лишь подтверждением своего желания совершить такую поездку, которое он время от времени высказывает на встречах с иностранными делегациями (ЕС в мае 2001 г., с дочерью Пак Чжон Хи — Пак Кын Хе в мае 2002 г.).

Накануне визита министра иностранных дел РФ И.Иванова в Сеул в июле 2002 г. в южнокорейской печати появились сообщения о том, что Сеул, с учетом вышеуказанных обстоятельств, был бы даже не прочь провести встречу Ким Дэ Чжуна с Ким Чен Иром на российском Дальнем Востоке и хотел бы попросить Россию помочь ее организовать.

Можно было предположить, что второй межкорейский саммит мог бы состояться в ходе поездки Ким Чен Ира на Дальний Восток 20-24 августа 2002 г., когда он встретился с президентом В.Путиным. Однако этого не произошло. Решающей помехой оказалась, видимо, дипломатическая ревность американцев, их нежелание отдавать России взятую Вашингтоном на себя роль главного "модератора" в корейских делах. Однако выиграв тактически, США, как представляется, проиграли стратегически, еще раз наглядно показав обеим Кореям, кто же на деле противится разрядке и примирению на полуострове.

В итоге, с учетом проблем обеспечения безопасности и невозможности для правительства РК предотвратить критику северокорейского лидера и даже возможные протесты в случае его приезда, вероятность такого визита выглядит весьма невысокой. Похоже, что единственным обстоятельством, мешающим сдать эту тему "в архив", остается подпись Ким Чен Ира под обещанием побывать на Юге.

За всеми этими тактическими маневрами просматриваются гораздо более серьезные разногласия между Югом и Севером, которые начинаются уже с толкования Совместной декларации.

В КНДР, вопреки заявлениям Сеула о том, что лидеры КНДР и РК якобы достигли понимания, будто первый пункт подписанной ими декларации, предусматривающий самостоятельное решение проблемы объединения совместными усилиями нации, не исключает участие "внешних сил" в урегулировании этой проблемы, придерживаются абсолютно противоположной точки зрения. В заявлениях официальных лиц, комментариях СМИ КНДР содержится призыв давать отпор любым попыткам вмешательства извне в процесс воссоединения, который представляет собой сугубо "внутреннее дело" нации. Решать все возникающие в этом процессе вопросы собственными силами, не опираясь ни на кого — вот в чем заключается "ядро" Совместной декларации, считают в Пхеньяне.¹²

В эту же формулировку здесь "упрятали" и требование о выводе американских войск из Южной Кореи. По тактическим соображениям (чтобы "облегчить" положение Ким Дэ Чжуна) в первое время после саммита северо-корейцы его не акцентировали, хотя уже 27 сентября 2000 г. орган правящей ТПК газета "Нодон синмун", которую так любят цитировать в Сеуле в качестве северокорейского официоза, в своем комментарии подтвердила, что КНДР по-прежнему намерена добиваться этой цели.¹³ Тем более, что саммит помог северокорейцам достичь того, чего они без особого успеха добивались долгие годы: вопрос об американском военном присутствии в РК и в АТР в целом стал предметом жарких дискуссий как в Южной Корее, так и в США.

В поведении обеих корейских сторон после саммита обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: у них не просматривается стремления работать над расширением зафиксированной во втором пункте Совместной декларации общности объединительных программ Севера и Юга.

Впервые в истории в этом документе было наконец-то признано сходство нынешних объединительных формул Пхеньяна и Сеула, соответственно, "начальной фазы конфедерации" и "содружества", что открывает возможность для совместного поиска взаимоприемлемой формы объединенного государства. Данное положение декларации фактически стало одним из важнейших политических компромиссов сторон, каждая из которых до сих пор претендовала на правоту своей объединительной программы и с порога отвергала предложение партнера.

При обоюдном желании найти общую платформу было бы можно, — к примеру, создать совместную рабочую группу, которая могла бы поработать как над конкретизацией указанного сходства, так и над устранением имеющихся различий. В итоге обеим сторонам, возможно, со временем удалось бы определить маршрут и график движения к совместной цели — воссоединению страны.

Напротив, несколько притихшая на период саммита северокорейская пропаганда с удвоенной силой вновь убеждает корейцев, как на Севере, так и на Юге, что выдвинутые КНДР т.н. три хартии объединения и программа "великой национальной консолидации", а также идея создания конфедеративного государства представляют собой "самые реалистичные и справедливые" предложения по воссоединению страны.¹⁴

В свою очередь, в Сеуле не устают повторять, что объединение возможно только на основе модели либеральной демократии и рыночного хозяйства, существующих якобы в настоящее время в РК.

Пхеньян по-прежнему уделяет много сил обоснованию претензий Ким Чен Ира на роль общенационального лидера. Там убеждают корейцев, особенно южных, в том, что только этот деятель может принести нации объединение и процветание. Сразу же после саммита его поспешили наречь "президентом объединения".¹⁵

В СМИ КНДР заметно возрос поток "откликов" южнокорейцев, как правило, безымянных, которые дружно уверяют читателей северокорейских газет, телезрителей и радиослушателей в том, что весь народ Юга, как один, стремится изучать идеи чучхе, верит "полководцу" Ким Чен Иру "как небу", готов следовать за ним "как подсолнухи за солнцем" и ждет не дожидаясь, чтобы зажить на процветающей объединенной родине под его руководством.¹⁶

Одним из наиболее важных элементов объединительной стратегии Пхеньяна стал розыгрыш националистической карты. В этих целях там выдвигают беспрецедентно "смелые" для северокорейских идеологов тезисы, будто Ким Чен Ир "прежде всего патриот, а потом уже коммунист", что он-де думает "в первую очередь о судьбах нации, а не об идеях и идеалах".¹⁷

В этом контексте усиленно продвигается мысль о том, что интересы нации важнее любых классовых интересов и идей. Никакой класс и социальный слой, мол, не может ставить свои интересы выше национальных. Подчеркивается также необходимость "не спрашивать о прошлом" тех деятелей, которые, по мнению Пхеньяна, раньше выступали против объединения, а теперь готовы воспринять предлагаемые Севером "идеалы". Указанные два постулата объявлены базовыми принципами, на которых предлагается добиваться национальной консолидации.¹⁸

Наряду с этим вновь в ходу, особенно для северокорейской аудитории, формулировки о "северной половине республики", означающие, что РК по-прежнему рассматривается как часть КНДР, временно оккупированная американскими войсками. Разумеется, отсюда вполне "логичным" выглядит вернувшееся на страницы официальной печати КНДР утверждение о том, что "дело объединения по своей сути сводится к восстановлению суверенитета нации в масштабах всей страны" или, иными словами, "освобождению" Южной Кореи от господства "внешних сил".¹⁹

Северокорейские политики и СМИ по-прежнему уходят от комментариев и анализа реальных процессов межкорейского взаимодействия. Публично декларируя стремление к примирению и сотрудничеству, в КНДР вместе с тем воздерживаются от публикации любой позитивной информации о Южной Корее (за исключением разве что критики общественностью РК проявлений японского милитаризма), по-прежнему сохраняют за Югом "образ врага". В Пхеньяне даже умудрились "не заметить" присуждения президенту РК Ким Дэ Чжуну Нобелевской премии мира.

В КНДР продолжается глушение передач южнокорейских радиостанций как на корейском, так и на иностранных языках, в том числе и русском.

Одним из наиболее наглядных показателей охлаждения отношений между Севером и Югом стало возвращение с весны 2001 г. на страницы северокорейских СМИ критики южнокорейской внешней и внутренней политики, которая практически исчезла здесь во второй половине 2000 г. после межкорейского саммита.

Судя по высказываниям официальных лиц и правительственных СМИ, наибольшее раздражение в Пхеньяне вызывают следующие элементы линии "правых консервативных сил" Южной Кореи в отношении КНДР:

- продолжающаяся координация Сеулом своей северокорейской политики с США и Японией. В Пхеньяне настаивают на том, что, в соответствии с Совместной декларацией, Сеулу надо отказаться от опоры на "внешние силы" и вести дело к "сплочению" корейцев, невзирая на различия в идеологических взглядах, вероисповедании и социальном положении, на националистической основе противостояния указанным силам, которые-де "не заинтересованы" в объединении страны;²⁰

- антикоммунизм как господствующий вектор южнокорейской политической жизни, следствием чего является сохраняющееся определение КНДР как "главного противника" РК. Резкую критику вызывает здесь сохранение закона о государственной безопасности и запрета на деятельность в РК ряда пропхеньянских и левозкстремистских организаций, которые северокорейцы рассчитывают использовать в качестве своей "пятой колонны";

- линия Сеула на сохранение американского военного присутствия на Юге полуострова, в котором Пхеньян видит главную помеху не только на пути к объединению, но и к "демократизации" южнокорейского общества. Вывод войск США из Южной Кореи также назван первоочередным условием сокращения обычных вооружений на полуострове.²¹

События 11 сентября 2001 г. в США и последовавшие за ними действия Вашингтона на международной арене, включение Дж. Бушем КНДР в т.н. "ось зла" негативно сказались на обстановке на Корейском полуострове.

Провозглашенный американцами курс в отношении КНДР и их практические действия показывают, что в настоящее время главным внешним фактором, блокирующим дальнейшее продвижение к нормализации обстановки в Корее, являются геополитические амбиции США. Становится все более очевидным, что цель Вашингтона заключается в том, чтобы под любым предлогом утвердить свою доминирующую роль на всем полуострове, представляющем собой уникальный по своему географическому положению ключевой военно-стратегический плацдарм непосредственно у границ трех ведущих мировых держав - России, КНР и Японии, которые США по-прежнему рассматривают как своих нынешних или главных потенциальных военно-политических или экономических соперников. Отсюда же стремление США не допустить прогресса межкорейского диалога, так как нормализация обстановки на полуострове и сближение двух Корей неизбежно ставили бы под сомнение целесообразность американского военного присутствия на Юге полуострова.

Утверждения американцев о "северокорейской угрозе" выглядят малоубедительными. При нынешнем соотношении сил на полуострове и в мире сознательное инициирование какого-либо крупного конфликта Пхеньяном было бы равносильно самоубийству режима. Очевидно также, что Северная Корея не в состоянии вести сколько-нибудь масштабные военные действия без поддержки извне. В настоящее время такой поддержки ей ждать неоткуда. Даже если у северокорейцев и появилось оружие массового поражения (ОМП), вряд ли серьезные специалисты станут утверждать, что оно будет использовано для нападения на США и их союзников. А вот предотвратить повторение на Корейском полуострове югославского и иракского сценариев сама вероятность наличия такого оружия у КНДР может. Не случайно, что в отличие от Ирака, американцы пока утверждают, что они выступают за мирное решение проблемы.

Не подтверждая, но и не отрицая наличия у них ОМП, северокорейцы начали очень рискованную игру. Но подтолкнули их к этому сами США. В марте 2002 г., когда о возобновлении ядерной программы и ракетных пусков КНДР еще не было сказано ни слова, стало известно, что КНДР находится в списке семи стран, по которым Пентагон не исключает возможности нанесения ядерных ударов. В ответ МИД КНДР предупредил о возможности пересмотра Пхеньяном всех ранее заключенных с США соглашений, дав тем самым понять, что северокорейцы не исключают демонстративного возобновления своих ракетных и ядерных программ.²²

Затем появилась новая стратегия национальной безопасности администрации Буша, предусматривающая нанесение превентивных ударов по странам с неустраивающими Вашингтон режимами. В Пхеньяне сделали из этого для себя соответствующие выводы и предприняли ряд шагов, которые пока, прав-

да, больше похожи на дипломатический блеф. Однако ракетный пуск 1998 г. показал, что северокорейцы могут добиваться успехов, которых от них никто не ожидает.

Пока же Пхеньян, несмотря на его жесткую риторику в адрес США, судя по всему, намерен продолжить тактику лавирования и даже заявляет о готовности возобновить переговорный процесс с США. Одна из целей этой тактики заключается, похоже, в том, чтобы выиграть время для завершения тех оборонных программ, которые, как полагают северокорейцы, сделают риск силового воздействия на КНДР неприемлемым для любого вероятного противника.

Пока дипломатический торг с американцами не дает желаемых результатов, Пхеньян вновь попытался оживить межкорейский диалог и даже начал работы по соединению железных и автомобильных дорог между Севером и Югом, тем самым еще дальше "разводя" Сеул и Вашингтон в их подходах к Северной Корее. Еще одним ходом, призванным взломать единый дипломатический фронт Вашингтон-Токио-Сеул, стало решение Пхеньяна пригласить премьер-министра Японии посетить КНДР в сентябре 2002 г.

Уроки событий в Ираке, на Балканах, в Афганистане, по всем признакам, оказали большое влияние на поведение Пхеньяна. Там считают, что эти уроки свидетельствуют о неспособности ООН и ее СБ, мирового сообщества в целом предотвратить или прекратить агрессию США и их партнеров против суверенных государств с не устраивающими Вашингтон режимами, о неготовности отдельных стран или групп государств оказать действенную помощь жертве агрессии в ее отражении.

В КНДР практически не скрывают своего разочарования позициями России и (в меньшей степени) Китая в отношении нынешней "антитеррористической операции", организованной США. Нельзя не обратить внимание на то, что параллельно с декларативными сентенциями о "дружбе" с Россией и КНР официозная северокорейская печать с явным осуждением пишет о "больших странах, подчинившихся требованиям" США солидаризироваться с Америкой, о "недавних сторонниках многополярности, ныне старающихся заслужить благосклонность доминанционистов".²³

* * *

Два с половиной года, прошедших после межкорейского саммита и принятия Совместной декларации подтвердили, на наш взгляд, что корейское урегулирование и в обозримом будущем останется весьма сложным и противоречивым процессом, который, по-видимому, займет довольно длительный период. Позитивные тенденции, появившиеся в этот период, еще не приобрели устойчивого, необратимого характера.

Стороны пришли к этой дате с весьма ограниченным числом разовых официальных контактов, гуманитарных и культурных обменов. Более заметен рост торгово-экономического сотрудничества, вышедшего на уровень около 400 млн.долл.в год.

Одна из причин такой ситуации заключается, пожалуй, в том, что первоначально ожившие и даже несколько продвинувшиеся после саммита по сравнению с 80-90-ми годами прошлого столетия политические, экономические и гуманитарные обмены не сопровождались даже минимальными шагами по снижению военного противостояния между Севером и Югом, осуществлением мер доверия и контроля над вооружениями. Несмотря на кажущийся дипломатический прорыв РК и КНДР пытаются наращивать свои военные потенциалы с прежней энергией.

Стороны по-прежнему не отказываются от тактики силового прощупывания позиций друг друга и "игры на нервах". Примерами тому являются продолжение практики проведения РК совместно с США военных маневров, формально имитирующих "отражение агрессии" со стороны КНДР и морской бой между кораблями Севера и Юга в июне 2002 г. в Желтом море.

Неприемлемо высокий уровень сохраняющейся военной угрозы (реальной или воображаемой) для каждой из сторон, как представляется, и впредь будет оставаться серьезным тормозом для развития межкорейских отношений.

Несмотря на официальные заявления обеих корейских сторон о стремлении к воссоединению, факты свидетельствуют о том, что интересы сохранения у власти нынешних правящих элит и политической стабильности в обеих частях Кореи, а также их военно-политических союзов с третьими странами доминируют и в обозримом будущем сохраняют приоритет над "объединительными" устремлениями корейцев.

Пока различия в политическом устройстве, принципах функционирования государственных органов, субъектов хозяйственной деятельности и общественных организаций делают, по-видимому, маловероятным сколько-нибудь широкое развитие сотрудничества, прежде всего обменов людьми между КНДР и РК не только в ближайшее время, но даже в среднесрочной перспективе.

"Объединительные" установки КНДР, несмотря на всю их внешнюю модификацию, сохраняют все основные принципы, заложенные еще при Ким Ир Сене и по-прежнему ставят своей конечной целью распространение власти Пхеньяна на весь полуостров.

Аналогичные цели преследует и южнокорейский правящий класс. Многие в РК все еще мечтают о том, чтобы Ким Чен Ира и его окружение постигла судьба членов Политбюро восточно-европейских компартий. На Юге сохраняется закон о государственной безопасности, запрещающий любые несанкционированные контакты с КНДР и ее гражданами и даже выражение симпатий к этой стране. Это, разумеется, не способствует созданию и расширению поля взаимного доверия и понимания.

С учетом этих обстоятельств Пхеньян и Сеул и впредь вряд ли смогут избежать пауз и даже откатов на отдельных направлениях диалога, не сумеют отрешиться от пропагандистских наскоков друг на друга.

Существенным фактором, оказывающим влияние на развитие межкорейского диалога, как показали недавние события в отношениях КНДР-США, является позиция великих держав.

И все же даже на этом весьма неоднозначном фоне все более заметными и значимыми становятся признаки того, что, несмотря на рецидивы недоверия и вражды, отношения между двумя Кореями постепенно обретают реальное материальное и институциональное наполнение, приобретают собственную динамику развития, что с течением времени все больше будет препятствовать их полному откату назад. Быстрое возобновление межкорейских контактов после упомянутого инцидента в Желтом море, начало практической реализации проекта соединения железных и автомобильных дорог Севера и Юга - новое тому подтверждение.

Корейский полуостров исторически и геополитически всегда входил в сферу национальных интересов России, которые заключаются в обеспечении мира и стабильности в районах, расположенных по периметру ее границ. России вряд ли нужно стесняться того факта, что у нее есть свои, вполне законные интересы на Корейском полуострове. Уже только в силу одного лишь географического положения эти интересы ничуть не менее значимы и обоснованы, чем у стран, отделенных от Кореи морями и даже океанами.

Позиция Москвы в отношении межкорейского сближения и его возможных результатов также определяется национальными интересами России, которые, безусловно, отвечает ликвидация очага напряженности у ее дальневосточных границ и появление в перспективе единой Кореи, готовой поддерживать с Россией отношения дружбы, добрососедства и сотрудничества.

Вместе с тем не вызывает сомнений, что при реализации любых объединительных сценариев для России приоритетное значение имеет обеспечение мира и стабильности на полуострове. Об этом достаточно ясно говорит содержание Пхеньянской 2000 г. и Московской 2001 г. деклараций, подписанных президентом России В.В.Путиным и Председателем Комитета обороны КНДР Ким Чен Иром, а также российско-корейского совместного заявления по итогам визита В.В. Путина в Республику Корея в феврале 2001 г.

Для Москвы также важна максимальная предсказуемость конечного результата процесса воссоединения. Сохраняющаяся высокая степень неопределенности относительно характера внешней политики будущего объединенного корейского государства, его участия в военно-политических союзах с другими государствами и направленности таких альянсов вынуждает Россию, да и другие державы, приветствуя межкорейскую разрядку, осторожно относиться к перспективам объединения.

Например, китайцы, видимо, опасаются выхода американских войск почти на 1400-километровую корейско-китайскую границу в контексте нерешенности тайваньской проблемы, американцы - перспективы оказаться вынужденными положить конец своему военному присутствию в Корее, японцы - появления сильного конкурента, обуреваемого стремлением ваять исторический реванш за унижения колониального прошлого.

Россию вряд ли может устроить появление в качестве соседа государства с 70-миллионным населением, находящегося под преобладающим влиянием США и тем более с американскими войсками на его территории. Это было бы равнозначно возникновению на наших восточных границах азиатского подобия НАТО, к тому же прикрытого ПРО ТВД в СВА. Некоторые видные российские эксперты считают, что пребывание войск США в Южной Корее - это анахронизм периода "холодной войны".²⁴

Окружающие Корейский полуостров страны также заботит возможное выдвижение объединенной Кореей территориальных претензий к соседним государствам.

В целом для России, с учетом ее нынешних возможностей, актуальной является не задача получения преобладающих позиций в Корее, а недопущение такой ситуации, когда вся Корея оказалась бы под влиянием какого-то одного, тем более недружественного России, государства.²⁵

Так как при нынешнем соотношении сил в СВА и наших экономических возможностях развитие событий по такому сценарию исключить полностью нельзя, для Москвы в кратко- и среднесрочной перспективе выгодно существование КНДР в качестве дружественного суверенного государства, выполняющего роль определенного буфера для геополитических амбиций США в этом регионе.

В свете указанных факторов объединительные предложения КНДР о создании в Корее внеблокового нейтрального неприсоединившегося государства выглядят, с точки зрения обеспечения безопасности России, более привлекательными, нежели южнокорейская заангажированность в отношении американского военного присутствия даже после объединения Кореи.

Подписание в 2000 г. Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, обмен в 2000-2001 гг. визитами на высшем уровне между РФ и КНДР подвели черту под продолжавшимся почти все 90-е годы периодом корректив-

ровок (не всегда удачных) и формирования корейской политики России, отвечающей национальным интересам российского государства и новым международным реалиям.

В последние годы позитивное влияние российской политики на развитие ситуации на Корейском полуострове возросло. Российская сторона не навязывается в посредники между Сеулом и Пхеньяном, но по мере своих возможностей способствует развитию мирного диалога между Севером и Югом. Москва стремится играть в делах полуострова конструктивную, стабилизирующую и не противоречащую ничьим интересам роль.

В послании Президента России В.В.Путина Президенту РК Ким Дэ Чжуну отмечалась готовность России выполнять эту важную и ответственную роль. В наших интересах, отметил российский руководитель, чтобы Корейский полуостров стал "полуостровом мира, стабильности и процветания". Россия видит свою роль не столько в посредничестве, сколько в оказании содействия созданию благоприятных условий для прямого диалога между Пхеньяном и Сеулом.²⁶

Вместе с тем, как показали последние события в связи с неопределенностью вокруг ядерной программы КНДР, не следует переоценивать степень нашего влияния и даже простой информированности о стратегических замыслах северокорейского руководства.

Стабилизация обстановки на Корейском полуострове полностью отвечает интересам РФ. И в частности, потому, что возникающая время от времени напряженность между Пхеньяном и Сеулом явно не способствует реализации таких совместных экономических проектов, как стыковка российского Транссиба с корейскими железнодорожными магистралями. Этот проект важен в особенности потому, что, как отмечал В.В.Путин, его "реализация не только открывает новые возможности для делового сотрудничества и экономической интеграции на Евразийском континенте, но и послужит укреплению доверия, мира и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе".²⁷

Объективно нормализация отношений между КНДР и РК и развитие межкорейского сотрудничества может сработать на расширение возможностей торгово-экономического сотрудничества РФ с обеими частями Кореи. Это, без сомнения, создало бы новые благоприятные возможности для экономического развития российского Дальнего Востока и подключения его экономики к интеграционным процессам в АТР. Кроме того, была бы упрочена материальная база для отстаивания российских национальных интересов, в том числе в сфере безопасности, на Корейском полуострове.

Россия также считает, что возобновление диалога КНДР, с одной стороны, и США и Японией, с другой, отвечает интересам корейского урегулирования, а следовательно, и интересам России. Едва ли кто-либо возьмется отрицать тот факт, что встреча министра иностранных дел КНДР Пэк Нам Суна с госсекретарем США К.Пауэллом во время конференции АСЕАН в Брунее летом 2002 г. оказалась возможной, не в последнюю очередь, благодаря активным контактам Москвы с Пхеньяном и Сеулом.

В минувшие после межкорейского саммита два с половиной года Россия практически делами продемонстрировала, что она готова всячески содействовать укреплению доверия, утверждению принципов мирного сосуществования, налаживанию стабильного и всестороннего сотрудничества между КНДР и РК на основе Совместной декларации и других межкорейских договоренностей, и систематически, настойчиво работает со всеми заинтересованными сторонами с тем, чтобы они действовали таким же образом.

- 1 Нодон синмун. 1999. 25 декабря.
- 2 Нодон синмун. 1999. 24 декабря, 2000. 31 января.
- 3 Ткаченко В.П.. Возможные результаты встречи на высшем уровне между Севером и Югом Кореи: взгляд из России. М. // Корус Форум. № 6. 2000. С. 73.
- 4 Нодон синмун. 1999. 18 сентября. Минчжу чосон. 2001. 31 января.
- 5 Нодон синмун. 2000. 15 декабря.
- 6 Минчжу чосон. 2000. 24 и 29 августа.
- 7 Нодон синмун. 2001. 7 и 25 марта.
- 8 ЦТАК. 2001. 10 июня.
- 9 Пхеньянское радио. 2000. 3 ноября.
- 10 Минчжу чосон. 2000. 31 октября; 2001. 8 мая.
- 11 Нодон синмун. 2000. 15 июня.
- 12 Нодон синмун. 2000. 16 августа; 2001. 5 июня.
- 13 Нодон синмун. 2000. 27 сентября.
- 14 Нодон синмун. 2000. 9 октября; 2000. 14 декабря.
- 15 Нодон синмун. 2000. 19 июня.
- 16 См.: ЦТАК. 2000. 11 мая"Нодон синмун. 2000. 16 октября.
- 17 Нодон синмун. 2000. 26 октября.
- 18 Нодон синмун. 2000. 28 октября.
- 19 Нодон синмун. 2000. 25 октября.
- 20 Нодон синмун. 2001. 7 июня.
- 21 Нодон синмун. 2001. 26 марта.
- 22 Заявление представителя МИД КНДР от 13 марта 2002 г. ЦТАК, 2002.13 марта.
- 23 The Pyongyang Times. December 15, 2001.
- 24 Денисов В.И.. Межкорейское урегулирование и интересы России. М./ Международная жизнь. № 1. 2002. С.59.
- 25 Ткаченко В.П.. Корейский полуостров и интересы России. Москва. Вост. лит., 2000. С.165.
- 26 О послании Президента РФ В.В.Путина Президенту Республики Корея Ким Дэ Чжуну. Сообщение МИД РФ 26 июля 2002 г. <http://president.kremlin.ru>
- 27 О приветствии Президента РФ В.В.Путина участникам "Российско-корейского поезда дружбы". Сообщение МИД РФ 29 июля 2002 г. <http://president.kremlin.ru>.

Консорциум научных центров АТЭС и проблемы безопасности в АТР

© 2003

А. Сизоненко

Среди достаточно многочисленных структур, групп и других подразделений, действующих как непосредственно в рамках АТЭС, так и под его эгидой, Консорциум научных центров АТЭС является одним из наименее известных. Такие центры начали создаваться в странах, входящих в Консорциум еще в 90-х гг., и в настоящее время они функционируют в 19 государствах (из числа 21-го члена АТЭС). В их состав входят около 100 университетов, исследовательских и академических центров практически всех этих стран. Наиболее весомо здесь представлены США, где изучение региона АТЭС и его проблем ведется в 17 университетах и специальных научных центрах. Если говорить о России, то в ней ведущее место в исследовании вопросов, связанных с АТЭС, занимает Институт Дальнего Востока, а также Институты Латинской Америки, Востоковедения и ИМЭМО — все системы РАН.

Представители государственных центров собираются на свои ежегодные встречи (конференции), которые и именуются Консорциумом научных центров по изучению АТЭС. Обычно они проводятся в той стране, которая председательствует в АТЭС в текущем году. Как правило встречи проходят за несколько месяцев до очередного саммита глав государств АТЭС. В прошедшем 2002 г. такой Консорциум состоялся в мае в мексиканском городе Мерида (на полуострове Юкатан). К сожалению, от российских научных центров в нем никто не участвовал (в 2001 г. в заседании Консорциума в Китае приняли участие представители Института Дальнего Востока РАН).

Перед Консорциумом научных центров стоят следующие задачи:

- Изучать проблемы, стоящие перед АТЭС;
- Способствовать сотрудничеству в сфере высшего образования и передовых научных исследований, содействовать культурным преобразованиям в АТР, учитывая при этом все многообразие этого региона;
- Помогать АТЭС в реализации передовых и актуальных исследований по важным для нее вопросам с долгосрочной перспективой;
- Поощрять студенческий, профессорско-преподавательский и научно-исследовательский обмен в системе АТЭС, способствовать обучению и различным образовательным программам, которые отвечают потребностям стран-членов АТЭС;
- Поощрять участие в деятельности и сотрудничестве в АТЭС молодежи, частного сектора, негосударственных организаций и СМИ.

Следует иметь в виду, что хотя главная направленность АТЭС — экономическая, страновые центры и состав самого Консорциума состоят почти полностью из ученых. Что же касается бизнеса, то напрямую в работу Консорциума он не вовлечен.

Заседания последних двух Консорциумов прошли в Китае в Тяньчжоу (2001 г.) и, как мы уже упомянули, в Мериде (Мексика). На первом из них присутствовали 80 участников, представлявших 20 различных организаций. Эта встреча получила серьезную поддержку властей Тяньчжоу и местного Департамента экономического и технологического развития.

На обсуждение участников встречи было вынесено 32 документа научно-исследовательского характера. В них затрагивались, в частности, такие важные и актуальные вопросы, как влияние “новой экономики” и глобализации, отношения между многообразными и субрегиональными торговыми системами, ресурсы развития человечества, достижения АТЭС и задачи, стоящие перед ней, и т.д. Большое внимание на Консорциуме в Тяньчжоу было уделено вопросам применения коммуникационных технологий, бережному отношению к окружающей среде. Широкий интерес вызвали темы азиатского финансового кризиса, процесса реформ и управления финансовыми институтами.

Активно обсуждались проблемы сельского хозяйства. Была подчеркнута важность сотрудничества в этой области, особенно для стран с преимущественным аграрным сектором. Рекомендовалось усилить и применять эффективные меры по реструктуризации и переориентации сельскохозяйственных связей в быстро изменяющейся современной обстановке.

Много говорилось о влиянии “новой экономики” на хозяйственное развитие стран-членов АТЭС. Участники дискуссии отмечали, что “новая экономика”, характеризуясь в основном развитием информации, экономической и технической глобализацией, сулит для стран АТЭС как благоприятные возможности, так и проблемы. В дискуссии по этой тематике ее участники сконцентрировали свое внимание главным образом на трех вопросах:

— Электронная торговля. Очевидно, заявляли выступавшие, что эта торговля содействует удобству торговли, но необходимы коллективные действия, если мы хотим распространить эту помощь на материальные товары.

— Глобализация и распределение дохода. Это относится к нормативным перспективам современной оценки глобализации, особенно после учета уроков финансового кризиса в Азии. Однако выступавшие выражали надежду, что негативные последствия распределения доходов из-за кризиса не подорвут позитивные тенденции свободной торговли в результате глобализации.

— Развитие “новой экономики” и проблемы, поставленные ею перед АТЭС. Главный вопрос ставился так: может ли эта экономика ощутимо повлиять на индустрию и еще более углубить пропасть между городом и деревней и, далее, между бедными и богатыми странами АТЭС. Расширение и углубление такого разрыва является вызовом, поставленным “новой экономикой,” — таково было мнение участников дискуссии.

В то же время выступавшие отмечали, что развитие “новой экономики” находится в соответствии с такими целями АТЭС, как усиление рыночных структур и институтов, твердое обеспечение развития инвестиций, торговли и сферы услуг в новой мировой обстановке.

Важное место на Консорциуме в Тяньчжоу заняли темы, связанные с регионализмом и разнообразными торговыми системами. Чтобы избежать возможных негативных последствий в этой области, выступавшие пришли к выводу о необходимости усиления международного воздействия на регионализм через ГАТТ и ВТО или противопоставления этим последствиям соответствующих альтернатив.

Заседание Консорциума в Тяньчжоу проходило в течение 3-х дней в обстановке активных дискуссий. По мнению его участников, как сама дискуссия, так и в целом исследования, связанные с АТЭС, помогут работе этой организации, будут способствовать укреплению связи теории с практикой. Следует иметь в виду, что заседания Консорциума не предусматривают выработку рекомендаций для лидеров АТЭС, но служат генератором свежих актуальных и практически необходимых идей. Консорциум обеспечивает АТЭС своими

исследованиями крупных проблем, связанных с деятельностью и задачами этой организации.

Консорциум в Мериде прошел при участии представителей почти всех стран-членов АТЭС и характеризовался не только экономической направленностью, как предыдущие конференции. На его содержательную часть не мог не наложить свой отпечаток тот факт, что он прошел после 11 сентября и это придало развернувшимся там дискуссиям не только экономическое, но и острое политическое звучание. Впрочем этого следовало ожидать, поскольку уже на Шанхайском саммите 2001 г. основным его документом стала Декларация по поводу борьбы с терроризмом. К тому же в деятельности АТЭС в последние два года явно определилась тенденция к обсуждению вопросов политического характера, особенно связанных с безопасностью. В связи с этим обращает на себя внимание представленный на Консорциуме в Мериде обстоятельный доклад Д.Маккея — директора Австралийского научного центра АТЭС о роли этой организации в решении политических вопросов и вопросов безопасности. Доклад состоит из 4-х разделов. В первом из них рассматриваются обсуждаемые в настоящее время концепции безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этих концепциях, отмечает Маккей, преобладало утверждение, что торговые и экономические связи играют положительную, если не преобладающую, роль в развитии стабильных и продуктивных контактов между народами, но в последнее время такая точка зрения оспаривается.

Касаясь определения параметров безопасности, Маккей указывает, что сейчас многие исследователи считают необходимым рассматривать это определение в гораздо более широком плане, чем это делалось раньше. В связи с этим в процессе актуального анализа должны учитываться новые виды угроз стабильности.

Во втором разделе доклада рассматриваются во взаимосвязи проблемы экономического роста, торговли и безопасности.

Автор подчеркивает, что террористические акты в США “добавили вес новой архитектуре” безопасности в азиатском регионе, тем более, что, по его мнению, холодная война в Восточной Азии еще не закончилась. К этому прибавляется и тот факт, что в Азии еще до конца не ликвидированы последствия финансового кризиса 1997-98 гг. В связи с этим, подчеркивает Маккей, осуществляемые в этом регионе мероприятия по обеспечению безопасности являются неадекватными и требуют более полного реформирования. Ведь Азия, как справедливо замечает Маккей, уникальна тем, что в этом регионе представлены жизненно важные интересы Китая, Индии, Японии, России и США.

В этом разделе также рассматриваются прежние и сегодняшние аспекты безопасности в Азии, начиная с наследия холодной войны, анализируется тайваньская проблема и роль в ней США. Продолжая тему безопасности и конфликтных ситуаций, автор анализирует также ситуацию в так называемом “китайско-индийско-пакистанском треугольнике”. Свои суждения он заканчивает анализом последствий азиатского экономического кризиса и террористических атак на США для Азии, особенно в свете того, что экономики стран Азии сильно зависят от американского рынка.

В докладе Маккея также рассматривается существующая структура сотрудничества по безопасности в Азии и дается оценка того прогресса, который достигнут основными региональными организациями в решении политических и стратегических проблем в АТР.

Интересным представляется раздел доклада, где представлены аргументы противников и сторонников более широкой роли АТЭС в решении политических вопросов и проблем безопасности в АТР. Сильная оппозиция вовлечения АТЭС в упомянутую проблематику существует в Японии, Австралии и Китае. Ни одна из этих стран твердо не высказалась за одобрение такой линии АТЭС. Практически не играют никакой роли в решении азиатских вопросов безопасности Мексика, Чили, Перу. Настороженно относятся к этой роли

АТЭС в странах АСЕАН, где считают, что в таком случае этот региональный форум может быть “подорван”.

Противники поворота АТЭС лицом к политическим проблемам считают, что у этой организации уже достаточно экономических проблем и поэтому не надо отвлекать ее от главного направления деятельности. Существует также мнение, что организация АТЭС еще не дошла до такой степени своего развития, чтобы обсуждение в ней вопросов безопасности было результативным, к тому же она не имеет и опыта работы в этой области.

Вместе с тем в АТР имеется и немало тех, кто выступает за то, чтобы в сферу деятельности АТЭС вошли и политические проблемы. Их точка зрения обосновывается следующими аргументами:

АТЭС — это уже де-факто организация, которая включает в себя диалог по безопасности. Этому прежде всего способствуют ежегодные встречи лидеров стран-членов этой организации. Повестка дня этих встреч не должна искусственно сдерживаться, и не случайно, что проблема борьбы с международным терроризмом заняла центральное место на саммитах как в Шанхае, так и в мексиканском Лос-Кабосе (2002г.).

Приверженцы расширения функций АТЭС считают, что смысл определения “безопасность” означает, что многие вопросы, которые в прошлом не рассматривались как серьезные угрозы стабильности региона, сейчас должны быть рассмотрены по-новому. К ним относятся проблемы глобализации, охраны окружающей среды, СПИДа, незаконной миграции и другие. Строительство Азиатско-Тихоокеанского сообщества будет успешно завершено, если в деятельности АТЭС будут рассматриваться и вышеперечисленные вопросы.

Наконец, сторонники политической ориентации АТЭС считают, что в нынешнюю эпоху напряженной глобальной и региональной конкуренции нельзя рассматривать экономическую интеграцию как единственную силу, определяющую и способствующую стабильности и миру. В некоторых случаях торговые трения и другие споры экономического характера могут стать сами по себе основными причинами конфликта. Поэтому определенные важные экономические вопросы должны обсуждаться в АТЭС с учетом вопросов безопасности. Они включают в себя такие аспекты, как экономический рост и политическая стабильность, экономический рост и рост расходов на оборону в регионе, конфликты, которые могут быть вызваны антидемпинговыми или похожими причинами, и др. Все это должно рассматриваться как минимальный уровень вовлеченности АТЭС в решение вопросов безопасности.

Следует подчеркнуть, что российские исследователи также рассматривают вопросы, связанные с необходимостью определенного поворота АТЭС в его работе к вопросам политического характера и, в первую очередь, к проблеме безопасности, ставшей особенно актуальной после событий 11 сентября. Эта тема серьезно обсуждалась на заседании круглого стола, который в апреле 2002 г. провели ученые Института Дальнего Востока, Латинской Америки и ИМЭМО РАН. Выступавшие отметили усиление подобной тенденции в деятельности АТЭС и выразили к ней свое положительное отношение. Саммит в Лос-Кабосе в полной мере подтвердил такую тенденцию, где его участники неоднократно отмечали негативное влияние терроризма на развитие мировой торговли. Подчеркнем, что в Лос-Кабосе участниками саммита было принято антитеррористическое заявление и в целом на этой встрече политический фон преобладал. Этому в значительной степени способствовали и события в Москве 23-25 октября 2002г.

Закат японского "экономического чуда"

© 2003

Г. Пирогов

В середине 70-х годов все более отчетливо начали проявляться тенденции, ставившие под сомнение возможность сохранения устойчиво высоких темпов развития японской экономики до конца 90-х годов. Сама собой стала напрашиваться мысль о том, что приходит конец «японскому экономическому чуду». Семидесятые годы — годы так называемых нефтяных шоков, конец эры дешевых энергоносителей. Во всем капиталистическом мире идет структурная перестройка, сопровождаемая острыми кризисными явлениями. Такая перестройка происходит и в Японии, где энергоемкие производства оказываются неэффективными, в силу отсутствия сколько-нибудь значительных собственных энергетических ресурсов. Такие отрасли, как металлургия и химия оказываются структурно-депрессивными. Начинает сказываться старение японской рабочей силы, и, одновременно, исчерпание фактора дешевых рабочих рук. Возникают острые диспропорции между развитием хозяйственной и социальной инфраструктуры страны, становятся явными последствия длительного пренебрежения проблемами защиты окружающей среды. Усиливается привязанность экономики Японии к мировому рынку, прежде всего, экспортная зависимость от американского рынка.

Однако, поддерживаемая государством линия японских предпринимательских кругов, на непрерывное техническое обновление производства продолжает повышать производительность труда, а вместе с тем и конкурентоспособность японских товаров. Япония продолжает увеличивать экспорт, выбрасывая на рынки мира все большее количество суперсовременных автомобилей и электроники. Нарастает активное сальдо торгового баланса страны и вместе с тем экспорт капитала.

Неоднократные попытки правительства сбалансировать развитие японской экономики на удовлетворение внутреннего спроса оканчиваются неудачей. Выдвинутый в 1972 году премьер-министром Японии К. Танака «план реконструкции японского архипелага» провалился еще до начала его осуществления, а сам премьер-министр угодил под суд по обвинению в коррупции. Хотя сам по себе план и был достаточно разумным и обоснованным, предполагая существенное развитие производственной и социальной инфраструктуры, большое дорожное строительство, создание новых промышленных центров в

глубинных районах Японии¹. Та же участь постигла и предложенный другим премьер-министром Японии Т. Мики «план жизненного цикла», направленный на преодоление «социальных диспропорций» (в сферах социального страхования, занятости, образования и др.)². После первых успехов вскоре пришлось отказаться от предложенного в 1982г. плана стимулирования внутреннего спроса и расширения японского рынка. Осуществление этих планов позволило бы повернуть огромные валютные поступления от японского экспорта на расширение узких мест японской экономики, коренившихся в отставании производственной и социальной инфраструктуры, решить экологические проблемы. Это в свою очередь повысило бы абсорбционную способность японской экономики в отношении инвестиций и позволило бы вдохнуть новую силу в затухающий экономический рост.

Однако, крупные японские корпорации и банки почувствовали вкус легкой прибыли от переноса производства в другие страны, а также от спекулятивных операций на земельной и фондовой биржах. Сохранение узких мест сокращало сферу возможных прибыльных капиталовложений внутри Японии. Для расширения этих узких мест требовались огромные, в основном, государственные капиталовложения, усиление государственного вмешательства. Но это вступало в противоречие с эгоистическими интересами могущественных сил внутри финансового капитала Японии. С другой стороны, усиливалось внешнее давление на Японию со стороны ее внешнеторговых партнеров из числа развитых стран, прежде всего США. Последние были особо обеспокоены нарастающим дефицитом баланса США в торговле с Японией. Это давление ставило целью взорвать сложившуюся в Японии экономику сильно структурированного капитализма (или по предложенному Я.А. Певзнером термину — конкурентного корпоративно-государственного капитализма) с тем, чтобы ослабить японскую конкуренцию на своих рынках. США были особо озабочены тем, чтобы снизить свой торговый дефицит с Японией, а если это не удастся, создать механизм его рефинансирования. Под давлением этих сил Япония начинает с конца 70-х — начала 80-х годов разворачивать процесс либерализации своей экономики. С 1980 года японское правительство начало осуществлять так называемую административно-финансовую реформу, одним из главных направлений которой стал курс на приватизацию предприятий общественного сектора³.

Вслед за этим, ряд событий пошатнул устойчивость финансовых связей внутри японских финансово-промышленных групп. Сказалось взаимодействие двух факторов — успешное завоевание внешних рынков японскими корпорациями (в том числе и путем создания зарубежных предприятий) и падение способности японской экономики абсорбировать новые инвестиции. Вместе с тем, японский внутренний рынок был перенасыщен потребительскими товарами. Для того, чтобы резко расширить платежеспособный спрос, необходимо было сформировать новый стиль жизни на новом жизненном пространстве. Стареющему населению Японии требовалось создать достойный уровень жизни с тем, чтобы могла возникнуть новая структура платежеспособного спроса.

Со второй половины 80-х годов к этим негативным воздействиям добавилась спекулятивная волна. Страна вступила в эру безудержных спекуляций землей и акциями наиболее перспективных компаний. Началось развитие так называемой «экономики мыльного пузыря». В этих условиях правящая элита Японии оказалась не на высоте стоящих перед ней задач. В японском руководстве произошла смена поколений. Творцы «японского экономического чуда», и те, кто понимал необходимость сочетания рыночной гибкости с плановым началом и крепкой организацией производства, те, кто самоотверженно восстанавливал разрушенные американцами хозяйственные связи, такие деятели, как Мацусита, Хонда, Окита становились глубокими стариками и постепенно уходили

из жизни. Уходили из жизни и лидеры более молодого поколения. На их место приходила молодежь, воспитанная на американских учебниках по экономикс и менеджменту. Они видели пути дальнейшего развития Японии в интернационализации ее экономики, т.е. во включении ее в общую волну глобализации в качестве младшего партнера США и не замечали опасностей, подстерегавших страну на этом пути.

Экспортный прорыв Японии на мировые рынки в 80-е — 90-е годы в сочетании со слабевшими внутренними возможностями привел к двум важнейшим последствиям, оказавшим роковое воздействие на экономическую ситуацию в Японии 90-х годов.

Прежде всего, начался безудержный экспорт капитала. Проще говоря, с внутреннего рынка страны снимались ресурсы, а взамен их Япония получала ответственность за рубежом и сомнительной обеспеченности валюту и ценные бумаги, преимущественно, доллары и обязательства американского казначейства.

Второе обстоятельство было связано с тем, что начали разрушаться связи между головными японскими банками и корпорациями, входившими в *сюдан**. Дополнительную негативную роль сыграло здесь ослабление Закона о валютном контроле, осуществленное в 80-е годы. Японские банки быстро развернули широкий выпуск облигаций, реализуемых преимущественно в оффшорах. С 1990 по 1994 годы таким образом они мобилизовывали порядка 5 триллионов иен в год. С учетом облигаций удельный вес ценных бумаг, реализуемых за рубежом, вырос с 20% от общей эмиссии в 1980 г. до 50% в 1985г. Иностраный капитал обходился дешевле и японские корпорации использовали зарубежные займы для возврата ссуд отечественным банкам⁴. Это освобождение от власти головных банков привело, однако, к деградации вертикальных и сетевых структур внутри *кэйрэцу*** . Корпорации лишились координирующих центров на самом верхнем уровне, но остались в плену различного рода взаимных обязательств на более низких и горизонтальных уровнях. Построенные по принципу долгосрочных коалиций различных заинтересованных групп, действующих на основе неформальных соглашений, *кэйрэцу*, как и входящие в них корпорации, не могли и не хотели пойти на разрыв подобного рода отношений и перейти к чисто формальным рыночным отношениям. Они продолжали придерживаться старой стратегии, пытались преодолеть внутренние трудности путем внешней экспансии, сохраняли и поддерживали аффилированные, но ставшие малоэффективными предприятия, сохраняли направления, далекие от основного профиля. Отношения пожизненного найма, несмотря на определенные модификации также сохранялись. Таким образом, японская промышленная организация в значительной мере утратила возможность синергического эффекта, основанного на централизованной, нерыночной координации, не приобретя взамен гибкости, присущей чисто рыночной организации. Со своей стороны головные банки также вступили в новую полосу развития. Либерализация кредитно-финансовой сферы навязывала им новые условия конкуренции, в которых они уже не могли полагаться на свои старые связи с долгосрочными клиентами — промышленными корпорациями. Для них все более актуальным становился вопрос максимизации краткосрочной прибыли, получаемой на акционерный капитал. Введение законом, принятым в нояб-

* Японский тип горизонтальной финансово-промышленной группы, в состав которой обычно входили головной банк, инвестиционная и страховые компании, промышленные корпорации.

** Вертикальные монополистические объединения, включавшие головные корпорации и субподрядчиков. В большинстве случаев входили, в свою очередь, в состав *сюдан*.

ре 1987 года, рынка коммерческих векселей (до этого векселя учитывались в банках) открыло корпорациям еще один источник краткосрочного кредитования. В итоге, кредитование растущего корпоративного бизнеса перестало быть для крупных японских банков (в том числе банков *сюдан*) основным направлением деятельности.

Либерализация кредитно-финансовой сферы вызвала к жизни целый ряд новых финансовых инструментов, которые быстро потеснили традиционные источники коммерческого кредита и долгосрочного финансирования. Одновременно сократились объемы финансирования экономики, проходившие через систему рефинансирования вексельных кредитов (переучеты коммерческих векселей промышленных предприятий) в Японском банке и управляемые ставкой прайм-рэйт (для Японии ставка Японского банка по первоклассным заемщикам). Японский банк и Министерство финансов упустили из своих рук значительную часть возможностей управления финансовыми потоками. В связи с новой ситуацией промышленные корпорации начали переносить свое внимание на фондовую биржу, ранее находившуюся на периферии их поля зрения. Возросла относительная мощь японских компаний, торгующих ценными бумагами. Даже банки и другие финансовые институты значительно расширили свои портфели ценных бумаг и стали искать в них источники расширения прибылей вместо средств интеграции *сюдан*, поскольку обилие финансовых ресурсов у корпораций, как за счет нераспределенных прибылей, так и за счет новых источников финансирования, усиливало их позиции в переговорах с банком о новых кредитах. Показателем этого является тот факт, что, если в период 50-70-х годов банки строжайшим образом проверяли при выдаче кредитов общие бизнес-планы, кредитные планы и инвестиционные планы промышленных корпораций, то в 80-е годы эта практика постепенно сходит на нет. Тем самым были подготовлены условия для развернувшегося во второй половине 90-х годов спекулятивного «бума мыльного пузыря».

Насколько за 80-е годы ослабли внутренние координационные связи японских промышленных структур показывает формализация полугодовых совещаний руководителей корпораций с головными банками. Они постепенно превращались в органы предоставления формальной отчетности за успехи (или неудачи) предыдущих периодов, но уже переставали быть центрами планирования будущей инвестиционной стратегии. И интерес банков поворачивается в другом направлении. Теперь они гораздо больше заинтересованы в том, чтобы отслеживать общий доход на свои инвестиции в предприятие — клиента, чем осуществлять мониторинг его деятельности и оказывать координирующее влияние при принятии решений.

Еще одно звено в цепи взаимодействия и связи по линии банки-корпорации становится чрезвычайно хрупким и то и дело рвется. Основа этого звена состояла в откомандировании уходящих в отставку по возрасту сотрудников банков на руководящие посты в интегрированных корпорациях. Но с периода 80-х годов банки ощущали все больше затруднений в осуществлении этой практики. Усиливавшаяся межбанковская конкуренция также подрывала традиционные отношения банк — корпорация. Переход корпораций к финансированию через фондовый рынок делает операции по финансированию чрезвычайно чувствительными к цене кредита, а это отодвигало в сторону практику установления долгосрочных стратегических отношений между эмитентом акций и инвестором, игравшую столь значительную роль в системе перекрестного владения акциями. И в отношении к головным банкам долгосрочность связей перестает играть прежнюю роль. Если головной банк и получает теперь мандат на осуществление важной для корпорации сделки, то он должен отстаивать свое право на этот мандат в конкурентной борьбе с другими банками. Тем

не менее, головные банки в середине 90-х годов все еще владели значительными пакетами акций промышленных корпораций, равно как и сохраняли разного рода технические связи, облегчавшие им доступ к некоторым видам операций по обслуживанию клиентов на низовом уровне. В сильной зависимости от головных банков продолжали оставаться мелкие и средние предприятия⁵. Иными словами, сохранялась лишь оболочка японской экономической организации, принесшей ей в свое время столь значительные успехи в экономической области. Вместе с тем, менялись и внешние условия. Доминирующим знаком времени стал процесс глобализации — производство быстро переходило под контроль транснациональных корпораций. Развились совершенно новые сетевые системы информатики и коммуникаций. Появилась возможность почти мгновенной переброски огромных капиталов. Шла быстрая диффузия технологий по всему миру. Япония утратила монополию на производство самой дешевой и самой совершенной технологии. Так называемые «азиатские тигры» успешно соперничали с ней, начиная с автомобилестроения и кончая производством компьютерной техники. Этому немало способствовала и японская политика вывоза капитала и перенесения производства за рубеж. И в развитых странах, таких, как США, дочерние компании японских компаний становились их конкурентами. Скорость появления новых технологий делала устаревшим процесс постепенной подготовки и переподготовки кадров внутри японских корпораций. Требовались молодые специалисты, усвоившие новейшие технологии еще на университетской скамье. Им, соответственно, нужны были сразу же более высокие оклады. Ввиду дефицита специалистов их приходилось переманивать со стороны. Человек «вторичной карьеры» перестал быть лицом второго сорта в японской корпорации. Он также требовал к себе повышенного уважения и высокого денежного содержания.

К либерализации валютных операций надо добавить еще существенное ослабление ограничений на свободу купли — продажи земли.

Изменился менталитет японцев. Начался постепенный отход от стереотипа «трудоголика» к стереотипу — «человек, работающий ради денег, которые дают ему возможность комфортной жизни». Изменилось соотношение между работой и семьей в психологии японского мужчины. Стала уходить в прошлое полная вовлеченность наемного работника не только в деловую сферу, но и в повседневную жизнь своей корпорации.

Все это сыграло весьма отрицательную роль в отношении экономического развития страны.

К середине 80-х годов все условия для организации спекулятивного бума в японской экономике были уже налицо: движение капиталов либерализовано, ограничения на куплю-продажу земли сняты, финансовые связи внутри ФПГ ослаблены, система головных банков подорвана, банки втянуты в конкуренцию за получение краткосрочной прибыли, резко увеличена роль фондовой биржи в финансировании промышленных корпораций, ослаблена роль координации стратегических планов внутри *сюдан* и *кэйрэцу*, снижена абсорбционная способность японской экономики к инвестициям в реальный сектор, подорвана национальная система ценностных ориентаций. Как уже указывалось, продвижение экономического роста в Японии требовало принципиально иной политики, но реальная сила, которая могла бы стать ее проводником, в Японии отсутствовала. Между тем, вся организация японской экономики была нацелена именно на экономический рост. Надлом темпов экономического роста в реальном секторе, который правящие круги страны оказались неспособными перевести на обслуживание преимущественно внутреннего рынка, открыл японскому капиталу единственно возможные пути: усиленный экспорт капитала и выход на спекулятивный рынок.

Спекулятивный бум в Японии начался в 1985 году, когда вместе с ускоренной либерализацией кредитно-финансовой сферы, резко усилился спрос на офисные помещения в центре Токио. В это же время был принят курс на сокращение бюджетных расходов и ликвидацию финансового дефицита государственного сектора. При этом, правительство возлагало большие надежды на приватизацию и дерегулирование, рассчитывая на повышение эффективности производства и рост налоговых поступлений. Но налоговое законодательство оказалось к этому не готово, и спекулятивные операции с землей стали приносить значительную выгоду. Приватизируя государственные железные дороги и распродавая земельные участки вокруг них, а также другие государственные земли, государство было заинтересовано в росте цен на землю. Проблемы гонки цен на землю и земельных спекуляций настолько обострились, что в октябре 1987г. был принят закон об усилении налогообложения кратковременных владельцев земли, т.е. тех, кто продавал ее до истечения двухлетнего срока после приобретения. Это должно было бы охладить спекулятивную горячку. Осенью 1987 года на Нью-Йоркской бирже случился крах, получивший название «черного понедельника». Но изменить курс на либерализацию кредитно-финансовой сферы было уже нельзя, и крах Нью-Йоркской фондовой биржи ускорил развитие «мыльного пузыря» в японской экономике. Курсы акций и цены на недвижимость в США снизились и японские спекулянты, разбогатевшие на земельных аферах внутри страны, стали вкладывать капиталы в зарубежные активы. В то же время рост курса иены делал зарубежные капиталовложения более привлекательными.

Принятые Японским банком в мае 1989 года ограничительные меры и повышение учетной ставки положительных результатов не принесли. Снятие принципа дифференциации процента по банковским ссудам в зависимости от их назначения привело к расширению участия как банков, так и банковских организаций в спекуляциях на фондовой бирже в расчете на сверхприбыль от курсовой разницы. Так же, как цена на землю перестала быть капитализированной рентой, а определялась расчетами на ее дальнейшее повышение, так и курсы акций перестали быть капитализированным дивидендом и стали зависеть только от ожиданий изменения курсовой разницы. Возникла залоговая система, когда для получения новых пакетов акций или новых участков земли, закладывались уже имеющиеся. Так, по состоянию на начало 90-х годов из общей суммы непогашенных ссуд в 7,4 трлн. иен, выданных на финансирование покупки недвижимости, 60% было выдано под залог земли.

С лета 1991 года стало возрастать лежащее на небанковских институтах бремя невыплаченных процентов, на балансах этих организаций росли также суммы неработающих активов. Поскольку небанковские институты использовали для земельных спекуляций доверительные фонды своих клиентов, число предприятий, вовлеченных в спекулятивный бум «мыльного пузыря» оказалось чрезвычайно большим. Но в феврале 1990 года курсы акций на Токийской фондовой бирже внезапно обрушились, с декабря того же года стали вводиться ограничения на земельные операции. Интересно отметить, что в период бума «мыльного пузыря» объем банковского кредитования реального сектора уменьшался, несмотря на либерализацию кредитно-финансового сектора и снижение учетной ставки Японского банка. Рост кредитования реального сектора возобновился только после крушения экономики «мыльного пузыря»⁶.

В апреле 1990 года правительство ввело «Правила финансирования операций с недвижимостью», после чего началось резкое снижение удельного веса этих ссуд (под залог земельных участков) в активах банков. В мае 1991 года эти ограничения были отменены, но к этому времени спекулятивный бум уже закончился, оставив в наследство значительную неустойчивость японской

экономики⁷. Проследим за динамикой развития фиктивного капитала в результате переоценки стоимости акционерного капитала и земли в ходе бума мыльного "пузыря".

Таблица 1
Прибыль и убытки от переоценки по текущему рыночному курсу
(триллионов иен, %)

Годы	Акционерный капитал	Земля	Всего	В % к номинальному ВВП
1980	0,6	100	100,6	46,1
1981	8,5	98,3	106,8	41,5
1982	-7,0	56,7	49,7	18,4
1983	30,2	33,8	63,9	22,7
1984	37,1	39,2	76,3	25,3
1985	33,8	75,5	109,3	34,0
1986	121,4	253,2	374,5	111,5
1987	76,0	415,5	491,5	140,2
1988	177,5	166,7	344,2	92,1
1989	193,6	313,6	507,2	127,1
1990	-306,7	235,7	-71,0	-16,6
1991	-4,8	-191,7	-196,6	-43,2
1992	-178,0	-288,9	-406,9	-86,9
1993	40,5	-133,2	-92,7	-19,8

Источник: ⁸

По данным таблицы четко прослеживается начало и конец «мыльного пузыря». По земле спекулятивный бум сохраняется на один год дольше (1990). Обращает на себя внимание тот факт, что в период максимального развития бума доход от переоценки акционерного капитала был равен, а некоторым источникам в полтора раза превышал общий объем ВВП (в текущих ценах). За пятилетие с 1980 по 1984 гг. совокупный доход от переоценки акционерного капитала и земли составил 144% к ВВП в текущих ценах, что, вообще говоря, является нормальной тенденцией, поскольку фиктивный капитал обычно растет несколько быстрее, чем реальное производство и накопление (надо учесть еще дефицит земель в Японии и повышение ценности земли под влиянием технического прогресса). Но за пять лет (1985-1989 гг.) «бума мыльного пузыря» прирост фиктивного капитала составил уже 504,8% от ВВП. Это свидетельствовало о явном нарастании пирамиды. Наконец, за первые четыре года после того, как «пузырь» лопнул (1990-1993 гг.), убытки от переоценки земли и акций составили 166,5% текущего ВВП. В абсолютных цифрах убыль фиктивного капитала от краха «мыльного пузыря» смотрится гораздо внушительнее. Так, владельцы акций потеряли 449 трлн. иен, а землевладельцы 378,1 трлн. иен. Надо представить себе, что за этими цифрами стоят конкретные люди и сделки, приобретение недвижимости и предметов длительного пользования в рассрочку, кредиты, взятые в банках под залог (который в полтора — два раза обесценился) и т.п., чтобы оценить масштабы потрясений. На банках остались висеть плохие кредиты и неработающие активы, во всей экономике резко упал уровень финансового доверия. Большое число фирм обанкротилось. Государство спешило им на выручку и выкупало плохие долги, но это не привело к оздоровлению системы.

Одновременно происходило падение производства в реальном секторе. 1984-1990 гг. были периодом довольно высоких, хотя и неустойчивых темпов

роста. Он начался с прироста отечественных поставок на внутренний рынок в 6,6%, затем темпы снизились, но в 1988г. последовал новый всплеск (8,8%) очевидно под влиянием роста платежеспособного спроса в атмосфере бума «мыльного пузыря». Однако, начало 90-х годов характеризовалось однозначно низкими темпами, перешедшими в отрицательные. Особенно резко сократился платежеспособный спрос на потребительские товары⁹. Исключение составило индивидуальное жилищное строительство, что объяснимо, учитывая роль таких факторов, как наличие приобретенных земельных участков без перспективы их выгодной перепродажи, наличие средств, выведенных из спекулятивного рынка, все еще сохранившийся относительно высокий уровень индивидуальных накоплений.

На эффект «краха мыльного пузыря» накладывался эффект завышенного курса иены, который составил в середине 1995г. порядка 87 иен за доллар. Влияние завышенного курса иены на японскую экономику оказалось, преимущественно, негативным. Снижение в иеновом выражении как экспортных, так и импортных цен привело к снижению прибылей японских предприятий. Физический объем экспорта снизился, а импорта — возрос. Усилилась импортная конкуренция на внутреннем рынке, что еще более снизило прибыли японских предприятий. Началось сокращение числа занятых и снижение реальной заработной платы. Кроме того, импульс завышенного курса иены усилил тенденцию к снижению производственных инвестиций. Хотя в конце 1995 года — начале 1996 года Япония пережила девальвацию, комбинированное воздействие краха «мыльного пузыря» и завышенного курса иены привело к стагнации японской экономики, которая длится уже более 10 лет и сегодня грозит перерасти в настоящую катастрофу.

Можно назвать множество причин эрозии японского экономического чуда, в том числе, изменение демографической структуры, перемены в системе найма и трудовой мотивации, достижение пределов потенциала по ряду факторов экономического роста, удорожание рабочей силы, последовательные волны повышения цен на энергоресурсы, появление сильных конкурентов в ЮВА, располагающих неизмеримо более дешевой рабочей силой. Чрезвычайно важную роль также сыграло изменение государственной финансовой поддержки роста через механизм головных банков, финансовых групп и государственных и полугосударственных организаций, специализированных на поддержке определенных приоритетных сфер экономики. Таков был результат либерализации кредитно-финансовой сферы японской экономики. Следствием либерализации явилось ослабление организационных структур японской экономики. Здесь стоит остановиться на роли организационного (или институционального фактора) применительно к японским условиям. В современной экономике обычно действуют оба фактора: институциональный, связанный с административными методами управления, и конкурентный, вводящий в экономику гибкость с помощью рыночной дисциплины. Организационный фактор имеет особенно важное значение для стран, находящихся в особо неблагоприятных географических условиях с точки зрения суровости климата, наделенности природными ресурсами, исторически сложившихся условий в момент перехода этих стран к индустриальному развитию.

Геополитическое положение Японии по ряду параметров нельзя отнести к числу благоприятствующих развитию «свободной» рыночной конкуренции. Прежде всего, это высокая плотность населения, сосредоточенного на очень узких полосках пригодной для хозяйственного использования земли при крайне незначительной наделенности природными ресурсами, в особенности

минеральным сырьем*. Почти полностью отсутствуют собственные энергоносители (исключая гидроэнергию). Общей мягкости климатических условий страны противостоит ее постоянная подверженность природным катастрофам. Можно даже сказать, что Япония лежит в узле землетрясений, вулканических извержений и мощных тайфунов. Сельское хозяйство страны нуждается в постоянных и крупномасштабных мелиорационных работах. Промышленное, жилищное и транспортное строительство удорожается необходимостью антисейсмических мероприятий, рассчитанных на наиболее мощные удары подземной стихии. Япония позже всех индустриальных стран вступила на путь развития и вынуждена была длительное время догонять развитые капиталистические страны, причем в первый период Мэйдзи в условиях навязанных ей силой неравноправных торговых договоров. В начальный период своего индустриального развития Япония находилась как бы на задворках мировой экономики. После Второй мировой войны страна, пережившая страшный моральный шок атомных бомбардировок, лежала в развалинах и была оккупирована иностранной армией. Потеря колоний, в особенности, Манчжурии и Кореи, где была сосредоточена значительная часть производственного потенциала Японии и где имелись значительные минеральные ресурсы, в том числе, энергоносители (каменный уголь), также имела весьма негативные экономические последствия.

Преодоление этих испытаний потребовало громадных усилий японского народа, сумевшего выстроить свою особую экономическую организацию, опирающуюся на старые и даже древние традиции. Ее можно охарактеризовать, как специфически японский вариант государственного капитализма или как патерналистский государственно-корпоративный капитализм. Эта система обеспечила необходимый синергический эффект, который позволил не только преодолеть неблагоприятные геополитические факторы и превратить их в преимущества, но и вывести страну в ряды крупнейших экономических держав современного мира. Японская правящая элита сумела в условиях американской оккупации вывести из-под удара основные элементы своей организационной структуры, модернизировать их и влить в них новую силу. После самого первоначального периода, когда американская политика была направлена на расчленение японской экономической организации, США перешли к использованию Японии в качестве союзника в холодной войне против Советского Союза и в связи с этим длительное время закрывали глаза на восстановление и развитие японской экономической организации. Однако, затем в США возникло острое чувство угрозы со стороны Японии, как быстро набирающего мощь опасного конкурента.

То, что в первый период после войны американцы не смогли осуществить силовыми мерами, им в значительной мере удалось сделать впоследствии с использованием методов политического и экономического давления. Благоприятные условия для такого давления создавала привязка Японии к американскому рынку. Достаточно сказать, что в 2000 году на США приходилось 29,7% японского экспорта (для сравнения, на все страны Азии приходилось 41,1% японского экспорта). При этом, в том же году на США приходилось

* Ресурсная проблема не только не снимается с повестки дня в современной Японии (хотя, казалось бы, сейчас она имеет доступ к ресурсам всего мира) но, наоборот, постоянно и остро стоит перед руководителями страны. Япония все время озабочена риском прекращения или приостановки поставок вследствие стихийных бедствий, катастроф, политической нестабильности, международных конфликтов и т.д. Поэтому во внешне-торговой политике японцы стремятся к диверсификации стран - поставщиков и прямому участию в разработке источников сырья за рубежом, в особенности, энергоносителей. Во внутренней сырьевой политике подчеркивается необходимость экономии ресурсов и активизации использования внутренних, хотя и скудных, источников.

70,7% общего профицита торгового баланса Японии, т.е. 7577 млрд. иен¹⁰. Экспортная зависимость Японии от рынка США служила сильнейшим рычагом политического давления. Кроме того, существовала и не менее сильная военно-политическая зависимость Японии от США. Опасаясь своих соседей (не только «красных», но и Южной Кореи) японские правящие круги использовали военно-политический союз с США и вытекающие из него обязательства по оказанию помощи в обеспечении обороны Японии минимизации своих оборонных затрат, но вынуждены были идти на серьезные политические и экономические уступки США.

Сначала американская стратегия была направлена на сдерживание Японии в качестве конкурента на американском внутреннем рынке. С середины 80-х годов к этому добавляются еще и мотивы использования Японии в качестве источника финансирования дефицита американского торгового баланса. Одновременно, в особенности, после победы США в холодной войне острая необходимость в Японии, как в сильном союзнике отпадает, и американцев все больше привлекает мысль о возможности подрыва японской экономики путем разрушения ее традиционной экономической организации. В 1985 г. США удалось навязать Японии соглашение Плаза (по названию Нью-йоркского отеля, в котором происходили переговоры). Это соглашение предусматривало широкую либерализацию движения капиталов и дерегулирование внутреннего финансового рынка. О последствиях этого дерегулирования, прежде всего, в отношении головных банков и финансово-промышленных групп уже говорилось выше. В результате финансового дерегулирования из механизма государственного стимулирования экономического роста было изъято важное звено — дифференцированные учетные ставки, обеспечивавшие предоставление через головные банки крупным группированным корпорациям дешевого кредита путем рефинансирования кредитов головных банков по льготной учетной ставке. Пострадало и японское малое и среднее предпринимательство, также получавшее кредитование по льготным ставкам через систему специализированных государственных институтов. Был открыт путь к ревальвации иены.

Финансовая система страны начала постепенно переходить от финансирования реального сектора отечественной экономики к так называемым финансовым технологиям (*дзайтэку*) и экспорту капитала. Развивался бум "мыльного пузыря", о котором уже говорилось выше. Разрыв между фиктивным капиталом и реальным сектором увеличивался. В 1991 году «экономика мыльного пузыря» вылилась в биржевой крах и крушение земельного рынка.

Выше уже говорилось об отрицательном влиянии завышенного курса иены на японскую экономику. В ответ на меры японского правительства по снижению курса иены США вновь навязали Японии финансовое (так называемое стабилизационное) соглашение, обеспечивавшее сохранение интенсивности потоков японского капитала на американские финансовые рынки. С этой целью искусственно была понижена почти до нуля (0,5%) ставка рефинансирования Японского банка. Для японских коммерческих банков и инвестиционных компаний стало чрезвычайно выгодным рефинансирование по пониженной внутренней ставке кредитов, предоставляемых ими на внешние финансовые рынки с высокой процентной ставкой. Таким рынком были прежде всего США (в значительной степени рынок обязательств федерального казначейства, процент по которым определялся кредитно-финансовой политикой США). С другой стороны, активно развивался японский экспорт капитала в страны ЮВА, где быстрый экономический рост способствовал поддержанию высоких процентных ставок. Понижение курса иены еще более способствовало оттоку японского капитала в страны ЮВА, поскольку при ставке в 0,5% рефинансирования сложился фактически отрицательный процент на финансовые ресур-

сы для японских финансовых институтов, экспортировавших капитал. Это же обстоятельство облегчало бремя обслуживания и возврата японских кредитов для иностранных заемщиков. Пирамида задолженности возрастала вплоть до Азиатского финансового кризиса 1997-98гг., в результате которого на японской банковской системе повисло дополнительное количество плохих кредитов. Общая сумма плохих кредитов и неработающих активов достигала 1,4 трлн. долл.

Мощный отток капиталов из страны сыграл для Японии примерно такую же роль, как бегство капиталов из России. Подорванным оказался непрерывный поток модернизации производства. Обнаружилась острая нехватка капитала для расширения производственной и социальной инфраструктуры, без которого был уже невозможен дальнейший рост платежеспособного спроса японского населения. Страна вступила в полосу десятилетнего застоя, из которого пока что не видится выхода. Предлагаемые новым правительством Дз. Коидзуми меры по дальнейшей либерализации экономики и «расчистке» банковской системы могут скорее усугубить, чем облегчить тяжелое экономическое положение страны. Объем оттока японского капитала за рубеж демонстрируют следующие данные: в 1990г. вывоз капитала из Японии составил 4,8 трлн. иен, в 1995г. — 6,3 трлн. иен, в 1999г. — 5,4 трлн. иен. Причем зарубежные инвестиции Японии имели тенденцию к уменьшению доли прямых и увеличению доли портфельных инвестиций. К этому необходимо добавить еще и наращивание золотовалютных резервов, которые на конец 2000г. составляли 361,6 млрд. долл., а прирост по сравнению с предыдущим годом составил 73,6 млрд. долл.¹¹. Такой прирост валютных резервов явно избыточен и связан с оттоком с внутреннего рынка материальных ресурсов, а в конечном счете, и капитала. При этом большая часть японских золотовалютных резервов состоит из американских долларов и федеральных казначейских обязательств США, что еще сильнее привязывает Японию к долларовой системе и создает серьезнейшую опасность для финансовой системы страны в связи с возможным крахом доллара.

Ситуация с японским вывозом капитала характеризует соотношение между объемом прямых японских инвестиций за рубежом и объемом принимаемых инвестиций. Для 90-х годов это соотношение составляло 16,86, в то время, как в других развитых странах оно колебалось между 0,36 (Испания) и 3,40 (Швеция), а для США составляло 1,05¹².

Утечка капитала явилась одним из основных и, может быть, важнейшим фактором десятилетней стагнации японской экономики.

Основные экономические показатели Японии указывают на устойчивый характер этой стагнации и одновременно на то, что в ее основе лежат глубокие институционально-структурные причины. Быстро стареет основной капитал в обрабатывающей промышленности Японии: в 1996г. его средний возраст составлял 10,3 года, в 1997г. — 10,5 лет. Для сравнения отметим, что в 1980 году средний возраст основного капитала в Японии был примерно на уровне 8,6 года и Япония опережала по этому показателю США (9,5 лет)¹³. За пятилетний период с 1995 по 2000 г. частные инвестиции в основной капитал и оборудование возрастали в среднем за год лишь на 2,9%, а в период с 1998 по 2000гг. роста вложений в основной капитал вообще не было.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о структуре фонда накопления в Японии (см. таб. 2) за период 1990-1997 гг. свидетельствуют о стагнации как общего объема накопления, так и о его отдельных компонентах, за исключением чистого вывоза капитала за границу. Особенно бросается в глаза даже не стагнация, а снижение частных вложений в основной капитал, при одновременном снижении их доли в общем фонде накопления с 58,6% до 50,5% (104,37)¹⁴. Характерно снижение темпов прироста ВВП, наблюдающееся с начала 90-х

годов: 1990 г. — 5,1%, 1991г. — 3,5%, 1992г. — 1,0%, 1993г. — 0,3%, 1994г. — 0,6%, 1995г. — 1,5%, 1996г. — 3,9%, 1997г. — 0,8%, 1998г. — минус 2,8%¹⁵.

Таблица 2

Структура фонда накопления в 90-х годах

(млрд. иен и %)

Компоненты накопления	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997г.
Валовое накопление	146594	158504	158765	153863	148978	142938	151102	156088
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Частные вложения в основной капитал	85897	89361	83337	73672	69973	73392	78515	78862
%	55,6	56,5	52,4	47,9	47,0	51,5	52,0	50,5
Частное жилищное строительство	25552	23095	22763	24215	26020	24265	27927	22416
%	17,4	14,6	14,3	15,7	17,5	17,0	18,5	14,4
Государственные капиталовложения	28636	31467	37041	41344	40435	43288	41909	39569
%	19,5	20,0	23,3	26,8	27,1	30,3	27,7	25,4
Прирост запасов	2864	3439	761	602	312	965	880	1260
%	2,0	2,2	0,5	0,4	0,2	0,7	0,6	0,8
Чистый вывоз за границу	4694	11141	14864	14029	12238	9202	6857	
%	3,2	7,0	9,4	9,1	8,2	6,4	4,5	

Составлено по: Кэйдзай токэй нэнкан 1998, с. 44-45, 56-57¹⁶.

Застойный характер обнаруживал платежеспособный спрос населения (темп прироста 0,5%, 2000 г.). Образование общественной инфраструктуры шло снижающимся темпом¹⁷.

Что касается промышленного производства, то в 2000 году темп прироста составил 5,7%. Этот прирост, однако, обманчив, поскольку в этом году японская промышленность едва превысила уровень 1990 г., а среднегодовой темп прироста за одиннадцатилетний период составил лишь 0,05%. При этом снизилась выплавка чугуна и стали, упало производство в отраслях общего машиностроения, транспортного машиностроения, точного приборостроения, текстильной промышленности. Ощутимый рост наблюдался лишь в электромашиностроении. Но и в этой отрасли основной рост пришелся на продукцию подотраслей, связанных с информатикой и телекоммуникациями, т.е. именно с теми отраслями, которые с 2001 года переживают наибольшие трудности¹⁸. В 2001 году ситуация в экономике Японии остается неблагоприятной. Во втором квартале этого года ВВП Японии сократился на 0,8% и еще на 0,2% в третьем квартале. Общий государственный долг Японии составляет сейчас 130% от ВВП. Уровень безработицы в конце августа достиг 5%. Падает объем японского экспорта. В 2000 г. агентство «Муди» снизило кредитный рейтинг Японии с «Ааа» в ноябре 1998 г. до «Аа2»¹⁹. По оценке В. Иноземцева «Япония находится в глубоком системном кризисе. Японские товары с трудом находят спрос внутри страны, а в последнее время и за границей, банковская система отягощена гигантскими долгами неплатежеспособных предприятий. Сокращение спроса на технологические товары и поддержание высокого курса иены наносят все новые удары по японскому предпринимательству. Правительство фактически исчерпало основные ресурсы поддержания национальной промышленности, а дефицит бюджета достиг катастрофических масштабов»²⁰. Индекс Японской фондовой биржи Никкэй — 225 в конце июня, упал ниже минимальной с 1985г. отметки в 11610, а в начале сентября вышел уже за пределы 11000 (против максимального в начале 1990г. уровня в 39000 пунктов). По состоянию на 7 сентября он составил 10516,8. По сообщениям The Wall Street

Journal в начале сентября 2001г., МВФ обратился к правительству Японии с просьбой принять группу инспекторов, которая могла бы провести мониторинг банковской системы страны. Проверку предполагается направить на выявление реальных размеров невозвращенных банкам кредитов. Есть предположение, что они на самом деле могут быть на 160–250 млрд. долл. выше, чем это дается в оценках Японского агентства финансовых операций (на него возложена задача реструктуризации плохих долгов японской банковской системы)²¹.

Главной причиной разбалансировки экономики Японии является либерализация движения капиталов и внутреннего регулирования кредитно-финансовой сферы. За этим последовало ослабление роли головных банков и размывание финансовых и технико-экономических связей внутри *сюдан* и *кэйрэцу*. Японская экономика неожиданно оказалась вынужденной играть на чужом поле и по чужим правилам. Последовал спекулятивный бум “мыльного пузыря”, вздувший виртуальные активы японской банковской системы, а затем крах этого «мыльного пузыря», обесценивший эти активы и оставивший банки с триллионными неработающими активами. Вся деятельность банковской системы оказалась замороженной, прекратилось бесперебойное финансирование реального сектора, что в корне подорвало стратегию японских корпораций, направленную на расширение рыночной доли и непрерывное обновление технологий и средств производства.

На все это наложилось непрерывное политическое давление со стороны США, превративших Японию в основной источник финансирования своего огромного внешнеторгового дефицита. Вместе с тем, либерализация движения капиталов до крайности усилила экспорт японского капитала. Япония — страна с ограниченными природными ресурсами и дорогой рабочей силой, сильнейшим дефицитом пригодных для развития земельных площадей. Естественно, что в условиях свободного движения капиталов ей грозит серьезная деградация экономики. Нельзя забывать, что источником существования японцев является именно их высокоразвитая индустрия и высочайшая квалификация рабочей силы. Перенос производств в страны с более благоприятными природными условиями, наличием свободных земель и дешевой рабочей силой будет иметь для Японии катастрофические последствия.

Провал организационной структуры японской экономики связан с тем, что ее заставили функционировать в условиях, к которым она, фактически, не приспособлена. Японская организационная структура, настроенная на выпуск товаров и услуг, столкнулась с изменившимся миром, в котором гегемония переходит от промышленного к финансовому и, более того, фиктивному и виртуальному капиталу. Страна не готова к игре на этом поле в силу того, что строила свою экономику, как национальную. Она не может играть на равных с обладающей неизмеримо большей финансовой мощью и опытом финансовых спекуляций транснациональной олигархией.

Сейчас японцам со всех сторон сыплются, как из рога изобилия, советы, суть которых заключается в том, что все их беды происходят из-за недостаточной либерализации экономики, недоразрушения традиционной экономической структуры. Одной из таких попыток является недавняя книга профессора Гарвардского университета Майкла Портера, написанная им в соавторстве с двумя японцами Х. Такэути и М. Сакакибара²². Авторы книги — универсалисты. Прежде всего, они отрицают всякую, не только цивилизационную, но и национальную специфику Японии: «Япония такая же страна, как и любая другая». Основная идея книги заключается в том, что преимущества Японии превратились в ее недостатки, что японские корпорации не имеют настоящей долгосрочной стратегии экономического развития, что государственная политика поддержки производства только тормозит его и т.п. Но главный удар об-

рушивается на систему *кэйрэцу* и стратегию борьбы за расширение рыночной доли. Как образец выставляется стратегия американских корпораций, направленная на максимализацию прибыли акционеров. Надежды возлагаются на внедрение в японскую экономику иностранных инвесторов и на новое американизированное поколение руководителей японских корпораций. Главная рекомендация — распродажа пакетов акций, находящихся в перекрестном владении корпораций, интегрированных в *кэйрэцу*.

На фоне разрушения традиционных экономических структур, либерализации движения товаров и капиталов, постоянного политического давления США и усиления процессов глобализации мировой экономики сменявшие друг друга правительства Японии так и не сумели найти адекватных мер по преодолению затянувшейся стагнации в экономике. Государственная политика отличалась двойственностью, крайней непоследовательностью и противоречивостью. В ней, по определению Е. Леонтьевой, «парадоксально переплетались две линии: одна — на продолжение либеральных реформ, другая — на антикризисное управление методами расширения государственного участия в экономике»²³. Предполагалось, что первая линия является стратегической и долгосрочной, а вторая — тактической и краткосрочной. На самом деле, однако, либеральные мероприятия последовательно разрушали институциональные основы, на которых зиждилось эффективное государственное вмешательство в экономику. Суть дела заключалась в том, что в условиях открытой экономики не работали ни методы непосредственных государственных вложений в экономику («открытость» экономики сводила на нет их мультипликативный эффект), ни методы снижения учетной ставки, ни методы вливания в сферу обращения дополнительной денежной массы через банки*. На протяжении ряда последних лет Японский банк осуществляет гигантскую эмиссию иен в условиях так называемой «политики нулевой учетной ставки». Фактически, эта масса только пополняет откачку денежных средств с внутреннего японского рынка для покрытия торгового дефицита США.

Одновременно, японское правительство наращивало внутренний государственный долг, пытаясь подтолкнуть активность японской экономики с помощью государственных расходов на развитие инфраструктуры («общественные работы»). Общий объем затрат на общественные работы за последние 8 лет составил 130 трлн. иен, но с точки зрения инициации экономического подъема остался безрезультатным. Эффект мультипликатора (и акселератора) этих работ был низок ввиду утечки капиталов за рубеж, с одной стороны, а с другой, в связи с перегруженностью японских банков плохими кредитами, что не позволяло производству обеспечить себе адекватное финансирование обновления основного капитала в ответ на импульс повышенного спроса, вызванного государственными инфраструктурными расходами. Одновременно с быстрым ростом объема государственного долга развернулась игра глобальных финансовых спекулянтов вокруг японских государственных облигаций²⁴. Вместе с тем, в связи с ослаблением политической структуры Японии широкое развитие начала получать коррупция. Особенно «прославился» в этом отношении сектор государственных строительных контрактов: дороги строились в малонаселенной местности, а дорогие платные мосты там, где уже были дешевые паромы. Сооружались дренажные системы в местности, где не бывает наводнений. Многие уникальные сооружения (Кансайский международный аэропорт, серия мостов между Хонсю и Сикоку) не окупаются из-за малой загрузки, что в

* О масштабах накачки банковской системы денежной наличностью можно судить по предусмотренной правительством Хасимото весной 1998г. программе покупки правительством привилегированных акций и облигаций банков на сумму 30 трлн. иен.

4 "Проблемы Дальнего Востока" № 2

свою очередь, по всей вероятности, связано с общей экономической стагнацией. Не имели успеха попытки создания смешанных предприятий, специализированных на осуществлении крупных проектов (опять-таки потому, что частный капитал искал себе более выгодное применение за рубежом). Не привело к подъему экономики и дважды проведенное (В 1994/95 и 1995/96 фин. годах) снижение налогов. В 1998г. была восстановлена запрещенная Антимонопольным законом 1947г. форма холдинга. Новый закон о холдингах был сформулирован так, что включал требование о стопроцентном владении холдингом акциями дочерних компаний и о их вхождении в консолидированный баланс холдинга. Это требование было направлено против системы традиционного перекрестного держания акций предприятиями *кэйрэцу*. По замыслу это должно было помочь организовать работу фондового рынка по мировым стандартам²⁵, однако, пока что лишь способствовало размыванию традиционных связей.

Ободренное некоторыми экономическими успехами 2000 года правительство Мори сделало в начале 2001 года попытку отказаться от «нулевой процентной» ставки, но уже к середине 2001 года Япония под влиянием нового витка экономического спада вернулась к этой политике.

Правительство Коидзуми ищет выход в дальнейшем ускорении либерализации экономики и сокращении масштаба общественных работ. Но от дальнейшей либерализации следует ожидать и дальнейшего роста безработицы, пока единственного ощутимого результата этой политики. Взамен сокращения общественных работ Коидзуми предлагает расширить ассигнования на помощь безработным, что потребует дополнительных бюджетных расходов. Вместе с тем, министр финансов М.Осиро предупреждает, что в связи с продолжающимся спадом в 2002 финансовом году возможен серьезный недобор налогов и скорее всего придется прибегнуть к дальнейшему наращиванию государственного долга.

На встрече министров финансов стран «Большой восьмерки» в Палермо в феврале 2000 года американская и английская делегации предложили Японии свой крайне жесткий план «финансового оздоровления». Согласно этому плану предлагалось одномоментно сбросить все плохие кредиты и предоставить их «на растерзание» свободному рынку. Этот вариант не только обанкротил бы крупнейшие японские банки, но, что еще более важно, вынудил бы их заемщиков, промышленные компании Японии сократить производство и осуществить массовые увольнения. Это — не что иное, как та же программа «шоковой терапии», осуществления которой добивается в Южной Корее МВФ и которая предусматривает банкротство крупнейших корейских промышленных корпораций. В случае принятия этого плана Япония тоже была бы вынуждена продать свои банки и корпорации иностранцам на весьма выгодных для них условиях.

В свете нависшей над Японией опасности потери контроля над командными высотами своей экономики и передачи его транснациональному финансовому капиталу выявляется взаимосвязанность и логика политики США и транснационального капитала, которая шла через привязку Японии к американскому рынку, организацию массовой утечки капитала из страны для финансирования американского торгового дефицита, либерализацию движения капиталов, ломку традиционных структур промышленной организации, национальной культуры менеджмента, подрыв традиционной системы трудовых отношений, снятие ограничений на куплю — продажу сельскохозяйственных земель и т.д.

Иной путь предложил бывший министр финансов Японии Миядзава: создать совместный фонд государства, банков и частных компаний, который выкупил бы акции промышленных корпораций, находящиеся сейчас во владе-

нии банков, для того, чтобы предотвратить их массовый сброс на фондовую биржу. Этот же фонд мог бы также скупить плохие кредиты и неработающие активы банков, возникшие при кредитовании ими реального сектора. Фонд мог бы придержать их в течение пяти лет, а затем, постепенно распродавая, аккумулировать новый капитал, необходимый для финансирования модернизации производства.

Вместе с тем, еще в 1997 году в некоторых кругах японской элиты возник план постепенного отхода от американской зависимости и организации более тесного экономического и финансового сотрудничества с Юго-Восточной Азией. Одним из его элементов являлось создание Азиатского валютного фонда (АВФ), предложенная тем же Миядзава. Тогда эта идея натолкнулась на упорное сопротивление США и МВФ и ее пришлось отбросить. Тем не менее Миядзава удалось реализовать план координированной программы коммерческих кредитов стран ЮВА, что в значительной степени помогло осуществить Малайзии самостоятельную политику выхода из кризиса, а также спасло ряд других стран ЮВА от дальнейшего разорения²⁶.

Идея АВФ вновь всплыла на совещании стран АСЕАН, Китая, Японии и Южной Кореи в Чианг-Май (Таиланд) в 2000 году²⁷. В дальнейшем, на совещании министров финансов стран «большой восьмерки» в Фукуока в июле 2000 года Японией был предложен план «Регионального финансового соглашения», которое предполагало бы массивные валютные свопы между странами АСЕАН в случае кризисных финансовых ситуаций, в рамках которого был бы также создан фонд, играющий роль кредитора последней инстанции. Совещание в Фукуока в июле 2000г. не дало практических результатов, однако, Япония вновь удалось выступить с идеей АВФ, где иена играла бы ведущую роль²⁸.

Идея создания АВФ получила поддержку со стороны профсоюзных лидеров Юго-Восточной Азии, которые призвали к созданию «Фонда азиатского партнерства». При этом они указали на тяжелые последствия политики таких международных финансовых организаций, как МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития. После кризиса 1997-98гг. и в результате этой политики количество безработных в странах ЮВА увеличилось на 40 млн. человек. В 2000 году перед лицом новых экономических трудностей и МВФ и США, похоже, смягчили свою позицию по отношению к Азиатскому валютному фонду. Борьба вокруг АВФ свидетельствует о том, что Юго-Восточная Азия все более осознает необходимость создания собственной системы финансово-экономической взаимопомощи. Регион быстро становится на собственные ноги (несмотря на кризис 1997-98гг.), опираясь на два растущих экономических гиганта: Китай и Индию. По прогнозам в Китае на ближайшее десятилетие ожидается 8-10%-ый темп прироста экономики. Хотя в 2000 году прямой экспорт в США составлял все еще 25% общего экспорта стран ЮВА, но уже половина их торгового оборота оставалась в пределах региона²⁹.

Третьим главным участником растущего рынка ЮВА, естественно, должна стать Япония. Как писал Л. Ларуш в 2000 году, «Япония — типичный образец нации, способность которой обеспечивать себя сырьем и другим импортом в интересах нужд своей экономики зависит от расширения в развивающихся странах долговременных рынков для ее высокотехнологичного экспорта и капитальных товаров. АСЕАН-плюс-Три представляет собой естественный механизм кооперации, как в целях поддержания стабильности валют, так и увеличения инвестиций в производство капитальных товаров для реального сектора, от которого, в конечном счете, будет зависеть благосостояние наций АСЕАН»³⁰. Для Японии быстро развивающиеся Индия и Китай являются соперниками, но в гораздо большей степени, странами с потенциально необъ-

ятными и непрерывно растущими внутренними рынками. Это великий шанс для японцев разорвать порочный круг финансирования торгового дефицита США в целях обеспечения себе доступа на американских рынок. Остается подождать, чтобы выяснилось, насколько общая азиатская солидарность совместима с выбранным сегодня Японией курсом на радикальную либерализацию.

1. Tanaka K. Building a New Japan. A Plan for Remodelling the Japanese Archipelago. Tokyo, 1973.
2. Певзнер Я.А. Предисловие к книге С. Цуру "Конец японского экономического чуда". М., 1981.
3. Певзнер Я.А. Конкурентный корпоративно-государственный капитализм в Японии // Японская экономика в преддверии XXI века. М., 1991. С. 35-51.
4. Kojima K. Japanese Corporate Governance. Kobe, 1997. P. 133.
5. Ibid. P. 130-147.
6. Tanaka N. Towards the Twenty-first Century — A Vision for the Japanese Economy. Tokyo, 1992. P. 62-68.
7. Ibid. P. 70, 71.
8. Кэйдзай хакусё 1994. Токио, 1994. С. 197.
9. Там же. P. 555.
10. Statistical Handbook of Japan. Statistical Bureau and Statistics Center. Ministry of Public Management, Home Affairs, Post and Telecommunications. Tokyo, 2001. Ch. 10. Trade, Balance of Payments, International Cooperation. Fid. 3.
11. Ibid. Ch. 10, Fig. 10.5.
12. Мовсесян А. Современные транснациональные корпорации: состояние и тенденции // Banker. Март 2000. С. 28.
13. Леонтьева Е.Л. Японская экономика сквозь лупу и магический кристалл // Япония: с чем в третье тысячелетие?. М., 1999. С. 65.
14. Там же. С. 39.
15. Там же. С. 61.
16. Там же. С. 39.
17. Statistical Handbook of Japan 2001. Ch. 2. The Economy. Table 3.1.
18. Ibid. Ch. 6. Overview of the Manufacturing Sector. Table 6.1.
19. Bloomberg com: Economies. Sept. 7. 2001.
20. Иноземцев В. Приближение катастрофы. Азиатские страны перед лицом нового кризиса. // Свободная мысль, 2000. № 12. С. 85.
21. Независимая газета. 8 сент. 2001.
22. Porter M.E., Takeuchi H., Sakakibara M. Can Japan Compete. Harvard, 2001.
23. Леонтьева Е.Л. Японская экономика сквозь лупу и магический кристалл. С. 58.
24. Там же. С. 63.
25. Там же. С. 55-56.
26. Wolfe K. Will Mori Onlast G.W. Bush? Japan Holds Financial Cards // Executive Intelligence Review. March 23, 2001. Vol. 28. # 12. P. 38-40.
27. Nambara A. Wake Up and Get a Sense of Crisis! P. 40-41.
28. Wolfe K. Financial Crisis Prompts Asian Chiang Mai Initiative // "EIR. May 19, 2000. P. 37-39.
29. Son J. Beijing and Dehly the wise choice // Asian Times. Aug. 4, 2001.
30. Larush L. An Asian Monetary Fund // "EIR. May 26. 2000. P. 6.

Глобализация и новые информационные технологии в международном экономическом пространстве

© 2003

И. Стрелец

На современном этапе развития все большее влияние приобретают информационные технологии, которые не только расширяют коммуникационные возможности, но и способствуют формированию единого, глобального социально-экономического пространства, сокращая транзакционные издержки передачи информации и обеспечивая возможность общения в реальном времени. Актуальным является рассмотрение вопросов распространения новых информационных технологий Интернета в современном мировом экономическом пространстве.

Интернет появился в конце 1960-х гг. в условиях «холодной войны» в рамках разработок министерства обороны США в области создания системы управления стратегическими ядерными силами, устойчиво функционирующей в случае ракетно-ядерной атаки. После Второй мировой войны стало очевидно, что военное превосходство как метод достижения геополитических задач имеет определенные ограничения, и постепенно происходит переключение внимания с достижения чисто военного превосходства на достижение превосходства экономического, а позднее — технологического.

В 1957 г. было создано ARPA (Advanced Research Projects Agency — Агентство передовых исследовательских проектов), переименованное в 1972 г. в DAPRA (Defense Advanced Research Projects Agency — Агентство передовых оборонных исследовательских проектов). Одна из инициатив Агентства — развитие идеи П. Бэйрана из Rand Corporation состояла в создании коммуникационной системы, которая была бы неуязвима для ядерного удара, построенной по сетевому принципу: такая система давала возможность отдельным видам информации проходить по своим путям, собираясь в значимые сообщения в любой ее точке. Сетевые технологии в 1960-е гг. предназначались в основном для нужд военно-промышленного комплекса.

Оформление Интернета как Сети, объединяющей все компьютеры, всемирной Сети, Сети с заглавной буквы, произошло в технологическом отношении в 1970-х гг. К середине 1990-х гг. Интернет превращается в глобальное информационное пространство, а с 1993 г. начинается его активное коммерческое использование.

Сегодня идет быстрый и конструктивный процесс интернационализации Интернета, все новые и новые страны подключаются к нему. Интернет становится не просто частью, но необходимым элементом жизни общества, мощным фактором развития экономики.

С учетом перспективности экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона, представляется особенно интересным проследить, как идет распространение новых информационных технологий в этом регионе в настоящее время.

Прежде, чем говорить о влиянии информационных технологий на развитие региона, выясним возможности населения региона пользоваться их преимуществами, критерием чего может быть доступ в Интернет. Для полноты картины покажем ситуацию в сравнении с другими регионами (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Доступ в Интернет в зависимости от региона, 1999 г.

Регион	Лица, имеющие доступ, млнчел.	% от общего количества соединений	% от населения мира
США и Канада	97.0	56.6	5.1
Европа	40.1	23.4	13.7
Азия и зона Тихого океана	27.0	15.8	56.2
Латинская Америка	5.3	3.1	8.4
Африка	1.1	0.6	12.9
Ближний Восток	0.9	0.5	3.6

Источник: Hudson H.E. Extending Access to the Digital Economy to Rural and Developing Regions / H.E. Hudson // Understanding of Digital Economy: Data, Tools, and Research; E. Brynjolfsson, B. Kahin, eds. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2000. P. 263.

Материал, представленный в Таблице 1, подчеркивает доминирование развитых стран в плане доступа в Интернет при сильном отставании развивающихся стран, особенно стран Африки и Ближнего Востока. Что касается стран Азиатско-Тихоокеанского региона, то они занимают промежуточное положение. С одной стороны, по показателю доступа в Интернет эти страны находятся пока еще далеко от США, Канады и европейских стран, но с другой стороны, они получают больше выгод от развития информационных технологий, чем страны Африки и Латинской Америки: странам Африки не хватает экономических ресурсов и правовых институтов, в Латинской Америке более низкий уровень образования, чем в азиатских странах.

Однако для стран Азиатско-Тихоокеанского региона характерно сильное расхождение показателей по отношению друг к другу.

Среди стран региона выделяется Япония. Хотя в Японии наблюдается отставание в области информационных технологий от США (доля информационной продукции в ВВП США составляет 10%, в Японии — 6,5%), тем не менее она динамично развивается и по многим показателям в области информационной технологии опережает страны Западной Европы (доля информационной продукции в ВВП европейских стран в среднем — 4%).¹ В частности, число пользователей Интернетом в Японии составляет более 27 млн человек, и, по прогнозам, их количество достигнет к 2005 г. 76 млн человек; при этом к Сети подключены около 78% японских предприятий.²

Кроме того, Япония обладает так называемым «преимуществом отставания» (backward advantage), когда страна вместо того, чтобы создавать собственные передовые технологии, может использовать уже созданные другими странами. Например, в 1993 г. американские фирмы вложили 143 трлн долл. в информационные технологии, а сегодня компьютеры с той же производитель-

ностью, по оценкам экономиста из Великобритании П. Донована, можно приобрести за 15 млрд долл. в результате падения цен.³

Одним из препятствий на пути развития информационных технологий в Японии остается меньшая степень мобильности рынков труда и капитала по сравнению с рынками труда и капитала в США. Доступ в Интернет обходится в Японии дороже, чем в США, поскольку правительство пока еще слабо стимулирует конкурентную борьбу на уровне абонентских каналов. Однако Япония опережает США по степени использования мобильной связи — одного из каналов доступа в Интернет, и по уровню образования, что является хорошими предпосылками и стимулами для развития информационных технологий в дальнейшем.

Среди других стран рассматриваемого региона по уровню вовлеченности в мировое информационное пространство выделяются Индия, Китай, Сингапур, Южная Корея — это страны, где началось активное подключение к Интернету и использование преимуществ информационных технологий.

Что касается Индии, то здесь процветает индустрия программного обеспечения в основном за счет низкой оплаты работы программистов. Сочетание дешевизны производства и высокой квалификации занятых в области программного обеспечения весьма конкурентоспособно на данном рынке: нарастает объем экспорта программных продуктов (основными покупателями индийского программного обеспечения являются ведущие промышленно развитые страны), индийцы работают в крупнейших компаниях, лидирующих в области информационных технологий, а сами эти компании (включая такие компании, как Motorola, Microsoft, Texas Instruments, Oracle) создают в городах Индии свои центры по разработке программного обеспечения, NASDAQ открыл свой офис в Индии. Успех Индии основывается на продуманной национальной стратегии. В Индии сформирована специальная комиссия — Национальная целевая комиссия по информационным технологиям и развитию программного обеспечения (National Task Force on IT and Software Development), реализуется долгосрочная национальная программа в области информационных технологий (Long Term National IT Policy), создаются зоны оффшорного программирования. В Индии уже принят закон об электронной подписи. Центр развития индийского программного обеспечения — город Бангалор, где располагаются более 300 высокотехнологичных компаний. Историческое лидерство Бангалора объясняется тем, что после обретения Индией независимости именно здесь расположились национальные институты воздухоплавания и изучения космоса, что стало базой для последующего развития высоких технологий. Помимо Бангалора, индустрия программного обеспечения в Индии развивается в Дели, Мумбае, Чаннае, Хайдерабаде, Пуне.

На сегодняшний день речь идет даже о появлении индийской модели информационного развития, хотя считать данную модель исключительно индийской неверно, так как известные центры оффшорного программирования действуют не только в Индии, но и в Сингапуре, Малайзии, Бразилии, Ирландии, на Тайване. Но именно в Индии сформировался отдельный сегмент экономики со специальной инфраструктурой, государственным регулированием, образовательной структурой. Бизнес оффшорного программирования базируется на потребности в отдельных видах программных работ и недостатке в инженерных работниках в развитых странах, а определенные потери на сроках исполнения компенсируются экономией на стоимости работ. Модель имеет целый ряд преимуществ: задействует инженерные кадры, дает возможность использовать опыт и разработки других стран, расширяет рынок. Основные проблемы связаны с сильной зависимостью этого бизнеса от цикличности развития мирового рынка и с отсутствием местного управленческого опыта.

Кроме того, индийский путь экономического развития вряд ли можно назвать высокотехнологичным, поскольку он ведет к социальному расслоению населения и не оказывает сильного положительного воздействия на всю экономику страны в целом. В Индии ежегодно диплом инженера-программиста получают более 100 тыс. человек, причем это количество планируется удвоить в соответствии с ростом спроса на таких специалистов, но данное явление имеет место в стране, где около 60% мужчин и 40% женщин неграмотны.⁴ Естественно, информационные технологии и те возможности, которые они открывают, затрагивают далеко не все население и ведут к усилению разрыва между отдельными группами как по уровню образования, так и по уровню дохода.

Китай идет иным путем развития своих информационных возможностей. Это путь вовлечения широких слоев населения в освоение современных средств связи и новых возможностей, предоставляемых информационными технологиями. Для сравнения с ситуацией в Индии отметим, что в Китае в 2000 г. на 1000 человек приходилось в четыре раза больше телефонных линий и пользователей Интернетом и в 18 раз больше мобильных телефонов, чем в Индии.⁵

Сингапур представляет собой блестящий пример развития электронных технологий в правительственных структурах — системы государственного управления, которая предполагает широкое использование современных информационных технологий, развития взаимосвязей между различными государственными службами посредством информационных технологий. В Сингапуре в 1981 г. начал осуществляться национальный план в области информационных технологий: Служба по развитию информационных коммуникаций (Infocomm Development Authority), ответственная за распространение и мониторинг всех правительственных инициатив в области информационных технологий, реализует этот план и способствует внедрению новых технологий, как только они появляются и становятся доступны. Ее правительственная информационная инфраструктура (Government Information Infrastructure — GII), которая поддерживает центральный портал e-Citizen, является многоуровневой платформой информационных технологий, предоставляющий около 150 видов общественных услуг, связывающей агентства общественного сектора и облегчающей коммуникации посредством использования электронных инструментов: смарт-карт, электронной почты, правительственной сети.⁶ Более гибкие горизонтальные связи, приходящие на смену вертикальным, позволяют правительственным органам согласовывать свои внутренние процедуры, осуществлять тесное и эффективное сотрудничество. В Сингапуре используется интегрированный подход всего комплекса государственных услуг, когда пользователи получают возможность общаться с самыми различными подразделениями правительства. Это — проект, направленный на такую модернизацию работы правительства, которая обеспечивает функционирование всего государственного аппарата как единого целого.

Но такое направление развития электронных технологий в правительственных структурах не должно ошибочно ассоциироваться с идеей цифровой демократии, когда новые технологии обеспечивают населению широкий доступ к общению с различными государственными службами и приводят к демократизации процесса управления. Электронная открытость информации носит односторонний характер в условиях недемократических государств и может в итоге приводить к усилению жесткого контроля над обществом со стороны государственных органов, а не к либерализации общественных отношений. Это демонстрирует пример Сингапура, который лидирует по эффективности использования электронных методов управления, но не является при этом страной с демократическими традициями. Электронные технологии усиливают

возможности контроля государственных органов, не увеличивая при этом степени отчетности этих органов перед гражданами.

Южная Корея наряду с Японией лидирует в регионе в области развития электронной коммерции. Инвестиции в Интернет особенно быстро нарастают в компаниях, работающих в области электроники, в телекоммуникационном секторе, в сфере финансовых услуг, в автопроизводстве, в потребительском, фармацевтическом и химическом секторах.

Предполагается дальнейший бурный рост электронной коммерции в регионе, весьма перспективны электронные рынки Китая и Гонконга. По прогнозам на 2004-2005 гг. темпы роста электронной коммерции в мире составят от 70 до 150% в год, таким образом, доля электронного сектора в экономике может составить 5-10%, при этом приблизительно половина объема сделок будет приходиться на США, а вторым по объему сделок станет именно азиатский рынок, далее выделяются в прогнозах Германия, Великобритания и Франция, со значительным отрывом следуют южноамериканский, африканский и ближневосточный рынки.⁷

Следует отметить, что в рассматриваемом регионе электронная коммерция более экспортноориентирована по сравнению с США: так, например, в США доля экспортных продаж в общем объеме электронной коммерции составляет только 10%, в то время как в Азии и странах Тихоокеанского региона — 38%.⁸

Распространение рекламы через Интернет идет параллельно с распространением разнообразных форм электронной коммерции. Ожидается, что в 2003 г. на рекламу в Интернете будет во всем мире потрачено около 15 млрд долл., из них на страны Азии будет приходиться около 1,25 млрд долл.⁹

Растет объем онлайн-инвестиций в регионе. В данной области лидируют Тайвань и Южная Корея, которые пока опережают даже Японию.

Объем онлайн-банковских и брокерских операций напрямую связан с возможностью доступа в Интернет, который, в свою очередь, зависит от многих факторов, прежде всего от уровня дохода на душу населения. Данные этой взаимозависимости отражает Таблица 2.

Таблица 2.

Электронные финансы: избранные показатели (1999)

Страна	Реальный ВВП на душу населения, % от США	Пользователи Интернетом, % от всего населения	Количество мобильных телефонов в расчете на 100 человек	Банковские клиенты, осуществляющие сделки в онлайн-режиме, % от всех сделок	Электронные брокерские сделки, % от всех сделок
Австралия	75	32	34	4	22
Финляндия	71	41	65	-	-
Германия	74	18	29	12	32
Япония	79	21	45	-	32
Швеция	69	41	58	31	55
Великобритания	70	21	46	6	26
США	100	27	31	6	56
Гонконг	71	36	64	2	1
Южная Корея	49	23	50	-	65

Страна	Реальный ВВП на душу населения, % от США	Пользователи Интернетом, % от всего населения	Количество мобильных телефонов в расчете на 100 человек	Банковские клиенты, осуществляющие сделки в онлайн-режиме, % от всех сделок	Электронные брокерские сделки, % от всех сделок
Сингапур	70	24	42	5	10
Аргентина	37	2	12	-	-
Бразилия	21	2	9	4	6
Китай	11	1	3	-	3
Чешская Республика	40	7	19	3	-
Индия	7	0	0	-	2
Малайзия	24	7	14	<1	-
Мексика	25	2	8	4	41
Нигерия	2	0	0	-	-
Польша	26	5	10	<1	-
Южная Африка	27	4	12	-	-
Таиланд	19	1	4	-	-

Источник: Sato S. Electronic Finance: an Overview of the Issues / S. Sato, J. Hawkins // BIS Papers N.7. Electronic Finance: a New Perspective and Challenges. 2001. November. P.2.

Тем не менее есть и исключения из этого правила: например Южная Корея, демонстрирующая гораздо более высокую степень использования технологических возможностей, чем можно было бы ожидать, анализируя ее показатель дохода на душу населения.

Разумеется, мы рассмотрели наиболее перспективные страны региона. Страны, остающиеся на доиндустриальной и даже на индустриальной фазе развития, отстают от постиндустриальных стран, причем это отставание нарастает с течением времени. Сохраняется асимметричность в доступе к информационным источникам различных стран и регионов — явление, получившее название «цифрового разрыва» (digital divide), и оно представляет собой одну из основных проблем глобального распространения информационных технологий. В своей работе, посвященной анализу воздействия глобализационных процессов на различные страны и регионы, П. Линдерт и Дж. Вильямсон обращают внимание как раз на фактор неучастия в данных процессах как на причину отставания в экономическом отношении отдельных стран.¹⁰

В 1980-е гг. на Западе появилось даже специальное понятие «developmental state», обозначающее такое государство, которое пропагандирует ускоренное развитие и способствует ему. Но уже к середине 1990-х гг. обнаружилась неспособность каких-либо перспективных теоретических построений на базе этого понятия, а тем более — его практического воплощения: сложно определить, на какие отрасли и слои населения должно опираться государство при осуществлении таких моделей и способно ли государство на их основе сформировать устойчивые механизмы дальнейшего экономического роста.

Есть масса причин, в силу которых существующее отставание отдельных стран может нарастать: эффекты от внедрения информационных технологий дают преимущества крупным фирмам, а небольшие фирмы этих стран

вытесняются с рынков. Доказательством нарастания разрыва может стать тот факт, что расхождение в показателях освоения информационных технологий между развитыми и развивающимися странами гораздо выше расхождения по критерию ВВП на душу населения: по мобильным телефонам в среднем в 17 раз, по персональным компьютерам — в 22 раза, по доле людей, использующих Интернет, — в 150 раз.¹¹

С другой стороны, развивающиеся страны могут копировать существующие технологии, а не создавать свои собственные. Используя упоминавшееся выше преимущество отставания, эти страны могут обеспечить себе более высокие темпы экономического роста в результате импорта технологий без осуществления дорогостоящих вложений в разработки в рамках национальной экономики. Распространение технологий в данном случае происходит вследствие обратного инжиниринга (reverse engineering). Хотя эмпирические данные опровергают наличие преимущества отставания из-за увеличивающегося разрыва в доходах между развитыми и развивающимися странами, тем не менее при условии, что технология интенсивна по тому ресурсу, который находится в относительном преимуществе в конкретной развивающейся стране, данная развивающаяся страна может использовать такую технологию. Типичным примером подобной ситуации является уже упоминавшаяся нами ранее в связи с анализом преимуществ оффшорного программирования Индия: речь идет о развитии индустрии программного обеспечения в условиях невысокой стоимости квалифицированного труда и низкими капитальными затратами при открытии нового бизнеса.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что Азиатско-Тихоокеанский регион обладает хорошими возможностями для осуществления активного участия в мировом информационном пространстве, что, безусловно, является на сегодняшний день необходимым условием дальнейшего успешного экономического развития любой страны этого региона и региона в целом.

- 1 Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество / Д. Тапскотт. К.: INT-press. Издательство. М.: Релф-бук, 1999. С. 347-350.
- 2 http://www.e-commerce.ru/analytics/statistics/inet_commerce.html.
- 3 Donovan P. Payback Time for Network Management / P. Donovan // The Guardian, Manchester (UK), 2000. Feb. 4. P. 21.
- 4 Mingat A. Education for All by 2015 / A. Mingat, C. Winter // Finance & Development, published by the International Monetary Fund, 2002. March. P. 32.
- 5 Pyramid Research, IMD // Nua Internet Surveys.
- 6 Holmes D. eGovernment: eBusiness Strategies for Government / D. Holmes. London Nicholas Brealey Publishing, 2001. P. 1.
- 7 PricewaterhouseCoopers. Secure, Defend and Transform: the Complete E-business Legal Strategy. L.: 1999. P.12.
- 8 Mann C.L. Global Electronic Commerce / C.L. Mann. Washington, DC: Institute for International Economics, 2000. P. 16.
- 9 Афонина С.В. Электронные деньги / С.В. Афонина. СПб: Питер, 2001. С.64.
- 10 Lindert P.H. Does Globalization Make the World More Unequal? / P.H.Lindert, J.G.Williamson // NBER Working Paper Series. 2001. № 8228. <http://www.nber.org/papers/w8228>.
- 11 Мельянцева В. Информационная революция — феномен «новой экономики» // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №2. С.6.

Очерк сравнительного анализа экономического развития сопредельных территорий России и Китая

(на примере Читинской области и Внутренней Монголии)

© 2003

А. Тарасов

Подъем Китая затрагивает интересы всех его соседей. Но ни одно крупное государство этот процесс не затронет в большей степени, чем Россию и, очевидно, ее приграничные с этой страной области, к которым относится и наша Читинская. Более того, КНР будет оказывать большее влияние на российскую политику и экономику, чем любое другое государство. По мнению ряда российских китаеведов, «к этому Россия пока не только не готова, такая перспектива остается пока неосознанной элитами и обществом в целом»¹.

С развитием процессов глобализации в мировой экономике субъектами интеграционных процессов все чаще выступают отдельные регионы, не обладающие признаками государственного суверенитета. Более того, усиление взаимозависимости на региональном уровне может происходить при наличии благоприятных предпосылок экономического, культурного и иного характера, даже в тех условиях, когда политические факторы, связанные с межгосударственными отношениями, не во всем благоприятствуют процессам экономического сближения и даже тормозят их², что можно видеть на примере Сибири и Дальнего Востока, где наблюдается заметное культурно-цивилизационное отчуждение между западными и восточными регионами России, ослабление экономических и культурных связей между ними, которые создают новые трудности в развитии взаимодействия России с ее дальневосточными соседями³.

Китай на рубеже веков достиг объема ВВП более 1 триллиона долларов США, в несколько раз превосходя по этому показателю Россию, а в обозримом будущем обойдет ее по душевому показателю. Это означает, что Россия в XXI в. станет не только экономически слабее, но, возможно, и беднее Китая. В этом смысле особое значение приобретают положение и перспективы сопредельных китайских регионов, а также характер взаимодействия с ними российских приграничных областей.

Хотя северо-восточные провинции Китая относятся к числу депрессивных районов страны, к сожалению, процессы экономического отставания российских окраин от приграничных районов КНР активно протекают и в Читинской области, которая имеет с Китаем около 1000 км общей границы, большая часть которой приходится на автономный район Внутренняя Монголия. Данное обстоятельство определяет научное и практическое, экономическое и политическое значение сопоставления динамики развития экономических потенциа-

Тарасов Александр Петрович, доцент кафедры востоковедения Читинского государственного технологического университета.

лов приграничных территорий России и Китая в свете экономических связей и контактов соседних регионов и областей⁴.

Причины ухудшения социально-экономического положения в Читинской области

В решающей мере ухудшение социально-экономической ситуации обусловлено поспешным проведением непродуманных реформ. Невостребованность продукции предприятий края, обнищание большей части населения и снижение внутреннего спроса вызвали катастрофическое падение производства в горной добыче, в потребительском секторе, машиностроении, сельском хозяйстве и как результат — сокращение налоговых поступлений и регресс социальной сферы.

Хотя область занимает обширную территорию (431,5 тыс. км²), свыше половины которой покрыто лесом (общие запасы оцениваются в 2,6 млрд м³), а запасы разведанных полезных ископаемых в области составляют 27 % общероссийских запасов меди, 31 % — циркония, 28 % — молибдена, 18 % — титана, 16 % — серебра, 12 % — тантала и 10 % ниобия, экономика края находится в состоянии глубокой депрессии. Читинская область за годы социализма сложилась как большая горнодобывающая корпорация; на долю горной добычи приходилась половина всех производственных фондов⁵. В этой «корпорации» транспорт, энергетика, сельское хозяйство, финансы и кредит, социальная сфера просто обслуживали основное производство, являясь по отношению к нему вторичными. В начале 90-х годов отечественное машиностроение отказалось от продукции металлургии, а металлургии, в свою очередь, перестали покупать наши концентраты. С 1993 г. большинство предприятий добывающей отрасли, где была занята половина трудоспособного населения области, остановилась из-за отсутствия внутреннего спроса на их продукцию, а плавикошпатовая промышленность не выдержала конкуренции с дешевой импортной продукцией из Монголии.

Деградация отраслей традиционной специализации можно было бы избежать за счет переориентации сбыта на экспорт, что прекрасно демонстрирует опыт АООТ «Приаргунское горно-химическое объединение» в городе Краснокаменске. Если в прошлом Краснокаменский комбинат обеспечивал урановым сырьем создание «ядерного щита Родины», то в рыночных условиях продает свою продукцию бывшим военно-политическим противникам в странах Запада. Однако государство в тот период чрезмерно жестко регулировало экспорт, ограничивая его как тарифными, так и нетарифными методами, что не позволило большинству горнодобывающих предприятий, в том числе Жирекенскому молибденовому и Орловскому танталовому комбинатам, пойти по пути атомных генералов. Из-за проводившейся в 90-е годы политики искусственного ограничения сырьевого экспорта доля продукции горной добычи как отрасли традиционной специализации в экспорте области снизилась до нуля. В дополнение к общей неблагоприятной ситуации, предприятия в результате приватизации оказались в руках так называемых «неэффективных собственников». В итоге Читинская область к середине 90-х годов полностью исчерпала резервы спада и, по существу, вернувшись на доиндустриальную стадию развития, относится к экономически слаборазвитым аграрным и периферийным регионам, зависящим от федерального бюджета⁶.

До последнего времени в динамике валового регионального продукта Читинской области, выраженного в стабильных валютах, продолжала иметь место тенденция к резкому снижению:

ВРП (в текущих ценах) ⁷	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
млрд руб. (1998, 1999, 2000, 2001 — млн руб.)	10037,1	11572,6	12598,4	13071,9	21177,9	31548,6	35809,5 ⁸
млрд долларов США ⁹	2,205	2,260	2,178	1,349	0,869	1,125	1,229
млрд китайских юаней	—	18,914	18,114	12,158	7,194	9,378	10,173
по отношению к предыдущему году, -/+ %	—	—	-4,2	-32,9	-40,8	+30,4	+8,5

В целом, эти расчеты совпадают с данными Читинского областного комитета государственной статистики о динамике валового регионального продукта в сопоставимых ценах:

	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
ВРП (в сопоставимых ценах), в процентах к предыдущему году	89,9	89,8	92,3	86,8	109,8	109,3	107,1

За семь лет, с 1995 по 2001 г., этот показатель, выраженный в китайских юанях, сократился в 1,9 раза. Формальный высокий рост в 2000 г. можно объяснить применением органами государственной статистики высокого индекс-дефлятора ВРП к предыдущему году (1,4) при относительно стабильном курсе китайского юаня, что, понятным образом, не привело к улучшению положения региона в сравнении с общероссийской ситуацией.

В 1996 — 2000 гг. разрыв в темпах падения промышленного производства по отношению к 1991 г. между Дальним Востоком и Забайкальем и Россией в целом постоянно увеличивался (с 9 до 17 процентных пунктов). Это свидетельствует о том, что в регионе сохраняется действие тормозящих эффектов, коренящихся в недостаточно эффективной структуре самого производства. Результаты развития региона в последние годы прошлого века оказались бы значительно хуже, если бы не активная роль внешнего спроса, который сыграл исключительную роль в оживлении 2000 — 2001 гг. Этот период подтвердил принципиальную важность внешнего рынка для экономики Дальнего Востока и Забайкалья. Внешний спрос сыграл не просто важную, но абсолютную роль в этом оживлении. Вклад экспорта в промышленный рост на Дальнем Востоке в 1999 — 2000 гг. составил 107,8 %. То есть прирост экспорта не только обеспечил весь промышленный рост на Дальнем Востоке и в Забайкалье, но и компенсировал реальное падение производства за счет других факторов¹⁰. Так, например, упоминавшееся выше Приаргунское горно-химическое объединение, продукция которого идет на экспорт, в структуре промышленного производства области образует долю около 40 %.

Почему Читинскую область мы сравниваем с Внутренней Монголией?

В июне 1988 г., во время 3-го заседания советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству, было подписано межправительственное соглашение об установлении и развитии

торгово-экономических связей между министерствами, ведомствами, объединениями и предприятиями СССР и провинциями, автономными районами и городами КНР¹¹, что положило начало развитию прямых приграничных торгово-экономических связей. В соответствии с данным соглашением, в сентябре 1990 г. в Чите было подписано «Соглашение об установлении региональных дружественных связей между Читинской областью (СССР) и Автономным районом Внутренняя Монголия (КНР)», а также «Соглашение об образовании постоянной координационной группы по торгово-экономическому сотрудничеству между Читинской областью и Автономным районом Внутренняя Монголия»¹².

В ноябре 1997 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики было подписано Соглашение о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики¹³. В данный период времени Китай несколько видоизменил свою политику в отношении России. Сделав явный региональный акцент, китайцы создали десять региональных пар, одной из которых стала Читинская область — Внутренняя Монголия¹⁴. Руководствуясь новым межправительственным соглашением, Администрация Читинской области и Народное правительство Автономного района Внутренняя Монголия в декабре 1999 г. подписали Соглашение об экономическом, торговом, научно-техническом сотрудничестве между Администрацией Читинской области Российской Федерации и Народным правительством Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики, которое в установленном порядке было согласовано с МИД России.

Читинская область не имеет подобных соглашений с другими административными единицами КНР. То есть на протяжении всей более чем десятилетней истории приграничного торгово-экономического сотрудничества субъектами данного сотрудничества, с правовой точки зрения, выступали в нашем регионе именно Читинская область и Внутренняя Монголия. Для равноправного партнерства нужны сопоставимые в плане социально-экономического развития субъекты сотрудничества, но история определила российскому Забайкалью соседа и партнера явно «не по росту». В 1990 г., в начальный период формирования прямых торгово-экономических связей между приграничными регионами, Внутренняя Монголия была в 2,7 раза больше Читинской области по площади¹⁵ и в 16 раз — по населению. При этом она многократно превосходила сопредельную территорию по производству важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, а также по объему внешней торговли. Единственным сопоставимым абсолютным показателем было количество произведенной древесины.

Разнонаправленная динамика экономических процессов в приграничных районах РФ и КНР

Продолжающаяся стагнация производства в Забайкалье и существенное наращивание совокупной экономической мощи Внутренней Монголии особенно резко проявились в последующие годы, когда достижения, полученные Китаем в экономической области, стали хрестоматийным примером возможностей экономического развития в XX веке.

За период 9-й пятилетки АРВМ добился значительных успехов в социально-экономическом развитии; темпы экономического роста из года в год 5 лет подряд превышали средний уровень по стране; среднегодовой прирост ВРП составил около 10 %; средний показатель ВВП на душу населения превысил 5800 юаней. В 2001 г., когда ВРП автономного района Внутренняя Монго-

лия достиг 154,6 млрд юаней¹⁶, соответствующий показатель Читинской области был чуть более 10 млрд юаней, то есть на порядок меньше. Поэтому представляется некорректным сопоставлять валовые показатели Читинской области и Внутренней Монголии, и мы сделали пересчет на душу населения.

Хотя по ряду причин пока нет всех необходимых условий для всесторонней сравнительной характеристики, сопоставление довольно ограниченного круга показателей, характеризующих уровни развития отдельных отраслей и других компонентов экономических потенциалов Читинской области России и сопредельной с ней Внутренней Монголии КНР, позволяет обнаружить ряд заслуживающих внимания данных:

Наименование и ед. изм.		1990 г.	1995 г.	2000 г.
Население, млн человек	Читинская область ¹⁷	1.323	1.299	1.259
	Внутренняя Монголия ¹⁸	21.626	22.844	23.755
	Соотношение	1:16.35	1:17.58	1:18.87
Сбор зерновых, тонн на душу населения	Читинская область	0.748	0.300	0.156
	Внутренняя Монголия	0.450	0.462	0.523
	Соотношение	1:0.60	1:1.54	1:3.35
Поголовье скота (на конец года), голов на душу населения	Читинская область	3.700	2.230	0.950
	Внутренняя Монголия	1.725	1.764	1.757
	Соотношение	1:0.47	1:0.79	1:1.85
Производство угля, тонн на душу населения	Читинская область	8.254	9.592	10.51
	Внутренняя Монголия	2.202	3.088	3.051
	Соотношение	1:0.27	1:0.33	1:0.29
Производство электрической энергии, кВт/ч на душу населения	Читинская область	4231	3457	4718
	Внутренняя Монголия	784	1219	1849
	Соотношение	1:0.19	1:0.35	1:0.39
Производство стали, тонн на душу населения	Читинская область ¹⁹	0.394	0.140	0.016
	Внутренняя Монголия	0.126	0.156	0.178
	Соотношение	1:0.32	1:1.11	1:11.1
Производство древесины, куб. м на душу населения	Читинская область ²⁰	2.93	0,72	0.38
	Внутренняя Монголия	0.24	0,22	0,14
	Соотношение	1:0.08	1:0.31	1:0.37

Наименование и ед. изм.		1990 г.	1995 г.	2000 г.
Внешняя торговля, долларов США на душу населения,	Читинская область ²¹	53.66 ²²	142.80	79.98
	Внутренняя Монголия	22.40	49.16	85.71
	Соотношение	0.42	1:0.34	1:1.07
в том числе:				
экспорт, долларов США на душу населения	Читинская область	28.72	101.00	63.54
	Внутренняя Монголия	15.01	26.63	43.02
	Соотношение	1:0.52	1:0.26	1:0.68
импорт, долларов США на душу населения	Читинская область	24.94	41.80	16.52
	Внутренняя Монголия	7.39	22.53	42.69
	Соотношение	1:0.29	1:0.53	1:2.58

В целом по стране наибольший спад характерен для отраслей, выпускающих инвестиционную продукцию и потребительские товары, при относительно благополучном состоянии сырьевых отраслей, внешний спрос на продукцию которых достаточно устойчив. Но в Читинской области вместе с громоздкими и малоэффективными обрабатывающими производствами жертвами кризиса стали и сырьевые. Если в начале 90-х годов Читинская область превосходила Внутреннюю Монголию по производству основных видов продукции и объему внешней торговли на душу населения, то к 2000 г. сопредельный китайский регион обогнал российское Забайкалье по этому показателю в части производства зерна и стали, поголовью скота и объему внешней торговли. Соотношения по производству электрической энергии и древесины стали значительно мягче, увеличившись в пользу АРВМ соответственно с 1:0,19 до 1:0,31 и с 1:0,08 до 1:0,37. Притом что степная Внутренняя Монголия по валовому производству древесины в шесть раз превосходит богатую запасами леса Читинскую область.

Для сопоставления валовых показателей Читинской области и сопредельных районов Китая мы взяли более близкую по основным параметрам территорию непосредственно граничащего с нею Хулунбуирского аймака — одного из восьми аймаков АРВМ. Площадь аймака составляет 253 тыс. кв. км — в 1,7 раза меньше территории Читинской области. Правда, по численности населения — 2,6 млн чел. — аймак более чем в 2 раза превосходит нашу область. Экономика Хулунбуира в последние годы демонстрировала устойчивый рост. В прошлом году его ВРП превысил ВРП Читинской области в 1,65 раза.

	1997	1998	1999	2000	2001
ВРП, млрд. СNY	12,95	13,75	14,66	15,70	16,78
Рост по отношению к предыдущему году, %	—	+6,2	+6,6	+7,1	+6,1

Сопоставление валовых показателей экономического развития российского Забайкалья и китайского Хулунбуира также дает разнонаправленную динамику. Период с 1997 по 2001 год мы взяли из-за отсутствия более ранних данных по китайскому приграничью:

Наименование и ед. изм.		1997 г.	2001 г.
Население, млн. человек	Читинская область ²³	1.274	1.246
	Хулунбуирский аймак ²⁴	2.720	2.650
	Соотношение	1:2.14	1:2.13
ВРП, млрд. юаней КНР в текущих ценах	Читинская область	18,11	10,17
	Хулунбуирский аймак	12.95	16.78
	Соотношение	1.4:1	1:1.65
Сбор зерновых, тыс. тонн	Читинская область	344.5	157.7
	Хулунбуирский аймак	2064.7	1301.0
	Соотношение	1:6.0	1:8.2
Поголовье скота (на конец года), тыс. голов	Читинская область	1678	1061
	Хулунбуирский аймак	3849	4163
	Соотношение	1:2.3	1:3.9
Производство угля, млн. тонн	Читинская область	11.67	14.31
	Хулунбуирский аймак	14.91	15.08
	Соотношение	1:1.27	1:1.05
Производство электрической энергии, млн. кВт/ч	Читинская область	5004	5360
	Хулунбуирский аймак	1191	5790
	Соотношение	1:0.24	1:1.08
Производство древесины, тыс. куб. м	Читинская область ²⁵	562.0	489.0
	Хулунбуирский аймак	606.7	236.0
	Соотношение	1:1.08	2.07:1
Розничный товарооборот, млн. юаней КНР	Читинская область	5180.0	2724.8
	Хулунбуирский аймак	4736.2	6033.2
	Соотношение	1.09:1	1:2.2
Внешняя торговля, млн. долларов	Читинская область ²⁶	170.6	113.5
	Хулунбуирский аймак	408.4	1045.0
	Соотношение	1:2.4	1:9.2

Наименование и ед. изм.		1997 г.	2001 г.
в том числе:			
экспорт, млн. долларов	Читинская область	123.8	84.4
	Хулунбуирский аймак	206.1	193.0
	Соотношение	1:1.7	1:2.2
импорт, млн. долларов	Читинская область	46.8	29.1
	Хулунбуирский аймак	202.3	852.0
	Соотношение	1:4.3	1:29.3
Инвестиции в основной капитал, строительно-монтажные работы, млн. китайских юаней	Читинская область	2022.9	1520.2
	Хулунбуирский аймак	3339.9	2345.3
	Соотношение	1:1.65	1:1.54

Если еще в 1997 г. Читинская область, более чем в два раза уступая сопредельному Хулунбуиру по численности населения, в 1,4 раза превосходила его по объему ВРП, то в следующем, 1998 г., утратила свое превосходство по данному показателю, а в 2001 г. уступала уже в 1,65 раза. Также было утрачено преимущество по товарообороту в рознице. Сложнейшая экологическая обстановка требует от китайских соседей сокращения пахотных площадей и перевода пашни в луга, что вызвало сокращение сбора зерновых в Хулунбуиру с 2,1 до 1,3 млн т. Тем не менее в Забайкалье производство зерновых сокращалось еще быстрее, в результате чего соотношение по этому показателю также выросло в пользу китайцев — с 1:6 до 1:8,2. Превосходство Хулунбуира по поголовью скота стало практически четырехкратным, данный аймак догнал Читинскую область по производству электрической энергии. В несколько раз увеличилось превосходство аймака по объему внешней торговли. Только по производству угля Забайкалью удалось относительно изменить соотношение в свою пользу — с 1:1,27 до 1:1,05. Среди рассматриваемых нами показателей соотношение абсолютно изменилось в пользу Забайкалья только по древесине — за счет импорта в Китай. В самом Китае была запрещена рубка в верхнем течении Хуанхэ по экологическим соображениям. Кстати, и производство древесины в Читинской области сократилось.

Если соотношение ВВП на душу населения в Китае и России 1:1.78²⁷, то для Хулунбуирского аймака и Читинской области данное соотношение гораздо мягче — 1:1.29. В Хулунбуиру этот показатель в прошлом году составил 6332 юаня, в Читинской области — 8182. В годы 9-й пятилетки среднегодовой чистый доход китайских животноводов АРВМ вырос примерно на 9 %, а среднегодовой доход жителей городов, также в расчёте на душу населения, вырос примерно на 10 %.

В период десятой пятилетки власти АРВМ планируют в рамках реализации государственной политики по ускоренному развитию западных районов страны, в число которых вошла и соседняя Внутренняя Монголия, добиться среднегодового прироста ВРП в размере 9 %, с тем чтобы уже к 2005 г. достигнуть по этому показателю 215 млрд юаней в ценах 2000 г., а на душу населения — 8650 юаней. При этом китайцы намерены ускорить оптимизацию про-

мышленной структуры, увеличив удельный вес высокотехнологичных производств до 10 % от общего показателя прироста промышленности.

Среднегодовой прирост распределяемого дохода городского населения китайские соседи предполагают увеличивать примерно на 7 % в год, а у жителей села — на 6 %; к 2005 г. в городах и поселках обеспеченность жильем на душу населения составит 22 кв. м. общей площади²⁸ — в 2001 г. обеспеченность жильем жителей Читинской области не превышала 17 кв. м. Если этим планам в Китае будет суждено сбыться, окраинная Читинская область России станет беднее сопредельной с нею китайской провинции не в обозримом будущем, а уже в ближайшие годы. При значительном превосходстве Внутренней Монголии по производству основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции в Читинской области утрачивается накопленное ранее преимущество России перед Китаем в уровне жизни населения:

Наименование и ед. изм.		1997 г.	2001 г.
Остатки банковских вкладов населения на конец года, CNY на д. н.	Читинская область ²⁹	410	278
	Хулунбуирский аймак	3374	5457
	Соотношение	1:8.2	1:19.6
Денежные доходы на душу населения в год, CNY	Читинская область	9837.6	4576.8
	Хулунбуирский аймак	Нет данных	3674.0
	Соотношение	—	1.2:1

Влияние разнонаправленной динамики развития на характер приграничных связей: плюсы и минусы

Сопоставление также показывает, что слабость народного хозяйства и узость экспортной базы Забайкалья в настоящее время ставят заметные препятствия на пути развития двусторонней торговли, обуславливают нерациональную сырьевую структуру нашего экспорта. В экономическом плане Забайкалье остается лилипутом в сравнении с Гулливером — Внутренней Монголией, поэтому ему практически нечего предложить китайскому партнеру, за исключением одной-двух экспортных позиций продукции с низкой степенью переработки. Так, например, экспорт древесины и изделий из нее из Читинской области в Китай складывался следующим образом:

Наименование	Показатель	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Древесина и изделия из нее, всего	Тыс. долл.	1132,3	1442,3	2464,0	4785,0	28196,2	30292,8	42469,3
	Доля в экспорте в Китай, %	0,9	1,4	5,4	13,0	48,7	51,2	68,3

Сохранение в дальнейшем данного соотношения позволяет рассчитывать лишь на такую структуру внешней торговли, которая сводится к обмену сырья на продукты питания и товары народного потребления, что в сложившихся условиях совершенно естественно (по правилам рынка), поскольку с

точки зрения валютной эффективности это наиболее выгодный вид сделок. Это хорошо иллюстрируется динамикой импорта продовольствия в Читинскую область из Китая:

	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Суммарная доля в импорте из Китая продовольственных товаров (групп 02,07, 08,09, 12 по ТН ВЭД)	37.2	19.0	52.07	58.22	58.75	50.36	78.9

В то же время, имея сравнительно высокие показатели экономического развития, существенно отличающиеся от сопредельной территории, китайский сосед получает и возможность определять вероятные направления внутрирегиональной интеграции.

Правда, наряду с этим нельзя не видеть, что интеграционная асимметрия является одновременно и некоторым позитивным фактором, определяющим возможности дальнейшего разделения труда, создания взаимодополняемых хозяйственных структур. Входящая в приграничную систему Читинская область имеет определенное преимущество перед сопредельными районами Китая в природно-географическом и ресурсном потенциале (например в производстве лесосырьевых товаров), что позволяет ей занять определенную «нишу» в интеграционном сообществе и получать экономические выгоды даже при таком неравномерном распределении влияния, которое наблюдается в регионе в настоящее время. Процесс активизации внешнеэкономических связей Забайкалья и, прежде всего, внешней торговли не замедлил сказаться на основных экономических параметрах региона, в частности — объемах производства промышленной продукции. Если в целом по промышленности региона в период реформы тенденция сокращения объемов производства имела стабильный характер, то в экспорториентированных отраслях промышленности начиная с 1998 г. наметилась тенденция роста, прежде всего, в производстве продукции, составляющей основу экспорта Забайкалья³⁰:

	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Вывозка деловой древесины, тыс. плотных куб. м	264	295	335	351

Место Китая во внешнеэкономических связях Читинской области

Хотя упомянутый выше тип сотрудничества не способствует выравниванию социально-экономического развития сопредельных регионов, увеличение рынков сбыта позволяет расширить экспорт и улучшить его структуру. Между тем едва ли не решающая роль в усилении внешнеторговой ориентации Дальнего Востока и Забайкалья принадлежит фактору транспортных издержек.

Если в дореформенный период средняя стоимость транспортировки 1 тонны груза за километр расстояния составляла 0,003 рубля, то в 1997 г. — почти 66 рублей. В итоге рост средней стоимости перевозки за этот период составил почти 22000 раз. Темпы роста средней стоимости транспортировки значительно опережали темпы роста цен производителей промышленной продукции региона, которые за аналогичный период увеличились чуть больше, чем в 8 тыс. раз. Например по дальневосточным и забайкальским товарам разница в стоимости в случае их транспортировки на экспорт и в центральные регионы

России составляет 3,3 раза (1992 г. — в 2,5 раза). Причем если доля транспортной составляющей в стоимости продукции в первом случае достигает 25 %, то при поставке в центральные районы страны — 77 %. Поэтому вполне естественно, что в условиях неимоверного роста тарифов на транспортировку грузов Дальнему Востоку и Забайкалью не оставалось другого выхода, кроме как переориентировать сложившиеся ранее межрегиональные экономические связи на внешнеэкономические³¹.

С учетом вышеизложенного, Китай может стать и становится основным рынком для возможного экспортного рывка народного хозяйства Забайкалья. В период с 1994 по 2001 г. объем торговли Читинской области с КНР характеризуется следующими показателями:

Оборот торговли с КНР	1994г	1995г	1996г	1997г	1998г	1999г	2000г	2001г
в млн. долларов США по отношению к предыдущему году, -/+ %	92,0	66,8	55,2	62,4	48,3	69,2	73,0	78,9
В том числе доля Китая в обороте внешней торговли, %	48,3	36,0	37,5	36,6	37,3	65,0	72,4	73,7

Следовательно, в нашей части Азиатского континента складывается, в принципе, классическая ситуация неравномерной наделенности факторами производства, что означает наличие объективных условий для развития стабильных двусторонних связей в форме торговли и привлечения китайских трудовых ресурсов.

* * *

Применительно к Читинской области есть основания говорить о признаках возникновения ее зависимости от КНР в экономике и превращения в сырьевой придаток Китая по мере формирования в сопредельных регионах так называемых «естественных экономических территорий»³², позволяющих реализовать сторонам свои преимущества. Сложившийся в этой части Азиатского межстранового сообщества асимметричный характер развития, удаленность Читинской области от большинства промышленно развитых регионов РФ, сходные с соседними российскими областями экономическая структура и ресурсный потенциал, а также ограниченные возможности самообеспечения, просто выталкивают российское Забайкалье на китайский рынок.

С одной стороны, поиск наиболее эффективных путей интеграции восточных окраин России в цивилизационное и экономическое пространство США обусловлен коренными национальными интересами нашей страны и, что важно, предпосылкой такой интеграции является адаптация богатых различными природными ресурсами регионов Сибири и Дальнего Востока к процессам глобализации и регионализации в АТР, что отвечало бы как интересам развития восточных регионов России, так и поддержанию стабильной экономической ситуации в АТР³³. В то же время необходимо ясно понимать, что решать данную задачу в отношении Забайкалья придется в условиях, когда его слабая экономика оказалась перед лицом развивающегося Китая. Инерционное развитие без существенной государственной поддержки (сохранение тенденций, сложившихся в 90-е годы), когда экономическая жизнь по-прежнему будет опираться на внутрирегиональные ресурсы, по-видимому, приведет к необратимой

деградации экономики региона, практически полной ее модификации в узкий сегмент мирового рынка сырья³⁴.

Это — серьезный сигнал для России. Конечно, не в том смысле, что отныне надо с подозрением относиться к экономическому росту КНР³⁵, а в том, что задача хозяйственного подъема Российской Федерации становится еще более безотлагательной. В свете меняющегося соотношения сил это в первую очередь относится к районам, имеющим протяженную границу с Китаем.

- 1 Тренин Д.В. Китайская проблема России. М.: Московский центр Карнеги, 1998. С. 27.
- 2 Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 15.
- 3 Титаренко М.Л. Евразийство: российско-японские и российско-китайские отношения // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 7.
- 4 Шабалин В.И., Портяков В.Я. О сопоставлении динамики роста экономических потенциалов России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 3. С. 42.
- 5 Тарасов А.П. Внешнеэкономические связи Читинской области в 1996 году // Финансы в Сибири. 1997. № 4. С. 14 - 16.
- 6 Шумейко В.Ф., Павлов В.А. Государственная и региональная экономическая политика в условиях становления российского федерализма. М.: Граница, 1998.
- 7 Читинская область в цифрах: Статистический ежегодник / Читинский областной комитет государственной статистики. Чита, 2002.
- 8 Первая оценка Госкомстата.
- 9 Курсы USD и CNY Центробанка России (средние величины) по отношению к рублю:

	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
USD	4552,60	5120,53	5784,32	9,6873	24,37	28,05	29,14
CNY		611,84	695,52	1,0751	2,944	3,364	3,520

- 10 Минакир П.А., Деваева Е.И. Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 1. С. 80.
- 11 Рахманин О.Б. К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем. 1917–1997 (обзор основных событий, оценки экспертов) / Российская Академия наук, Институт Дальнего Востока. М., 1999. С. 42 - 44.
- 12 Протокол переговоров между исполнительным комитетом Читинского областного Совета народных депутатов (СССР) и Народным правительством Автономного района Внутренняя Монголия, г. Чита, 15 сентября 1990 г.
- 13 Бюллетень иностранной коммерческой информации. 2000. № 146. С. 1 - 2
- 14 Тарасов А.П. Китай и Забайкалье. Не очень счастливый брак по расчету // Эффект. 2000. 30 августа. С. 4.
- 15 Площадь Внутренней Монголии составляет 1,183 млн кв. км.
- 16 Хулунбэйэрмэн яолань '2001 [Основные показатели Хулунбуирского аймака]. Хайлар, 2001.
- 17 Рассчитано по: Читинская область в цифрах: Статистический ежегодник за 2000 и 2001 гг. Чита, 2000, 2001.
- 18 За 1990 и 1995 годы статистика Внутренней Монголии пересчитана по: Нэймэнгу баньши чжинань [Деловой компас Внутренней Монголии]. Пекин, 1997; показатели 2000 года: Хулунбэйэрмэн яолань '2001 [Основные показатели Хулунбуирского аймака]. Хайлар, 2001.
- 19 Сумма стали, готового проката и литья стального.
- 20 Вывоз древесины.
- 21 Здесь и далее используются статистические данные аналитических обзоров Восточно-Сибирского Таможенного Управления за соответствующий год (издаются с 1996 года) и Бюллетеня таможенной статистики внешней торговли Читинской области в 2001 году, изданного Сибирским Таможенным Управлением Государственного Таможенного Комитета Российской Федерации
- 22 Только прямые связи, без централизованного экспорта. Дается по: Информация о выполнении контрактов предприятиями и организациями Читинской области в 1991

- 1991 г. / Начальник отдела планирования, анализа, конъюнктуры и цен Читинского областного исполнительного комитета. Чита, 1992.
- 23 Читинская область в цифрах: Статистический ежегодник за 2001 г. Чита, 2002.
- 24 Хулунбэйэрмэн яолань, 1999, Хулунбэйэрмэн яолань, 2001 [Основные показатели Хулунбуирского аймака]. Хайлар, 1999, 2002.
- 25 Вывоз древесины.
- 26 Здесь и далее используются статистические данные аналитических обзоров Восточно-Сибирского Таможенного Управления за соответствующий год (издаются с 1996 года) и Бюллетеня таможенной статистики внешней торговли Читинской области в 2001 году, изданного Сибирским Таможенным Управлением Государственного Таможенного Комитета Российской Федерации.
- 27 См.: Мир в цифрах: обзор по странам // Эксперт. № 1-2 (214). 2000 г. 17 января.
- 28 Нэймэнгу цзычжицзюй гоминь цзинцзи хэ шэxуэй фачжань ди ши гэ унянь цзихуа ганъяо [Основные положения десятого пятилетнего плана развития национальной экономики и социальной сферы автономного района Внутренняя Монголия] // Нэймэнгу сюаньчуань. 2001. № 4. С.42.
- 29 Только Сбербанк России.
- 30 Читинская область в цифрах: Статистический ежегодник. Чита, 2001. С. 168.
- 31 Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 68 - 69.
- 32 Скалапино Р. Будущая роль региональных торговых блоков и АПЕК – азиатское измерение // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 4. С. 15.
- 33 Титаренко М.Л. Евразийство: российско-японские и российско-китайские отношения // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 77 - 78.
- 34 Михеева Н.Н. Программа «Дальний Восток и Забайкалье»: новый этап реализации // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 4. Благовещенск: изд-во АмГУ, 2002. С. 129.
- 35 Шабалин В.И., Портяков В.Я. О сопоставлении динамики роста экономических потенциалов России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 3. С. 47.

Автомобильный рынок Китая — объект интересов германских концернов

© 2003

Л. Ходов

Высокие темпы развития экономики Китая в течение последних двух десятилетий были постоянным объектом внимания и изучения ведущих научно-исследовательских институтов и университетов ФРГ. Научные исследования проводятся в следующих направлениях:

— **В теоретическом:** каковы причины, движущие силы и механизм феноменального экономического подъема в Китае;

— какие изменения происходят в хозяйственной и социально-политической структуре страны;

— к какому типу государств следует относить КНР — к капиталистическому, социалистическому, с переходной экономикой, или к специфическому новому типу социально-экономического строя, свойственному пока только Китаю, но, возможно, привлекательной модели для многих развивающихся стран в будущем.

— **В геополитическом:** каковы последствия превращения КНР в одну из ведущих мировых держав и самое сильное в Азии государство с экономической и военной точек зрения для мировой политики, положения Германии в мире;

— **В конкретно-экономическом:** как отражается и какое влияние в будущем окажет усиление хозяйственной мощи Китая на германскую экономику;

— какие выгоды могут извлечь германский народнохозяйственный комплекс, его основные отрасли промышленности, экспортеры, инвесторы из экономического роста в КНР.

Если первые два направления разрабатываются в основном в отделах стратегического планирования Министерства иностранных дел, Министерства обороны, учреждениях национальной безопасности, исследовательских центрах университетов, германско-китайском обществе, то последнее, конкретно-экономическое, направление, целиком находится в ведении научно-исследовательских экономических институтов: Института мировой экономики в Киле, Института экономических исследований в Мюнхене, Института германской промышленности в Кельне, а также ряда других институтов.

В отличие от общеэкономических и военно-политических проблем, исследование конкретно-экономической направленности финансируется не только за счет государственных средств, но и в значительной степени из частных источников — фондов Союза немецкой промышленности, Союза экспортеров, крупнейшими банками. Тематика этих исследований призвана дать немецким предпринимателям ответ на две группы вопросов:

— Какие товары следует экспортировать в Китай, достаточен ли на них платежеспособный спрос и насколько немецкий экспорт окажется конкурентоспособным по сравнению с товарами других стран?

— Насколько целесообразны и в каких конкретных сферах желательны прямые германские частные инвестиции в китайскую экономику?

Конкретно в области потенциальной емкости китайского рынка автомобилей эти вопросы были поставлены перед научно-исследовательскими институтами в 1981 г. Вскоре эта проблематика стала жизненно актуальной для германской автомобильной промышленности. К началу 90-х гг. произошло фактически полное насыщение внутреннего рынка ФРГ легковыми автомобилями. Оказалось, что примерно на двух граждан приходится один автомобиль. В такой ситуации производство ориентировано почти целиком на обновление автомобильного парка — на замену изношенных или разбитых машин на новые. Интенсивность обновления автомобильного парка зависит от платежеспособного спроса населения, а он в Германии не благоприятен. Однако даже если экономическое положение Германии в среднесрочной перспективе улучшится, что вполне вероятно, всплеска спроса на автомобили едва ли следует ожидать: население страны в связи с низкой рождаемостью, по прогнозу, будет сокращаться. К 2010 г. численность населения, несмотря на продолжающийся приток переселенцев, сократится по сравнению с 2001 г. на 1 млн человек, а к 2030 г. — еще на 3,7 млн. Одновременно возрастает доля граждан в возрасте старше 65 лет, которые не являются активными покупателями автомобилей¹.

Своеобразным “золотым дождем” для германских автомобилестроителей был массовый вывоз подержанных машин в бывшие социалистические страны, особенно в Россию. Не менее 9 млн владельцев отслуживших свое автомобилей смогли в течение нескольких лет продать их по неожиданно благоприятным ценам и взамен купить новые машины. Однако этот фактор дополнительного спроса оказался временным. В России повысили ввозные пошлины на подержанные автомобили. Платежеспособный спрос в Чехии, Венгрии, Польше, балтийских республиках уже удовлетворен.

Стремясь расширить внешние рынки сбыта, германские автомобильные концерны делают беспрецедентные вложения в покупку иностранных компаний. Концерн “Даймлер Бенц” приобрел за 50 млрд долл. одну из ведущих автостроительных монополий США — “Крайслер”, БМВ купил известную британскую автомобильную компанию. И все-таки этого недостаточно. В США и Западной Европе — депрессия, приобретение зарубежных филиалов и выпуск новых моделей не ведут к заметному приросту производства и доходов автомобильных компаний ФРГ. Делаются первые шаги по организации производства немецких автомобилей в России. Но инвесторы из ФРГ по целому ряду причин занимают выжидательную позицию по поводу капиталовложений в российскую обрабатывающую промышленность. Не являются исключением в этом отношении и германские автомобильные концерны.

Деловым кругам и правительству ФРГ ясно, что оживление конъюнктуры в стране невозможно без процветания автомобильной промышленности, на которую приходится 15% занятых и 20% оборота в промышленности. 59,1% ее продукции в 2001 г. было вывезено за рубеж². Ей просто тесно в Германии и Европе.

В опубликованной в 1996 г. аналитической справке о состоянии и перспективах германской автомобильной промышленности в разделе “Грядущий вакуум на рынке автомобилей в Китае”³ говорится, что в случае продолжения экономического подъема в КНР возникнет гигантский спрос на автомобили, который национальная промышленность удовлетворить, по крайней мере в течение 15-20 лет, не сможет. Рассматриваются факторы возникновения и развития этого рынка. Прогнозируется вначале рост потребности в служебных и по-

ребительских автомобилях для центральных и провинциальных учреждений и государственных предприятий, затем спрос со стороны служащих — китайцев, работающих в иностранных фирмах и совместных предприятиях. Серьезными покупателями, видимо, выступая представители формирующейся национальной буржуазии, высшего звена служащих частных фирм, а также представители среднего класса. Скорее всего, они будут покупать автомобили класса "Фольксваген" и машины южнокорейских фирм.

Собственной современной технологии у КНР в области автомобилестроения нет. Китайское правительство занимает отрицательную позицию относительно импорта подержанных автомобилей. Остается возможность удовлетворения потребностей путем импорта, совместного производства с иностранными фирмами, создания производственных филиалов иностранных автомобильных концернов (импорт иностранного производственного капитала и технологий).

Авторы справки называют следующие противодействующие или тормозящие факторы:

- возможное ухудшение конъюнктуры в Китае;
- возможные трудности с платежными балансом КНР и вынужденный переход правительства к политике автаркии;
- плохое состояние дорог в Китае;
- недостаточная добыча и переработка нефти в стране.

С тех пор прошло 6 лет. Темпы экономического роста в Китае продолжают оставаться высокими, трудностей со сведением платежного баланса не наблюдается, страна накопила один из самых больших в мире валютных резервов, правительство усиленно привлекает иностранный капитал. Китай вступил в ВТО, обеспечив определенные долгосрочные гарантии иностранным экспортерам. В стране идет бурное строительство дорог, увеличиваются добыча нефти и производство нефтепродуктов.

Хотя состояние экономики Китая далеко не безоблачное, но предпосылки роста спроса на автомобили, перечисленные в аналитической справке, налицо. Налицо и соответствующие последствия. Похоже, что на этот раз экономическое прогнозирование оказалось на высоте — германским автомобильным концернам был подан дельный и своевременный совет.

К началу 2001 г. в автомобильную промышленность КНР было вложено почти 6 млрд евро иностранного капитала. Инвесторами были 10 крупных автомобильных концернов США, Японии, Франции и Германии. 4 немецких концерна добились наибольшего успеха и производят на собственных и совместных предприятиях 550 000 автомобилей в год, примерно в 2 раза больше, чем все остальные иностранные компании вместе взятые⁴. Китайское правительство сознательно стимулирует немецкие капиталовложения в автомобильную промышленность, чтобы не допустить односторонней зависимости этой важной отрасли от капитала и технологий Японии и США.

Наибольшие партии автомобилей экспортировались из ФРГ в Китай начиная с середины 70-х годов. В начале 90-х годов Volkswagen построил завод под Шанхаем, демонтировал в ФРГ конвейерные линии по производству моделей Passat и Santana и установил эти конвейеры на построенном заводе. В 2002 г., по оценке руководства завода, на нем будет выпущено 400 000 автомобилей. В 2002 г. начался монтаж новой конвейерной линии для модели Polo. Мощности завода достигнут к 2006 г. 600 000 автомобилей⁵.

Дочерняя фирма Volkswagen — Audi произведет в 2002 г. в Китае 31 000 автомобилей и нарастит мощности к началу следующего года до 40 000.

Таким образом, только на заводах, принадлежащих Volkswagen и на предприятиях, в которых он участвует в Китае, в ближайшее время будет выпускаться столько же автомобилей, сколько производит российский ВАЗ.

Концерн BMW в течение последнего десятилетия ежегодно продавал в Китае большие партии машин. Его экспорт в КНР составил в 2002 г., по оценкам, 15 000 автомобилей. В конце 2001 г. был подписан договор между BMW и китайской автомобильной компанией BSA о совместном производстве на заводе в Шэньяне 30 000 автомобилей начиная с 2003 г. Обе компании будут в равных долях участвовать в капитале совместного предприятия. BMW предоставляет оборудование, патенты и лицензии и в дальнейшем свою сбытовую сеть за рубежом. В мае 2002 г. вступил в должность председателя правления концерна BMW Х. Панке. В своей речи по этому поводу он заявил, что самый перспективный и быстроразвивающийся рынок — это Азия и в первую очередь Китай. По его мнению, продолжающийся экономический рост, формирование средних слоев и вступление КНР в ВТО превратили эту страну в главный объект интересов фирмы за пределами Западной Европы⁶.

Германско-американский автомобильный гигант Daimler-Chrysler совместно с японской компанией Mitsubishi ввели в действие завод по производству внедорожных автомобилей типа джипа мощностью в 80 000 машин в год⁷.

В Германии нет ни одной автомобилестроительной фирмы, которая не экспортирует свою продукцию в Китай или не имеет в этой стране производственных мощностей — собственных или совместных с другими фирмами.

Поставки комплектующих, оборудования, продажа технологий дочерним предприятиям в Китае, подготовка технических и административных кадров вместе с экспортом готовых автомобилей из Германии в эту страну оказались спасительным кругом для немецких автомобильных концернов в годы вялой конъюнктуры и чрезвычайно привлекательным рынком сбыта и сферой приложения капитала.

Итак, в течение последних 3-х лет с помощью германского капитала и технологий в КНР созданы производственные мощности по выпуску 550 000 легковых автомобилей в год. По самым скромным оценкам, они возрастут к началу 2007 г. до 800 000. Германского капитала вложено в китайскую автомобильную промышленность столько же, сколько во всю экономику Российской Федерации.

Вслед за укреплением позиций в производстве и на рынках легковых автомобилей немецкие концерны начали экспансию в области выпуска грузовиков. Крупнейший в мире производитель грузовых автомобилей большой грузоподъемности (свыше 6 т) концерн Daimler-Chrysler, проведя прогнозные исследования потребностей Китая в большегрузных автомобилях для открытых разработок ископаемых, строительства дамб, плотин, мостов и туннелей, начал в 2002 г. совместно с японской компанией Mitsubishi сооружение крупного автомобильного завода. Немецко-американский концерн намерен вложить в этот завод 700 млн евро и получить 40% акций⁸.

Во время восточноазиатского кризиса 90-х концерн Daimler-Benz (еще до объединения с американским Chrysler) приобрел 10% акций южнокорейской автомобилестроительной монополии Hyundai. На рубеже третьего тысячелетия в КНР вступил в действие завод по производству моторов для грузовиков, построенный немецко-американской и корейской с немецким участием фирмами.

В ближайшее время объектом конкуренции и иностранных инвестиций станет производство автобусов, специальных автомобилей и дорожно-строительных машин.

Daimler-Chrysler заявил о готовности принять участие в создании двух совместных с китайскими компаниями фирм по производству специальных машин, однако пока дальше заявления о намерениях дело не пошло: немецко-американский концерн настаивает на предоставлении ему большей части акций. В практике КНР создания совместных предприятий с иностранным капи-

талом большая часть акций всегда у китайской стороны. Исключения до сих пор делались только в химической промышленности. Немецкие автомобилестроительные концерны — экспортеры капитала и технологий — хотят теперь изменить соотношение долей китайского и иностранного капитала в свою пользу.

Однако не только заинтересованность правительства КНР в притоке иностранного капитала в автомобильную промышленность страны и высокое качество немецких технологий в сочетании с современным менеджментом, подготовкой кадров и послепродажным сервисом обеспечивают благоприятную среду для капиталовложений германских автомобилестроителей в Китае.

Глубокое вхождение германских концернов в автомобильный бизнес, заинтересованность в рынке, продаже комплектующих, патентов, лицензий и ноу-хау имеют и определенные политические последствия. Некоторые крупные фирмы ФРГ решительно выступают против военных поставок из Германии на Тайвань, опасаясь отрицательной реакции правительства КНР по отношению к немецким инвесторам и экспортерам. К примеру, осенью 2002 г. в германской экономической печати появились сообщения о возможной продаже крупнейших в ФРГ верфей HWD американской военной монополии Northrop. Американский инвестор прямо заявил, что намерен в будущем производить на немецких верфях в г. Киль подводные лодки по новейшей технологии и продавать их Тайваню⁹. В связи с планами Volkswagen и электронно-электротехническая монополия Siemens, также имеющая серьезные интересы в КНР, предложили правительству не допустить продажу верфей американцам. В противном случае, по заявлению члена наблюдательного совета Volkswagen, представители инициативной группы немецких предпринимателей будут добиваться признания возможных поставок военной техники с территории ФРГ в район международной напряженности противозаконными. Естественно, такие дружественные по отношению к КНР политические акции представителей немецкого капитала вызывают ответную благожелательную реакцию китайских властей к германским инвесторам.

Было бы неправильно считать, что китайский автомобильный рынок окончательно захвачен немецкими концернами. Как видно из приведенных данных, на нем присутствуют и американские и японские компании. В 2002 г. несколько предложений поступило от южнокорейских автомобилестроительных компаний, продукция которых вполне конкурентоспособна на мировом рынке. Однако наряду с соображениями финансовой и технологической привлекательности предложений инвесторов из Республики Корея и Японии, определенную роль в решении судьбы этих предложений китайской стороной будет играть сотрудничество этих стран с Тайванем.

1. Deutschland in Zahlen: Institut der deutschen Wirtschaft. Köln, 2002.
2. Ibid.
3. Mitteilungen des Verbandes der deutschen Autoindustrie. N 4. 1996.
4. Asia Market. N 8. 2002.
5. Ibid.
6. Handelsblatt. 15 July 2002.
7. Ibid.
8. Handelsblatt. 09 September 2002.
9. Wirtschaftswoche. N 3. 2002.

Дискуссия китайских ученых по вопросам о народничестве и китайской революции

© 2003

Ма Луншань

Народничество и Китай, влияние народничества на китайскую революцию и социализм — одна из тем непрекращающихся с 80-х годов XX в. научных поисков и дискуссий среди китайских ученых. В течение определенного времени споры велись в небольшом кругу китайских исследователей. Поэтому они не вызывали большого интереса. За последние четыре-пять лет теоретики, занятые изучением китайской идеологии, известные историки, и в том числе президент Академии общественных наук Китая Ху Шэн приняли участие в этой дискуссии, поставив вопрос об отношении Мао Цзэдуна к народничеству. Они находили, что "Мао в известной мере был подвержен влиянию идей народничества". Этот вопрос сразу же привлек внимание общественности и обострил научную полемику, которая в последние три-четыре года вышла далеко за рамки исторической науки, и стала, в свою очередь, одной из горячих точек споров, привлечших к участию в нем многих исследователей китайской мысли и культуры.

Цель настоящей статьи — ознакомить читателей с некоторыми проблемами народничества, дискутирующимися в научных кругах Китая.

1. Традиции народнической идеологии в Китае.

Среди китайских ученых утвердилась точка зрения, что в истории Китая существовали традиции народнической идеологии. Это явление определялось социально-экономическими условиями страны в новый и новейший периоды ее истории. С конца XIX и в начале XX вв. в Китае несколько ускорилось развитие капитализма: крупные чиновники, землевладельцы, вкладывавшие капиталы в промышленность и торговлю, превращались в буржуазию; торговцы и владельцы мануфактур с ростом своих капиталов составляли низшие слои буржуазии. Появление этих слоев отражало потребности капиталистического развития. С развитием капитализма огромные массы крестьянства теряли землю и становились на путь разорения и обнищания. Широкие слои населения с появлением капитализма стали испытывать страх и беспокойство. Усилившаяся феодальная эксплуатация вызывала недовольство и порождала требование разрешения земельного вопроса. Слабое развитие капитализма и обострение аграрно-крестьянской проблемы вызвало всеобщее возмущение в

стране, так как затрудняло решение двух крупных проблем китайского общества — о земле и капитале. Различные классы и общественные группы заняли разные позиции в отношении этих вопросов. Пытаясь удержать феодальное господство, землевладельцы-консерваторы и сторонники политики “самоусиления” препятствовали развитию национального капитализма. Буржуазные реформаторы и конституционалисты стояли за развитие национальной промышленности и торговли, но они закрыли вопрос о земле в деревне. Только революционная демократия, представленная Сунь Ятсеном, выражавшая интересы народных масс, выдвинула лозунг о народном благоденствии, включавшем требования уравнивания прав на землю и ограничения капитала. Сунь Ятсен говорил: “Народное благоденствие — это и есть современный социализм, который сводится к двум проблемам — “земли” и “капитала”¹.

Ленин считал Сунь Ятсена народником. Он “ставит перед нами — совершенно независимо от России, от русского опыта, от русской литературы — чисто русские вопросы”, он “рассуждает буквально как русский. Его сходство с русским народником так велико, что доходит до полного тождества основных мыслей и целого ряда отдельных выражений”².

Большинство китайских ученых принимают ленинскую точку зрения, хотя имеются различные мнения относительно народнической окраски идеологии Сунь Ятсена. Известный историк, профессор Пекинского университета Ло Жунцзюй считает, что Лян Цичао и Сунь Ятсен в разной степени испытали на себе влияние народничества³. Известный теоретик Ху Шэн считает, что взгляды Сунь Ятсена “окрашены в народнические цвета”⁴. Историк китайской мысли Ли Цзэхоу полагает: “В эпоху становления империализма Сунь Ятсен воспринял и поставил вопрос о строительстве социализма, минуя капиталистический путь развития Запада”. Его народное благоденствие “в основном относится к категории буржуазной идеологии. Оно насквозь пропитано романтическим утопизмом мелкобуржуазного народничества”⁵.

Среди революционных демократов — современников Сунь Ятсена Чжан Тайянь был выразителем “антикапиталистических взглядов”, стоял за насильственную революцию, был “более ярко выраженным” сторонником народнической идеологии. Однако “в его народничестве содержались элементы феодальной особенности китайской традиции”. Среди вождей демократического лагеря, таких как Сунь Ятсен, Чжан Тайянь, Чжу Чжисинь и других, были носители идеологии народничества. Поэтому в революционном лагере существовал “большой элемент народнических веяний”⁶.

Китайские ученые считают, что корни народничества можно найти в более раннем периоде. Например, Ху Шэн полагает, что “идеология народничества, возможно, стихийно появилась с рождением мелкокрестьянского хозяйства. Со времени движения тайпинов в 1851-1861 гг. она уже давала о себе знать”⁷. Сунь Ятсен — выходец из народа, из крестьян. Он почитал Хун Сюцюаня и государство тайпинов, “считал себя преемником их дел”. Поэтому Ли Цзэхоу считает, что “утопический социализм государства тайпинов в новый период истории Китая” является одним из источников “народного благоденствия” и идеологии народничества Сунь Ятсена⁸. Так, традиции идеологии народничества в новый период китайской истории были отнесены к периоду движения тайпинов. Китайское официальное агентство “Синьхуа” в 1948 г. в примечании к соответствующему указанию Мао Цзэдуна отмечало: “Народники российской империи и государство тайпинов в Китае” были сторонниками “абсолютного равенства” и “идей аграрного социализма”⁹. Этим фактически также подтверждалась мысль о народническом характере идеологии движения тайпинов.

2. Народнические идеи в период новодемократической революции в Китае.

Истоками народничества в новый период истории Китая были не только его собственные китайские традиции, но и влияние русского народничества XIX в. на китайскую интеллигенцию. Если считать, что идеология народничества в китайской культуре XIX в. стихийно возникла в крестьянском государстве, то нужно признать, что обстоятельство появления и распространения народничества в Китае в конце XIX в. и первой половине XX в. самым тесным образом были связаны с агрессией Запада в Китае, тяжелой эксплуатацией китайского народа иностранным капитализмом, с тяготами, испытываемыми китайцами от капитализма. Тогда передовые китайцы стремились учиться у Запада, пытались идти по западному пути. Однако агрессия империализма и особенно обнаружившиеся в нем противоречия в ходе Первой мировой войны разрушили иллюзии китайцев, что побудило их обратить свои взоры на Россию. В ходе учебы у русских они усваивали марксизм, испытывая при этом и влияние русского народничества. Под влиянием собственной народнической традиции Китая и русского народничества вопрос о том, с каких позиций — народничества или марксизма — рассматривать перспективы развития Китая, и как решать проблему «соотношения капитализма и социализма» стал важнейшим¹⁰. Профессор Пекинского университета Лю Жунцзюй считает, что «в конкретных условиях колонии или полуколонии национализм и индустриализация — явления в ряде случаев взаимоисключающие. Во многих экономически отсталых странах националистическая реакция общества проявлялась в идеологических течениях и массовых движениях, направленных против современной индустриализации. В России их называли народниками. В Латинской Америке — популистами. В Африке появились сторонники аграрного социализма, в Азии — гандизма. В Китае народничество оказало влияние на интеллигенцию¹¹. Этот же ученый полагает, что такого рода влияние ясно проявилось в деятельности ряда знаковых фигур Китая 20-30-х годов¹². Тем не менее, в ранний период истории КПК ряд ее деятелей — Цюй Цюбо, Ян Минчжай, Юнь Дайин, Цай Хэсэнь боролись с народнической идеологией. «Ян Минчжай, исходя из марксовской теории эволюции общества, выдвинул фундаментальную идею теории модернизации, согласно которой общество с развитием производительных сил от аграрного переходит к индустриальному¹³. В начальный период строительства партии Цюй Цюбо осуждал «утопизм» и подвергал критике «народнический социализм» Сунь Ятсена и «аграрный социализм» Чжан Шичжао. Он приходил к следующему заключению: «Марксизм абсолютно не имеет ничего общего с народничеством и анархизмом. Он ни в коем случае не предполагает использование методов перепрыгивания через капитализм для непосредственного перехода к социализму¹⁴. Другие ранние деятели КПК — Юнь Дайин и Цай Хэсэнь твердо настаивали на превращении Китая в «индустриальную державу» и «выступали против пустозвонов в партии и вне ее, разглагольствовавших о некапиталистической перспективе»¹⁵.

Однако Китай — отсталое крестьянское государство. Главная армия китайской революции — широкие крестьянские массы. Здесь, как и в России, существует благодатная почва для произрастания народничества. Поэтому марксизм, проникая в Россию, а затем в Китай, обретал народническую окраску. Ряд западных ученых, указывая на это обстоятельство, считают, что один из основателей партии Ли Дачжао в своей статье 1919 г. «Молодежь и деревня», подражая народникам, призывал молодежь «идти в народ». Эта работа, по мнению одного из них, «есть несомненное проявление духа русского раннего народничества». Он же полагает, что «очень вероятно, Мао Цзэдун был подвержен влиянию народнических представлений, замешанных на марксистских

идеях Ли Дачжао"¹⁶. Более того, упомянутый американский ученый утверждает, что такое явление как народничество "привело к важным изменениям в трактовке ленинизма в коммунистической революции Китая"¹⁷. Однако некоторые китайские ученые не согласны с такими взглядами, считая, что народничество — это всего лишь результат краткосрочного влияния на раннего Ли Дачжао, и не занимает главного места в его идеях. Он обратил свои взоры к крестьянству, к деревне, исходя из национальной специфики Китая. Восприятие им "народнического метода хождения в народ не означает, что он целиком одобрял народничество". Поэтому китайские ученые против того, чтобы упрощать идеи Ли Дачжао и представлять их как народнические¹⁸.

Сам Мао Цзэдун в беседе с американским писателем Сноу признавался в том, что в ранние годы он разделял некоторые "представления утопического социализма"¹⁹. В результате кое-кто из китайских ученых считает, что народничество в той или иной степени оказало свое действие на раннего Мао Цзэдуна.²⁰ Некоторые ученые отмечают, что главным образом такое влияние ощущается в статье, опубликованной во второй половине 1919 г. в журнале "Сяньцзянь пинлунь" под названием "О великом объединении масс"²¹. Мао Цзэдун в своей биографии говорит, что "к лету 1920 г." он "уже в теории и в некоторых практических шагах стал марксистом"²². На основании этого некоторые ученые полагают, что этот поворот "произошел всего лишь за год, что в ходе такого быстрого поворота народнические идеи невозможно изжить и не обязательно их надо изживать" и даже считают, что Мао Цзэдун "обожествлял бунт низших слоев общества, что было присуще народничеству"²³.

Однако Ху Шэн считал, что Мао Цзэдун на этапе новодемократической революции в Китае, по крайней мере "в один из самых блестящих ее периодов (с 1939 по 1949 гг.) не только ни на йоту не был заражен народничеством, но и решительно выступал против него". Ху Шэн даже называет его "первым человеком", который "и теоретически, и практически решительно и последовательно выступал против народничества"²⁴. На основе изучения материалов Мао Цзэдуна с критикой народничества в 40-х годах некоторые ученые также полагают, что Мао Цзэдун руководствовался верной идейной теорией, научным социализмом, марксизмом, но не народничеством"²⁵. Ученые, поддерживающие точку зрения Ху Шэна, считают также, что внимание к деревне и крестьянству вовсе не означает народничества, а является творческим анализом китайского общества, характера революции и тогдашней ситуации в революционном борьбе. Что касается позиций в отношении капитализма, роли пролетариата и анализа природы крестьянства, а также фундаментальных основ различия между народничеством и марксизмом, то Мао Цзэдун отстаивал марксизм и был враждебен народничеству²⁶.

Вместе с тем немало китайских ученых, исходя из того, что в китайском обществе существовала благодатная почва для народничества, признают тот факт, что под воздействием Коминтерна и руководителей России китайская революция и Компартия Китая испытали на себе сильное влияние народничества. Ху Шэн считал: "Возможно, народническая идеология стихийно возникла из мелкого хозяйства. Эта идеология провоцировала действия, ведущие к разрушению торговли и промышленности, а также городские волнения"²⁷. В 30-х годах "линия Ван Мина" на захват больших городов, по существу была направлена на ускоренную ликвидацию капитализма, и на то, чтобы как можно быстрее перевести буржуазно-демократическую революцию на рельсы социалистической, пролетарской революции. Ху Шэн выявил таким образом связь между "левым" оппортунизмом в Китайской компартии и народничеством. Он также отмечал, что этот "левый" оппортунизм "по своему характеру был по-

добен народничеству”, поскольку он “исходил из того, что в условиях отсталой экономики при преобладании мелкокрестьянского хозяйства сразу можно перевести демократическую революцию в революцию социалистическую”²⁸. Народнические корни такого рода “левого оппортунизма сложились под влиянием китайской традиции воздействия Коминтерна и русских. Для того, чтобы разъяснить мысль о “влиянии русских”, Ху Шэн напомнил о резолюции по китайскому вопросу политического секретариата Исполкома Коминтерна, принятой в июне 1930 г. Она предписывала КПК “готовить во всех или в нескольких промышленных центрах” “всеобщие политические забастовки”, что означало смешение двух этапов революции — буржуазно-демократического и социалистического, требовало проведения крупных мер социалистического характера на этапе демократической революции”²⁹.

Мао Цзэдун говорил о “значительном влиянии народничества в Китае и в нашей партии”. При этом он указывал: “Русские народники были ужасно “левыми”, они стремились как можно скорее построить социализм, не занимаясь развитием капитализма. В результате они стали контрреволюционерами”³⁰. В связи с народничеством накануне победы китайской революции Мао Цзэдун не раз критиковал тех товарищей в партии, которые совершают ошибку, думая раньше времени “свергнуть капитализм”. Он также связывал и ставил в один ряд подобный “левый” уклон и народничество”³¹.

3. Проблема народничества в период социалистической революции и строительства.

В общем, большинство китайских ученых придерживаются единого мнения относительно существования в китайском обществе традиций народнической идеологии, народнических веяний и их воздействия внутри партии и вне ее в период демократической революции, хотя при этом имели место некоторые расхождения в оценке степени этого влияния и воздействия на отдельных деятелей. Однако сразу возникли и постепенно обострились разногласия по вопросу о том, существовала ли идеология народничества в период социалистического строительства, особенно по такой проблеме, как, были ли представления Мао Цзэдуна о социализме “окрашены в народнические цвета”.

С момента вступления Китая в конце 70-х годов в период реформ идет непрерывное осмысление и обсуждение вопроса о глубинных причинах ошибок, в ходе социалистической революции и строительства после образования КНР. В этой связи исключительное внимание привлек вопрос о развале Советского Союза. Ученые стремятся с учетом опыта и уроков Советского Союза глубже понять проблемы Китая.

Относительно уроков развала Советского Союза среди китайских ученых существуют две точки зрения. Первая из них сводится к тому, что главной причиной распада партии и государства в Советском Союзе послужили реальные факторы, которые сложились в результате линии, проводимой Горбачевым, корни которой берут свое начало в ревизионизме Хрущева. Сторонники второй позиции исходят из того, что главной причиной распада партии и государства в Советском Союзе является система, действовавшая в Советском Союзе. Поэтому они ищут причины распада в истории, особенно в сталинской системе.

Среди приверженцев первой точки зрения есть такие, которые считают, что развал Советского Союза — результат очернения истории СССР в эпоху Хрущева-Горбачева. “Ликвидация истории” привела к “ликвидации государства”. Свою точку зрения они переносят и на изучение истории КПК, выступают против концентрации внимания на острых проблемах истории КПК, боясь, что очернение истории приведет к скатыванию на путь КПСС.

Сторонники второй точки зрения исходят из того, что, не выяснив причины исторических ошибок, нельзя исключать возможность их повторения. Познание и оценка народничества в партии после образования КПК тесно увязаны с разными точками зрения в ходе обобщения исторических уроков.

Известный историк, руководитель Института истории партии, бывший президент Академии общественных наук Китая Ху Шэн исходил из того, что обобщение опыта и уроков требует правильного отношения к истории, что нельзя ничего скрывать и, тем более, замалчивать проблемы. Отсюда и постановка им вопроса о связи капитализма и социализма после образования КНР. Он считал, что “боязнь капитализма фактически является продолжением “левой” идеологии 20-летней давности” (речь идет о 30-40-х годах. — Авт.)³². Он также полагал, что сводить “левые” ошибки к проявлениям мелкобуржуазной идеологии “не совсем корректно”; то, что “левые” ошибки легко появляются, обусловлено социально-историческими условиями Китая, а также сложностью и особенностями китайской революции. Поэтому Ху Шэн увязывал ошибки в ходе социалистической революции и строительства с идеологией народничества. Поэтому он считал, что познания Мао Цзэдуна о теории социализма “окрашены в народнические цвета”. И далее он писал: “Вот его классическое рассуждение: чистый лист бумаги ни к чему не обязывает, и потому на нем можно рисовать самые новые, самые красивые картины”³³. Ху Шэн также “полагал, что не соответствует реальности и представление о том, что на базе абсолютной бедности можно произвольно с легкостью писать самую новую, самую прекрасную картину социализма”. “Если речь идет о самой новой, самой красивой картине социализма, то это обязательно связано с очень высоким развитием производительных сил социализма, — писал Ху Шэн. — Когда же речь идет о крайне отсталых производительных силах общества, не только нельзя говорить о самом новом прекрасном, но и не следует также на основании общих понятий социализма определять, какой курс и политику проводить в жизнь”³⁴.

После поездки Дэн Сяопина на Юг в 1992 г. Ху Шэн стал углубленно изучать проблему взаимосвязи современного капитализма и социализма, после 1997 г. он продолжал исследовать вопрос о Мао Цзэдуне и народничестве, а в декабре 1998 г. опубликовал свою лекцию “Еще раз к оценке теории новой демократии Мао Цзэдуна”, в которой он исчерпывающе изложил его взгляды. Он высоко оценил теорию новой демократии Мао Цзэдуна, за то, что в ней обосновывался вывод о достаточно длительном периоде перехода от новодемократического общества к социализму, необходимом для складывания экономических предпосылок социализма, которые создает капитализм. Однако, писал Ху Шэн, “к 1953 г. после обнародования генеральной линии переходного периода, партийный курс претерпел явные изменения”. Мао Цзэдун фактически отбросил теорию новой демократии и, используя политическую силу, занялся искусственным ускорением развития социализма и примерно в три года (1954-1956 гг.) завершил социалистические преобразования. К 1958 г. вся китайская деревня совершила скачок к народным коммунаам. “Можно сказать, что руководящая идеология исчерпала себя, а народнические идеи получили большое развитие. Что же это за идеология, согласно которой от народных коммун можно перейти к коммунизму в условиях, когда производительные силы сельского хозяйства не получили сколько-нибудь заметного развития, а индустриализация Китая находилась в начальной стадии? Остается только сказать, что такая идеология была присуща народничеству и очень далека от марксизма.”³⁵.

Публикация этой статьи Ху Шэна вызвала бурные отклики в среде теоретиков. Один профессор в журналах “Чжунлю” и “Чжэньли ди чжуйцю”

опубликовал три статьи с критикой профессора Ху Шэна. Он назвал утверждения Ху Шэна о том, что “Мао Цзэдун окрашен в народнические тона”, обвинениями в адрес Мао Цзэдуна, которые “являются очень серьезными и принципиальными”, и поставил под сомнение способность Ху Шэна научно оценить имеющий “всеобщее и важное значение” вопрос о Мао Цзэдуна и его идеях³⁶. “Если признать наличие народнических тенденций у Мао Цзэдуна, то его по крайней мере нужно характеризовать как мелкобуржуазного революционера, а его идеи — в определенной степени как мелкобуржуазный “социализм”³⁷. С точки зрения этого профессора — подобные взгляды Ху Шэна “направлены не только против Мао Цзэдуна, но и против “Решения по некоторым вопросам истории КПК после образования КНР”, против Дэн Сяопина”. “Это не только несостоятельная точка зрения, она может вызвать даже замешательство в политике и идеологии”³⁸. Из этого он делал вывод, что сказанное Ху Шэном есть отрицание успехов Китая за предыдущие 30 лет, отрицание социалистической системы и основной линии партии, отрицание общей программы партии. Этот же профессор связал взгляды Ху Шэна с воззрениями Бернштейна и Каутского, а также со взглядами Чэнь Дусю в Китае. При этом он назвал Ху Шэна человеком, “попавшим в омут вульгарного понимания производительных сил”. Таким образом, он полностью политизировал научную дискуссию и придал ей опасный политический характер.

Заодно с этим профессором, критиковавшим Ху Шэна, выступили и другие в журнале “Чжунлю” с обвинениями в адрес Ху Шэна, заявив при этом, что “насуточной задачей, стоящей сейчас перед нами, является не борьба против “народничества”, а борьба против вульгарной теории производительных сил”³⁹.

Некоторые ученые, почуяв запах пороха в критике Ху Шэна, невольно вспомнили критику времен “культурной революции”. Поэтому исследователи, разделявшие точку зрения Ху Шэна, немедленно перешли в контрнаступление и выступили с ответными статьями. Полемика между противоборствующими сторонами резко обострилась. Защищавшие точку зрения Ху Шэна считали, что он “не только остро поставил вопрос, но и рассмотрев народничество под новым углом зрения, вскрыл корни “левых” и правых ошибочных линий в партии”. Они также отметили, что “эта проблема в истории партии имеет ключевое значение”. Чтобы “гарантировать непоколебимость основного курса партии, нельзя не обратить внимания на искоренение тепличных условий, в которых произрастало народничество в стране с преобладающим крестьянским населением”⁴⁰.

Обе стороны в дискуссии по вопросу о классическом высказывании Мао Цзэдуна — “на чистом листе бумаги можно нарисовать самые новые и самые красивые картины”, смысл которого в том, что это должна быть картина самого прекрасного социализма, — заняли разные позиции. Одни ученые считали, что подобным утверждением Мао Цзэдун защищал материалистическую диалектику и говорил о превращении двух сторон противоречий, о превращении плохого в хорошее. И это не имеет никакого отношения к народничеству⁴¹. Если “бедность” и “отсталость” ведут к переменам в сознании, что выливается в требование революции, то это и есть главная сторона противоречия. Но провалы в Китае 50-60-х годов подтверждают несоответствие с действительностью, с марксизмом утверждения — чем более бедной и отсталой является страна, тем лучше для социализма и перехода к коммунизму⁴². Находятся и люди, которые считают, что бедность и отсталость не относятся к народничеству. Однако суть народничества кроется в идеализации сельской общины и крестьянства. Не слышны ли некоторые отголоски русского народничества в восхвалении Мао Цзэдуном крестьянского социализма?⁴³

Такое общемировое явление как народничество нельзя понять, исходя лишь из проблем Китая. Народничество в новую и новейшую эпоху всемирной истории в своей классической форме появилось в России. Поэтому, чтобы понять проблемы народничества в Китае, надо сопоставить его с русским народничеством.

Журнал "Байнянь чао" (№ 11, 2000) опубликовал статью китайского исследователя русской истории под названием "Народничество в русской революции". В статье использованы достижения историков русской мысли Бердяева и Франка. Ее автор считает, что несмотря на всю сложность различных группировок народничества и независимо от того, как они изменялись в ходе своего развития и какие бы расколы ни происходили в их среде — все они являлись идейно-политическими группировками одинакового характера и имели общие идеологические особенности. Эти особенности следующие: восхищение и вера в народ, включая и элемент идеализации крестьянства; презрительное отношение к культуре, борьба против преклонения перед ней; идеализация крестьянской общины и попытки путем сохранения сельских общин развить "исконно присущий" крестьянству дух социализма, попытки миновать капиталистический путь развития и "непосредственно" перейти к социализму. Говоря о советском периоде, автор считает, что "Сталин, касалось ли это сферы экономики, идеологии или культуры", полностью противопоставил социализм капитализму. Фактически как народник он был пронизан болезнью страха перед капитализмом"⁴⁴.

Статья вышеназванного автора об особенностях народничества получила признание немалого числа ученых. Исходя из особенностей русского народничества, они выявили многие проявления народничества в Китае. В то же время с критикой статьи выступили ученые, придерживавшиеся иных взглядов⁴⁵.

В связи с болезнью и смертью Ху Шэна дискуссия среди китайских ученых по вопросу о народничестве на время смягчилась и пошла на убыль. Так как эти споры касались слишком острых вопросов, то даже такой высоко-нравственный и широко известный теоретический авторитет как Ху Шэн не мог развернуть некоторые аспекты проблемы и продолжить их обсуждение. Тем более, это трудно было сделать другим ученым. Поэтому дискуссия дальше не разворачивалась. Как представляется, дискутирующим сторонам есть что сказать. Судя по различным признакам, эти споры вновь обострятся в соответствующее время и продолжатся.

Дискуссия китайских ученых по проблемам народничества, строго говоря, началась не в 80-е годы. Ее прологом стали 20-е годы. В 30-40-е годы она продолжилась. После 50-х годов она на время прекратилась и вновь забурлила в 80-90-е годы. Как говорят некоторые китайские ученые, влияние народничества на общественное развитие Китая, на идеологию и слои культуры является "темой вековой, темой всемирной". Хочется в это верить!

1. Сунь Ятсен. Сань миньчжу чжуи [Три народных принципа]: Юэли, 2000. С. 263.
2. Ленин В.И. ПСС. Т. 21. С. 400.
3. Ло Жунцзюй. Отв. ред. Цун сихуа дао сяньдайхуа — Усы илай югуань Чжунго вэньхуа Уюйсянь хэ фачжань даолу луньчжэн вэньсюань [От "вестернизации до модернизации". Избранные статьи о тенденциях и путях развития китайской культуры начиная с "4 мая"]. Пекин, 1990. С. 27.
4. Ху Шэн. Макэсы чжуи юй гайгэ кайфан [Марксизм и политика реформ и открытости]. Пекин, 2000. С. 153.

5. Ли Цзэхуо. Чжунго цзиньдай сысян шилунь [История китайской мысли в новое время]. Хэфэй, 1994. С. 324, 322.
6. Там же. С. 391-392.
7. Ху Шэн. Там же. С. 160-161.
8. Ли Цзэхуо. Там же. С. 322.
9. Кафедра истории партии Политической академии НОАК. Чжунгун данши цанькао цзыляо [Справочные материалы по истории КПК]. № 11. С. 165-168.
10. Ху Шэн. Мао Цзэдун ди синьминь чжу чжуи цзай пинлунь [Еще раз к оценке теории Мао Цзэдуна о новой демократии] // Чжунго шэхуй кэсюе. 1999. № 3.
11. Ло Жунцзюй. От "вестернизации до модернизации". С. 27.
12. Ло Жунцзюй. Усы илай чжэнпай цзи ци сысян [Политические группировки с "4 мая" и их идеология]. Шанхай, 1987. С. 337.
13. Ван Сули. Макэсычжуи чжунгохуа ди шэхуй бьяньчжуан даолу юй цзинсяндай миньсуй чжун сычао [Пути социальной трансформации китаизированного марксизма и идеологические веяния народничества в новой и новейшей истории] // Чжунго данши яньцзю, 1998. № 3. С. 21.
14. Цюй Цюбо вэньцзи. Чжэнчжи лилунь бьянь (2) [Собрание сочинений Цюй Цюбо. Политические статьи. Т. 2]: Жэньминь чубаньшэ, 1988. С. 202.
15. Юнь Дайинь вэньцзи. Шан [Собрание сочинений Юнь Дашиня. Т. 1]. Жэньминь чубаньшэ, 1980. С. 409, 479; Цай Хэсэнь вэньцзи [Собрание сочинений Цай Хэсэня]: Жэньминь чубаньшэ, 1991. С. 97-99.
16. Молисы Мэйсынэй. Ли Дачжао юй чжунго макэсычжуи ди цюань [Морис Мейснер. Ли Дачжао и истоки марксизма в Китае] // Чжунгун данши цзыляо. 1989. С. 280.
17. Молисы Мэйсынэй. Мао Цзэдун юй макэсычжуи утобань чжуи [Морис Мэйснер. Мао Цзэдун и марксистский утопизм] // Пекин, 1991. С. 97-99.
18. Ван Сули. Усы шици Ли Дачжао дуй миньсуй чжуи ди жэньши юй чаоюэ [Представления Ли Дачжао о народничестве в период "4 мая" и их преодоление] // Чжунгун данши яньцзю. 1991. № 1. С. 18; Чжан Хуа. Цунь Ли Дачжао юй "Шаонинь Чжунго" лисян [От Ли Дачжао до идеала "молодой Китай"] // Цзиньдай ши яньцзю. 1985. № 5.
19. Мао Цзэдун тань Мао Цзэдун [Мао Цзэдун о Мао Цзэдуне] // Цзэфан жибао. 2001. 25 января.
20. Ло Жунцзюй. От "вестернизации до модернизации". С. 27.
21. Чжу Сюэцин. Фэншэн, юйшэн, душу шэн [Шум ветра, шум дождя, шум от чтения книг]. Пекин, 1994. С. 58, 63.
22. Мао Цзэдун о Мао Цзэдуне // Цзэфан жибао. 2001. 25 января.
23. Чжу Сюэцин. Шум ветра... С. 59-67.
24. Ху Шэн. Марксизм и политика реформ... С. 157-158.
25. Ши Чжунцзоань. Гуаньюй говай Мао Цзэдун яньцзю миньсуй чжуи вэньти [Вопрос об изучении Мао Цзэдуном народничества за рубежом] // Чжунгун данши яньцзю. 1992. № 6. С. 47-48.
26. Сэ И. Цзяньпин совэй "Мао Цзэдун сысян цзюй ю миньсуй чжу и тинян" ди гуаньдянь [Кратко о так называемой точке зрения: "в идеях Мао Цзэдуна имеется крен в сторону народничества"] // Чжунгун данши яньцзю. 1992. № 6.
27. Ху Шэн. Марксизм и политика реформ... С. 160-161, 166-167.
28. Там же. С. 167.
29. Хэ Чэн. Ду "Мао Цзэдун ди синьминьчжу чжуи цзай пинцзя" [Читая "Еще раз к оценке теории Мао Цзэдуна о новой демократии"] // Чжунго шэхуй кэсюэ. 1999. № 3 // Чжунгун данши яньцзю. 1999. № 6. С. 77, 80.
30. Мао Цзэдун Лунь лянхэ чжэнфу [О коалиционном правительстве] // Избранные произведения Мао Цзэдуна (в одном томе): Жэньминь чубаньшэ, 1968. С. 960—961.
31. Там же.
32. Ху Шэн вэньцзи [Сборник статей Ху Шэна]. Пекин, 1994. С. 134.
33. Ху Шэн. Марксизм и политика реформ... С. 153.
34. Сборник статей Ху Шэна. С. 198.
35. Ху Шэн. Еще раз к оценке теории Мао Цзэдуна о новой демократии // Чжунго шэхуй кэсюэ. 1999. № 3.
36. Ша Цзяньсунь. Игэ чжигуань чжуи яо ди вэньти [Один важный и общий вопрос] // Чжунлю. 1999. № 4.

37. Ша Цзяньсунь. Макэсычжуи хайти юньсу шэньчаньли лунь. Пин Ху Шэн цзяошоу дуй Мао чжуси ди пипать [Марксизм или вульгарная теория производительных сил? К критике профессором Ху Шэном Мао Цзэдуна] // Чжунлю. 1999. № 12.
38. Там же.
39. Хуан Жутун. Шэхуй чжуи гэмин ди чэньцзю ци жун фоудин [Можно ли допустить отрицание успехов социалистической революции?]; Фань Ма. Нэнгоу чжэян лунь-чжэн ма? [Возможно ли так доказывать?] // Чжунлю. 1999. № 4.
40. Цю Лу. Цинь фанся ниди гуньцзы — чжи Шя Цзяньсунь цзяошоу дуй Ху Шэн сяньшэн ди пипань [Пожалуйста, бросьте дубину. Сомнения в критике проф. Ша цзяньсуня [в адрес] господина Ху Шэна] // Байнянь чао. 2000. № 1; Хэ Чэн. Ду "Мао Цзэдун ди синьминьчжу чжуи лунь цзай пинцзэ" [Читая "Еще раз к оценке теории Мао Цзэдуна о новой демократии"] // Чжунгун данши яньцзю. 1999. № 6. С. 77, 80.
41. Фань Ма. Нэнгоу чжэян луньчжэн ма [Возможно ли так доказывать?] // Чжунлю. 1999. № 4.
42. Линь Юньхуй Лунь Чжунго гоцинь юй макэсычжуи чжунго хуа [О национальной специфике Китая и китаизация марксизма] // Чжунгун данши яньцзю. 2000. № 1.
43. Ху Янь. Миньцуйчжуи хэ шэхуйчжуи [Народничество и социализм] // Дандай шицзе шэхуй чжуи вэньти. 1999. № 2.
44. Ма Луншань. Эго гэмин чжунди миньцуй чжуи [Народничество в русской революции] // Байнянь чао. 2000. № 11.
45. А Нун. Миньцуй чжуи ди маоцзы цинэн коудао Ленин — Сыдалинь тоушан [Возможно ли надеть колпаки народничества на головы Ленина-Сталина?] // Чжунлю. 2000. № 2.

Профессор юриспруденции и востоковед В. А. Рязановский

© 2003

А. Хисамутдинов

Тема российской эмиграции на Дальнем Востоке заняла прочное место в исследованиях отечественных историков. На различных конференциях, посвященных этой проблеме, уже прозвучало большое количество докладов, стали издаваться и монографии. По-прежнему историков волнует судьба эмигранта-интеллигента: что беспокоило его больше всего вдали от родины, как складывался его творческий процесс. Немало интересных, самобытных ученых уехало из Владивостока в 1922 г. Особое место среди них занимает профессор юриспруденции и востоковед В.А.Рязановский, написавший много работ по китайскому и монгольскому законодательству¹.

Валентин Александрович Рязановский родился 1 января 1884 г. в Костромской губернии. Учился сначала в гимназии, а потом на юридическом факультете Московского университета. Еще во время учебы В.А. Рязановский проявил себя не только способным юристом-практиком, но и хорошим аналитиком. Его отправили на двухгодичную учебу в Германию, однако он смог пробыть там только шесть месяцев. Тем не менее из заграничной командировки вернулся с большим багажом знаний и желанием заниматься исследовательской работой. Вначале жить пришлось в небольшом губернском городке, где трудно было заниматься наукой, и он открыл судебную практику. Но впоследствии тяга к преподавательской и научной работе взяла верх, и В.А. Рязановский решил целиком посвятить ей свою жизнь. Начало Первой мировой войны он встретил в Ярославле в должности приват-доцента Демидовского юридического лицея кафедры гражданского права, где проработал до 1917 г. Тогда же защитил в Донском (бывш. Варшавском) университете диссертацию магистра гражданского права. Вернувшись домой, В.А.Рязановский стал исполняющим дела профессора кафедры гражданского права. Тогда же подготовил докторскую диссертацию, рукопись которой была утеряна в 1918 г.

Гражданская война перевернула жизнь большей части русской интеллигенции. Одни, воодушевленные новыми идеями, стали строителями советского общества, другие предпочли влиться в ряды отступающей белой армии (среди них было немало юристов, которые понимали, что отрицание старых законов ведет к еще большему беззаконию). Осенью 1918 г. В.А.Рязановский вместе с женой переехал в Томск, где стал профессором юриспруденции Томского университета. Через полтора года он уехал в Иркутск, столицу Верховного правителя адмирала А.В.Колчака, и продолжил преподавательскую работу в Иркутском университете. Уже тогда на его счету было несколько ин-

Хисамутдинов Амир Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Дальневосточного технологического института (Владивосток).

тересных работ по юриспруденции. Все свое свободное время он посвящал оформлению законов белого правительства.

После падения колчаковского правительства поздней осенью 1920 г. Рязановские уехали во Владивосток. Здесь для юриста все было внове. В это время только-только стал формироваться Государственный Дальневосточный университет, куда Валентин Александрович и решил устроиться на работу, тем более, что там он встретил немало коллег, с которыми работал в Сибири. 17 декабря 1920 г. декан факультета общественных наук С.Николаев представил В.А.Рязановского правлению ГДУ как кандидата на должность исполняющего дела ординарного профессора кафедры гражданского права. В.А.Рязановский был избран единогласно закрытой баллотировкой². Занятия на кафедре он старался чередовать с юридической практикой, став председателем гражданского департамента Владивостокской судебной палаты³.

В.А.Рязановский был преподавателем от Бога. Его стиль ведения лекций, четкая аргументация привлекали многих студентов ГДУ. "Лекции В.А. читал просто и ясно, — вспоминал один из его учеников, — от студентов требовал знаний, был строг и справедлив. Сдать экзамены в испытательной комиссии, где председательствовал В.А., без серьезной работы было абсолютно невозможно, студенты это знали, уважали его, усердно готовились к экзаменам. Получить на экзамене "удочку" было счастьем, а о "весьма" даже не мечтали (в университетах России знания студентов оценивались двумя отметками: удовлетворительно ("удочка") и весьма удовлетворительно ("весьма"))"⁴.

Тем временем белая власть во Владивостоке доживала свои последние дни. В.А.Рязановский и его коллеги хорошо понимали ее бесперспективность, но сдаваться на милость победителей не хотели. Вместе с остатками белой армии он решил отправиться в Харбин. В анналах истории Государственного Дальневосточного университета В.А.Рязановский остался последним председателем экзаменационной комиссии ГДУ при белой власти⁵.

Одним из научных центров российского зарубежья на Дальнем Востоке стал Юридический факультет в Харбине, первое высшее учебное заведение для беженцев из России. Бытовало мнение, что этот факультет появился случайно. Вряд ли можно считать это справедливым. С одной стороны, среди эмигрировавших из России в Китай было очень много юристов. С другой — русской эмиграции на новой родине требовался правовой фундамент. Вершина деятельности В.А.Рязановского как профессора юриспруденции и востоковеда пришлась на время работы именно на этом Юридическом факультете. Это учебное заведение было основано 1 марта 1920 г. под названием "Высшие экономико-юридические курсы". С 1 июля 1922 г. курсы стали называться "Юридическим факультетом"⁶ с намеком на то, что впоследствии появятся другие факультеты и будет открыт университет. Под таким названием это учебное заведение просуществовало до своего закрытия, так и не став настоящим университетом.

У истоков Юридического факультета стояли и другие известные люди, например, Н.В.Устрялов. В ноябре 1919 г. после падения Омска он переехал в Иркутск, а затем в Харбин, где занялся подготовкой к печати сборника всех статей омского, иркутского и харбинского периодов по вопросам политики, а также философии. С 1920 г. Н.В.Устрялов стал одним из идеологов сменовеховского течения в эмиграции, выступал за примирение с Советской властью.

Первым деканом Юридического факультета стал Н.И.Миролюбов, на плечи которого легла вся организационная работа. Н.И.Миролюбов был известным правоведом, одним из руководителей следственной группы по расследованию убийства царской семьи, видным юристом в колчаковском правительстве.

В Маньчжурии он увлекся изучением китайской юриспруденции и пользовался широкой известностью.

После смерти Н.И.Миролюбова деканом Юридического факультета избрали В.А.Рязановского⁷. Он хорошо понимал, какие цели и задачи стоят перед этим учебным заведением, отдавал себе отчет и в огромных трудностях при подготовке будущих юристов.

На плечах В.А.Рязановского лежала вся организационная часть по устройству Юридического факультета. Он считал, что русские беженцы нуждаются в юридической помощи, а потому задача факультета — как можно скорее подготовить квалифицированных русских юристов. “Я не сомневаюсь в том, — говорил он студентам, — что пройдет еще несколько лет и в России юридическое образование займет приличествующее ему место, ибо там, где существуют юридические нормы, как бы их не называть — законами, декретами, указами, постановлениями и т.д. всегда нужны люди, которые могли бы истолковывать эти юридические нормы и применять их к жизни”⁸. В.А.Рязановский с коллегами еще не догадывались, что нормы права в Советской России трактовались весьма своеобразно и надеялись, что она станет новым правовым государством. “Может быть, у некоторых возникает сомнение, зачем на Юридическом факультете преподается старое право в то время, когда вся Россия живет новым правом. В ответ на это скажу, что эти сомнения мне представляются и теоретически неправильными и фактически неверными. Прежде всего надо отметить, что, строго говоря, нет старого и нового права, а есть единое право, которое живет и развивается; может быть только старое и новое законодательства”⁹.

В тот период, как отмечал историк Юридического факультета Н.П.Автономов: “Помимо Юридического факультета, организовано экономическое отделение с тремя подотделами: восточно-экономическим, коммерческим и железнодорожным; организованы Подготовительные курсы для китайских молодых людей, которые по окончании классов могли переходить на Факультет и слушать лекции русских профессоров на русском языке. Значительно разрослась профессорская и преподавательская корпорация — только на Русском факультете, без личного преподавательского состава Подготовительных классов, число академических работников доходило до 54. Значительно увеличивается число студентов. Ко времени окончания этого периода студентов, вместе со слушателями Подготовительных классов, было свыше тысячи”¹⁰. На Юридическом факультете В.А.Рязановский читал курсы гражданского права, гражданского процесса, китайского гражданского права, догму римского права и вел семинары по гражданскому праву.

Как декан Юридического факультета В.А.Рязановский понимал, что невозможно поднять уровень профессиональной подготовки русских юристов, находясь только в Маньчжурии. Он помогает своим коллегам отправиться в Париж и защитить свои диссертации перед авторитетной комиссией Русской академической группы. В 1925 г. там защищает диссертацию “Очерки государственного права Китая” заведующий кафедрой административного права В.В.Энгельфельд. Через четыре года успешно защищает диссертацию “Водное право” Г.К.Гинс.

В.А.Рязановский старался поддерживать отношения и с учеными из Советской России. Свидетельством этому является его переписка с известным востоковедом академиком В.М.Алексеевым. В.А.Рязановский посылал ему новую литературу, образцы китайского письма, некрологи об известных китайских деятелях, (в них содержались сведения, которые могли пригодиться для занятий). В.М.Алексеев писал В.А. Рязановскому, что смотрит на профессоров Юридического факультета как “на форпост русской науки и культуры”. В.А.Рязановский огорчался, что так и не смог завязать официальных отноше-

ний с Академией наук СССР, которую харбинские ученые считали своим научным центром. Когда в 1927 г. академик В.Л.Комаров был проездом в Харбине, В.А.Рязановский встретился с ним и вручил все труды Юридического факультета. Он попросил В.Л.Комарова организовать обмен литературой, но из этого ничего не получилось.

Переписка с В.М.Алексеевым была отдушиной для В.А.Рязановского. В ней он подробно рассказывал о том, что делал и о себе самом. "В частности, в 1923 г. Фак-т по моему предложению, — писал он, — ввел преподавание кит. языка и изучение его (эта область китаеведения была в особом загоне). Под моим неустанным наблюдением происходит оно и до сих пор и скоро будут выпущены новые труды по китайскому уголовному, административному и торговому праву (если у Факультета будут средства) и т.д. В качестве декана я способствовал открытию при Факультете в 1925 г. экономического отделения, а в 1926 г. — восточного отдела, т.е. краеведческому уклону Факультета в более широком масштабе. В частности, состою и одним из редакторов задуманного большого труда по китаеведению. Естественно, что без одобрения, помощи, а часто и инициативы декана научная работа ф-та, как целого, не могла бы успешно развиваться. В частности, я стараюсь систематизировать работу членов Ф-та, ставить определенные задачи (изучение права Китая, финансов Китая, общий обзор современного состояния Китая). Конечно, мне уже, как декану, приходится выносить значительную часть ударов, сыплющихся в последние 1 1/2 года на Фак-т. Я лично стараюсь посылить участвовать в указанной работе — как работами по гражданскому праву и процессу вообще, так в особенности по восточному праву. За последние годы, несмотря на ответственную работу на КВжд, на администраторские обязанности по Фак-ту, на преподавательскую работу (нагрузка, как видите, немалая), я все же кое-что сделал и в области науки. Кроме большой работы — лекции по гражданскому праву (участник в 5 выпусках, около 500 стр., изд. 1922-1924), ряда очерков и статей по гражданскому праву и процессу, я напечатал ряд больших и малых работ по монгольскому и китайскому праву, <...> Недостатком моих последних работ, между прочими недостатками, является и незнание восточных языков. Я изучал в свое время монгольский язык и начал здесь изучать китайский, но недостаток времени не дал мне возможности довести эту работу до желательных результатов <...> Должен признаться, что, состоя пятый год деканом Факта в местных условиях и наряду с другой работой, я уже начинаю выбиваться из сил и нуждаюсь в передышке и мечтаю о том, когда можно будет в сравнительно спокойной обстановке, не торопясь между мелкими заботами дня, научно поработать. Должно быть, никогда <...> Чувствуя силы и способности на большее, принужден был все эти годы ограничиваться возможным и только мечтать о большой научной работе. А время идет, годы уходят, и силы убывают (Сегодня как раз исполнилось 45 лет)"¹¹.

Тем не менее, В.А.Рязановский продолжал большую организационную работу. С осени 1926 г. он открывает на экономическом отделении Факультета восточно-экономический подотдел (впридачу к уже существовавшему восточно-юридическому). "Восточно-экономический подотдел, — говорил он в докладе о деятельности Факультета, — носит краевой характер, имеет целью создать образованных деятелей в различных областях и, главным образом, в экономической здесь, на месте. В Маньчжурии сталкиваются экономические интересы Китая, России и Ниппон. В силу этого подотдел подразделяется на два цикла: китаеведения и ниппоноведения. Здесь, кроме основных экономических и юридических дисциплин, преподаются: география Восточной Азии (главным образом Китая и Ниппон), история Восточной Азии, этнография Восточной Азии, экономическая география Восточной, история культуры Китая, государ-

ственное право Китая и Ниппон, гражданское право Китая и Ниппон, международные отношения в Восточной Азии, пути сообщения Восточной Азии, банковская и денежная система Китая, экономика хозяйства, торговли и промышленности Маньчжурии, английский язык, ниппонский язык и др. Для экономиста, желающего работать на Дальнем Востоке, мы даем сведения по географии, истории, этнографии, праву, экономике стран Дальнего Востока (главным образом Китая и Ниппон) и мы будем учить его, главным образом, разговорному языку и затем уже современному литературному китайскому или ниппонскому языку. Наша цель практическая: дать возможность таким лицам работать в крае и в пределах этого"¹².

В стенах Юридического факультета трудилось немало профессоров и преподавателей, которые занимались проблемами Китая. Свидетельство тому — многочисленные публикации на китайскую тему в "Известиях Юридического факультета". В 1938 г. под общим названием "Права и Культура" вышла статья приват-доцента И.Г.Баранова об истории постройки конфуцианского и буддийского (Цзи-дэ-си) храмов, которые располагались по соседству с Новым кладбищем в Харбине. Учитывая большой интерес к Востоку, в 1931 г. на Факультете были открыты курсы китайского и японского языков, руководил ими С.Н.Усов, для которого китайский язык был родным с детства. Закончив экстерном восточно-экономический подотдел Юридического факультета, он опубликовал серию учебников и учебных пособий по китайскому и русскому языкам, иероглифике, фонетике и фонетическим упражнениям, методике преподавания языка. В то же время научное китаеведение на факультете продолжало оставаться на низком уровне. Вот что писал И.Г.Баранов В.М.Алексееву 27 мая 1927 г.: "Очень жаль, что в Харбине нет ни одного профессора синолога, с авторитетом которого считались бы широкие круги общества. Мне, например, приходится чувствовать недостаток в авторитетном руководителе. С Владивостоком связь очень слабая, да и там теперь синология как будто не блещет новыми исследованиями и трудами [...] Вообще русские синологи — вымирающее племя, хотя и мнящих себя знатоками Китая очень много..."¹³. И.Г.Баранов хотел сдать в 1928 г. магистерские экзамены, но не нашлось специалистов, которые могли бы принять их у него.

Безусловно, что русские профессора-эмигранты хотели бы получать отклики на свои работы с родины. В.А.Рязановский имел очень много рецензий и отзывов на свои труды со всего мира. За вклад в науку он был избран почетным и действительным членом многих обществ (Royal Asiatic Society и др.). Но ни единого слова — ни доброго, ни худого — не получил он из России. В.А.Рязановский писал с горечью В.М.Алексееву: "Но русские юристы и восточники не обмолвились ни словом. И в результате все мои коллеги уже бросили изучать кит. и монг. право: нет смысла тратить свои последние деньги на книги, которые никто не читает и знать не хочет. Я один еще продолжаю работать над монг. правом, но и у меня (к 25-летию юбилею) начали опускаться руки. Меня не читают даже специалисты. Ясно: я не нужен родине. И передо мной встал вопрос: работать дальше по вост. праву и печататься на англ. языке или совсем оставить занятия правом и заняться другой научной специальностью, хотя бы в качестве дилетанта, или даже замолчать"¹⁴. Несмотря на пессимизм, так явственно высказанный в письме, В.А.Рязановский продолжал занятия наукой. Об этом говорят опубликованные труды, вышедшие из-под его пера. Правда, и они вновь остались незамеченными в России.

С весны 1929 г. положение Юридического факультета начинает ухудшаться. 2 марта его перевели под китайское управление и ректором назначили китайца, хотя первоначально власти утверждали, что ничего подобного не произойдет. В.А.Рязановский принимает решение уйти со своей должности. В

знак признания заслуг его избрали почетным членом совета профессоров и вывесили портрет в помещении Юридического факультета.

Жить в Харбине становилось все труднее. Кроме администрирования со стороны китайцев, усиливалась регламентирующая роль японцев. Для контроля за эмигрантами из России они учредили Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурии. Не смирившись с этим давлением, многие начали разъезжаться. 1 июля 1934 г. покинул Юридический факультет Н.В.Устрялов, который с группой профессоров принял советское гражданство. На следующий год вместе с некоторыми работниками КВЖД он вернулся в СССР, где устроился на работу преподавателем Московского института инженеров транспорта. Н.В.Устрялов был арестован 6 июня 1937 г., а 14 сентября 1939 г. его приговорили к расстрелу. Приговор был проведен в исполнение в тот же день. Н.В.Устрялова реабилитировали только 20 сентября 1989 г.

Трагически перенесет закрытие Юридического факультета, которое произойдет 1 января 1937 г., его последний декан В.В.Энгельфельд. Он призывал коллег, несмотря ни на что продолжать работу и искать новые пути в жизни и в науке. Но сам ученый осуществить этот поиск оказался не в силах: 2 апреля 1937 г. по дороге на занятия по японскому языку у него произошел инфаркт¹³.

В.А.Рязановский с семьей уехал в Тяньцзинь, где продолжал преподавать, издавать свои труды и публиковать критические статьи. Но понимая, что японские оккупанты не позволят ему плодотворно заниматься академической деятельностью, он решает навсегда переехать в США. Все свое свободное время он посвящал там работе над изучением русской культуры. Валентин Александрович хотел успеть передать свои знания подрастающему поколению русских эмигрантов. Еще в Маньчжурии он делал наброски к этой теме. Тогда В.А.Рязановский писал: "Хотя вопрос о влиянии на нашу культуру вообще и правовую в частности востока и в особенности монголов — как мы видели — неоднократно поднимался и разрешался нашей наукой, однако, еще раз подчеркнуть значение этого вопроса, снова поставить его на обсуждение и подвергнуть ревизии представляется в наши дни переоценки личных ценностей вполне уместным и своевременным"¹⁴. Соавторами в этой работе стала его жена, написавшая раздел о языке, и старший сын — ему принадлежат главы о Владимире Соловьеве (гл. VII), и об отношениях России и Соединенных Штатов (гл. IX).

Вскоре "Обзор русской культуры" увидел свет. "Очерк носит общий характер, — писал В.А.Рязановский в предисловии. — Углублению автора в рассматриваемые им вопросы мешал, прежде всего, недостаток в распоряжении автора необходимых пособий, относящихся к теме работы, как старых пособий, так в особенности изданных за последние десятилетия главным образом советскими учеными. Кроме того, самый объем темы делает такую углубленную и более детальную работу непосильной для одного человека, хотя бы и представленного в лучшие условия для выполнения такого труда, чем автор"¹⁵.

Несмотря на тяжелейшую болезнь, В.А.Рязановский прожил долгую жизнь. Насыщенная преподавательская деятельность сменялась лекционной работой, подготовкой к изданию новых рукописей. Сейчас трудно судить, сумел бы В.А.Рязановский, работая до конца своего творческого пути в России, воплотить в жизнь все задуманное им и написать столько, сколько он написал. К сожалению, многое из начатого так и осталось в рукописях. В определенной мере не подведены итоги по восточному праву. Безусловно, сказалось и то, что В.А.Рязановский часть творческой жизни прожил вне русской профессорской среды, но то, что он оставил нам, свидетельствует о его огромном таланте и нуждается в дальнейшем изучении. Трагизм людей, подобных Рязановскому, и заключается в том, что их творчество прошло мимо отечественных востоковедов, юристов и культурологов.

Валентин Александрович Рязановский скончался 19 февраля 1968 г. в Окленде. Жена пережила его на семь лет. Нина Федоровна была известным литератором русского зарубежья. Их сыновья стали учеными. Николай Валентинович родился 21 декабря 1923 г. в Харбине. Ныне он профессор русской и общеевропейской истории в университете в Беркли, автор таких известных книг, как "Россия и Запад в учении славянофилов", "Николай I и официальная народность", "История России" и др. Его младший брат — профессор Пенсильванского университета (Александр Валентинович также родился в Харбине 7 декабря 1928 г.) считается одним из лучших специалистов по древней русской истории.

Нельзя сказать, что имя В.А.Рязановского было забыто. По его книгам о русской культуре занималось не одно поколение американских славистов. Время от времени биография ученого появлялась в соответствующих справочниках¹⁸. Из них-то автор этой статьи и узнал о В.А.Рязановском и, заинтересовавшись личностью этого человека, при первой же возможности, когда приехал для научных занятий в Гуверовский институт, постарался встретиться с его сыном. Николай Валентинович сразу же откликнулся на просьбу. Разговор начался в его кабинете, а продолжился в небольшом университетском кафе. Именно там профессор и поделился со мной сведениями о своем знаменитом отце. Завязалась переписка, в результате которой и родилась эта статья.

1. Скачков П.Е. Библиография Китая / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 668; Мелихов Г.В. Предисловие // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 152-155; Сонин В.В. Жизнь и деятельность российского профессора-эмигранта В.А.Рязановского (1884-1968) // Вологодские чтения: Научно-техническая конференция. Международная политика и право. Процессы гуманизации и гуманитаризации. Тезисы докладов. Владивосток: ДВГТУ, 1998. С. 23-24.
2. ГАПК, ф. 117, оп.3, д. 3, л. 42-43.
3. Решения Владивостокской судебной палаты за 1921 г. Владивосток: Юридическое обозрение, 1922. 31 с.
4. Заверняев И.С. Памяти профессора В.А.Рязановского // Русская жизнь. 1968. 26 июня.
5. Дальневосточный университет // Русский край. Харбин, 1924. 16 апр.
6. Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине. Исторический очерк // Право и культура. Сборник в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юридического факультета в городе Харбине. 1920-1937. Харбин: Русско-маньчжурская книготорговля, 1938. С. 8.
7. ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 4459, л. 1-2.
8. ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 2014, л. 4.
9. Там же.
10. Автономов Н.П. Указ. соч. С. 23.
11. АПОРАН, ф. 820, оп. 3, д. 699, л. 6-7.
12. ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 2014, л. 5.
13. Архив ПОИВ, ф. 820, оп. 3, д. 143, л. 5, 5 об.
14. Там же, д. 699, л. 35 об.
15. Никифоров Н.И. Профессор В.В.Энгельфельд // Право и культура. Сборник в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юридического факультета в городе Харбине. 1920-1937: Русско-маньчжурская книготорговля. Харбин, 1938. С. 8, 85-86.
16. Рязановский В.А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру. Харбин, 1931. С. 4.
17. Рязановский В.А. Обзор русской культуры. Ист. очерк. Ч. 1. США: Изд. авт., 1947. Л. 5.
18. Зернов Н. Русские писатели эмиграции. Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии и православной культуре. 1921-1972. Boston, Mass.: G.K. Co., 70 Lincoln Street, 1973. С. 111-112.

Культура

Постмодернизм и современная китайская литература

© 2003

Е. Завидовская

В последние десять лет в России стали появляться исследования, по-новому оценивающие русскую литературу XX века, в особенности советский период: андеграундные течения теперь возводятся в ранг ведущих, меняется критерий оценки идеологической составляющей созданных в тот период работ. В России наблюдается активное заимствование принципов и теорий, основная часть которых относится к постмодернистской парадигме (М. Берг, И. Смирнов, В. Курицын и др.). Сходство культурных процессов в двух странах (связанное, прежде всего, с официальным в России или же "неоглашенным" в Китае отказом от старой системы) делает вопрос о состоянии культуры и литературы Китая особенно интересным. Обе страны переживают рост коммерциализации литературы и культуры, снижение статуса литературы, усиление влияния переводной иностранной литературы.

Проникновение идей постмодернизма в Китай связано с процессом либерализации общества, начавшимся в 80-х гг. До начала политики реформ и открытости существовала только одна научно-теоретическая парадигма — марксизм-ленинизм. Положение этой парадигмы как официальной до сих пор весьма прочно в Китае. Но в 80-е гг. страна стремилась наверстать упущенное во всех сферах знания, перенять как можно больше из западного опыта. Вновь получили широкое распространение идеи Просвещения и гуманизма, формирующие модернистскую парадигму¹. Повсюду говорили о том, что культура вновь переживает ренессанс.

Ученые из американских университетов, приезжавшие в Китай с лекциями, первыми принесли идеи постмодернизма в Китай, отсюда и значительное влияние теорий американской школы.

При рассмотрении вопроса о постмодернизме в Китае необходимо пояснить, что взгляд на эту проблему изнутри и извне разный. Западные исследователи отводят Китаю место в лагере развивающихся стран, которые в период развития модернизма страдали от западной гегемонии, характеризовавшейся либо полной колонизацией (Индия), либо мощной трансплантацией комплекса западных идей (Япония, Китай). Применительно к развивающимся странам в постмодернистском комплексе разработана теория постколониализма, которая предполагает отказ этих стран от унижительного для них евроцентризма и вы-

работку своих теорий национальной идентичности. Постмодернизм, будучи плодом западной культуры, видит в разнице культур способ противостояния тотальному евроцентризму.

Китайские исследователи постмодернизма (мы имеем ввиду тех, кто эти идеи принимает и разрабатывает) рассматривают это явление как следствие роста рыночной экономики, центрами которой являются большие мегаполисы. В городах наблюдается потребительский бум, в число предметов потребления включаются литература и искусство. Отсюда вывод о том, что к постмодернистским явлениям они причисляют прежде всего развитие масс-культуры и коммерциализацию культуры. При этом они практически не рассматривают Китай как один из центров разработки постколониальной идеологии.

Надо указать, что вопрос о наличии постмодернистского комплекса в Китае также остается открытым. Поворотным моментом, определившим, что "постмодернизму в Китае быть", стал конец 80-х гг., когда был создан ряд новых по стилю произведений. В результате явления в национальной литературе послужили основанием для иностранных теорий. Факт заимствования теоретической базы модернизма в Китае не оспаривается. Китайские исследователи накладывают новые понятия на местную специфику.

Западные и китайские исследователи отмечают, что Китай стремится перепрыгнуть модернистский этап и как можно скорее вступить в фазу постмодерна. Модернизм в Китае ("движение 4 мая" и модернизация 80-х гг.) ставили целью усвоение западного метода мышления и повлекли за собой отказ от местной традиции. Сейчас мы можем наблюдать, что часть интеллигенции готова отказаться от ценностей модерна вслед за Западом.

В июле 2002 г. я встретила в Пекине с профессорами Чэнь Сяомином и Чжан Иу. Чэнь Сяомин работает в Институте литературы Академии общественных наук КНР, Чжан Иу возглавляет кафедру китайской литературы и филологии в Пекинском университете. Профессора Чэнь Сяомин и Чжан Иу стоят у истоков исследования этой проблемы в Китае. Ими написано множество статей и книг по вопросам специфики постмодернизма в Китае.

Предлагаю читателям журнала интервью с китайскими учеными.

Е.З. Позволю себе задать прямой вопрос. По вашему мнению, присутствуют ли признаки постмодернизма в современной китайской литературе?

Чэнь Сяомин: Самые ранние упоминания об этой проблеме относятся к 1980-1981 гг. Дискуссия на эту тему началась в середине 80-х гг. Тогда основная масса специалистов думала, что такого явления в китайской литературе нет или оно недостаточно ярко выражено. Я относился к меньшинству, которое считало, что оно есть, несмотря на отсталость экономики.

Я проводил параллели с латиноамериканской литературой, где постмодернизм существовал независимо от развития экономики. Состояние экономики Латинской Америки 60-х гг. было значительно худшим, чем в Китае 80-х гг. Тем не менее тексты Гарсиа Маркеса и Хорхе Борхеса, созданные в тот период, считаются типично постмодернистскими. Конечно на них оказала влияние литература Запада: американский экспериментальный роман Дж. Варта и Пинчона, французский "новый" роман. Но в Китае в 80-е гг. мы также наблюдаем наплыв переводной иностранной литературы.

Чжан Иу: Я считаю, что в Китае действительно существует это явление. В конце 80-х гг. появились молодые авторы, в произведениях которых было много новизны. В частности, активно применялся структурный прием "романа в романе". Произошло полное переосмысление отношения к форме романа.

Крупнейшим событием в Китае 90-х гг. надо считать глобализацию и развитие рыночной экономики. Это элементы постмодернизма. Появились такие явления аналогичные западным, как поп-культура, масс-культ. В то же время в Китае продолжали создаваться авангардные романы, не рассчитанные на широкого читателя.

Достаточно назвать Ван Шо. Его романы и снятые по ним фильмы — пример соединения элитарной и поп-культуры.

Е.З. Какие этапы можно выделить в исследовании постмодернизма в Китае?

Чэнь Сяоин: В 1980 г. выходит первый сборник переводов произведений зарубежных авторов “Сяньдайпай вэньсюэ цзопинь сюань” [Сборник произведений современных литературных направлений], среди них 1/3 произведений можно отнести к постмодернизму. Тогда еще не использовался термин “постмодернизм”, это явление называли “хоуци сяньдай чжуи” (поздний модернизм). Важным событием для Китая стала публикация шанхайским издательством книги американского писателя и критика Джона Барта “Истощение литературы” (The Exhaustion Of Literature) в 1980 г. В Америке она вышла в 1963 г. и отражала формирование постмодернизма в литературе США.

В первый раз термин “постмодернизм” появился в журнале “Ду шу” в 1980 г. Трудно сказать, сам ли автор статьи Дун Диншань изобрел этот термин или это было тайваньское влияние. На Тайване этот переводной термин существовал с конца 70-х гг.

В 1980 г. в Шанхае вышло множество статей по вопросу постструктурализма (Ж. Деррида, Фуко и др.). Можно сказать, что распространение идей постмодернизма в Китае не было тогда никем замечено. Первое глубокое исследование провел Чэнь Кунь в книге “Хоусяньдай сяньсян яньцзю” [Исследование феномена постмодернизма] в 1981 г. Автор рассуждал о таких явлениях, как американский “черный юмор”, театр абсурда.

В 1983 г. выходит перевод романа Гарсиа Маркеса “Сто лет одиночества”, затем печатаются переводы произведений Хорхе Борхеса. Эти произведения оказали влияние на творчество Мао Юаня — первого представителя авангардного направления в китайской литературе.

После инспекционной поездки Дэн Сяопина на юг страны и его известного выступления в 1992 г. стала быстро развиваться рыночная экономика. Началось активное развитие общества потребления, ускорился процесс урбанизации страны. Быстро распространялись системы телекоммуникаций. Именно потребление стало самым сильным импульсом в обществе, стал очевидным уход от плановой экономики. Для формирования спроса начала активно развиваться реклама, массовая культура, сфера обслуживания — бары, рестораны, развлекательные заведения. Все это признаки постмодернистской ситуации.

Важно отметить, что культура также стала объектом потребления. Это касается эстетических оценок, методов выражения. Потребительская тенденция в обществе повлияла на метод выражения в литературе.

Чжан Иу: В 1985 г. произошло важное событие — известный теоретик постмодернизма Фредрик Джеймсон приехал в Пекин. Он два месяца читал лекции в Пекинском университете на тему “постмодернизм и культурологические исследования”. После этого китайские исследователи стали применять новые понятия в отношении к китайской литературе.

В то время многие не обратили внимания на лекции Ф. Джеймсона. Тогда интересовало главное: как проводить модернизацию в экономике. Самым важным гуманитарным вопросом того периода было освобождение личности от давления социалистической системы.

Существенные перемены в китайской литературе произошли в 1987 г., когда появились писатели-авангардисты. Тогда критики обнаружили, что теория модернизма неприменима для объяснения таких новых явлений, как разрушение общесоциологического фона в художественном тексте.

Теоретик литературы Ли То написал хвалебную статью об этом направлении литературы, поставил вопрос о толковании этих произведений. Он предложил называть их постмодернистскими. С появлением своих собственных постмодернистских текстов в Китае начали вновь интересоваться идеями Ф. Джеймсона.

После событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь старая политическая система и идеология сохранялись, но общество стало с меньшим интересом относиться к политике. Граждане проявляли большую терпимость по отношению к существующей социальной системе, общество стало более стабильным. На этом фоне активно развивался рынок, шла глобализация.

Время активного обсуждения темы постмодернизма в Китае уже прошло, пик же дебатов пришелся на 1990-1996 гг. На данный момент все уже признали наличие этого явления. Сейчас гораздо более актуальным для Китая является вопрос глобализации, тесно связанной с постмодерном.

Почему современное китайское общество можно назвать постмодернистским? Потому что оно успешно стало частью мировой капиталистической системы. Более того, Китай является очень важной ее частью. Очень много продукции создается в Китае, здесь очень дешевая рабочая сила. Есть и квалифицированные кадры. Можно говорить, что Китай успешно вошел в мировую систему.

Е.З. Какова связь между авангардным романом конца 80-х гг. и постмодернизмом?

Чэнь Сяомин: В конце 80-х гг. в Китае появилась группа авторов-авангардистов. Их произведения впервые были опубликованы в журнале "Шоу хо" в 1987 г. и резко отличались от романов предыдущего периода, прочно связанных с идеологией. Литература "шрамов", литература реформ, литература "поиска корней" содержала сильный идеологический аспект.

А вот "авангардные" романы не были связаны с идеологией. Художественная ценность их базировалась на другой основе.

Основоположник этого направления Ма Юань занимался тем, что создавал вымышленное прошлое. До этого превалировал реалистический метод изложения, заимствованный из русской и советской литературы.

Новизна подхода заключалась в том, что вымышленное автором выступало как самое подлинное и истинное. Авангардистские писатели поменяли свой взгляд на историю как на объективную последовательность реальных событий и стали вымысел называть индивидуальной истиной. Над ними не довлел более авторитет истории и идеологии.

Я выделяю два типа писательской деятельности: творчество и сочинительство. Раньше было творчество, писатели воссоздавали огромное историческое полотно, описывали историю как глобальное явление. Новые авторы занялись сочинительством. В историях Ма Юаня реальное переплетается с вымышленным. Для него нет единой целостной истории. Общая история прервалась и появилось индивидуальное письмо.

Наиболее яркое отражение новых приемов можно увидеть в произведениях Юй Хуа, Гэ Фэя и Су Туна.

Исследуя их, я причислял авторов экспериментального направления к постмодернизму, а не к модернизму, отличающемуся очень ярко выраженным субъективным сознанием. Здесь же мы наблюдаем, что ведущая роль принад-

лежит структуре текста, методу повествования. Можно говорить, что авангардисты были увлечены экспериментами с формой, они не ставили своей задачей отражать события современности. Новые явления литературы 90-х гг. заставили меня расширить трактовку этого явления.

Чжан Ю: Безусловно, в произведениях авторов-авангардистов можно найти признаки постмодернизма. Для его понимания особенно важны ранние произведения Юй Хуа. Позже в своих романах он перешел на гуманистические позиции. В 1988 г. я написал в журнале "Ду шу" статью о кризисе субъекта в ранних произведениях Юй Хуа, об интересе к теме насилия, отрицании гуманизма, модернизации. Можно говорить, что в новых романах он изменил цель и объект исследования.

Е.З.: Каковы особенности литературы 90-х гг.? Можно ли говорить, что эта литература во многом связана с новой экономической структурой?

Чэнь Сяомин: Авангардисты в качестве материала использовали исторические события. С начала 90-х гг. появляется направление "нового реализма" (*синь сэши*), или "поколение поздно рожденных" (*вань шэн дай*) авторов. Оно обратилось к окружающей действительности Китая. Ведущие авторы этого направления: Хэ Дунь, Шу Пин, Ли Эр, Дун Си Хань Дун, Чжу Вэнь и др.

Важно отметить, что их повествование лишено глубины, в него часто включается описание насилия и эротики. Вместе с тем их письмо очень легкое. Они не придают большого значения завершенности и целостности композиции. Пример тому — ранние произведения Хань Дуна.

В работах этих авторов можно увидеть признаки постмодернизма.

В своих текстах они выступают против исторического дискурса, дискурса государства и власти.

В связи с проблемой постмодернизма заслуживают внимания и произведения женщины-писательниц — Чэнь Жань, Хай Нань, Линь Бай, Сю Кунь. Они рассказывают истории личного характера, часто пишут об интимной стороне жизни и однополую любви, стремятся сохранить дистанцию от общества и мейнстрима и даже противостоят ему.

В конце 90-х гг. появилась плеяда молодых писательниц. Критики называют их "писательницами-красотками" (*мэйжэнь цзоцзя*). Это Вэй Хуэ, Мяннь Мяннь, Чжао По и другие. Они жительницы больших городов, о жизни больших городов и пишут. Их работы отражают процесс формирования общества потребления в современном Китае. Их работы подтверждают тот факт, что литература стала объектом потребления. Обложки их книг обычно украшены красивыми фотографиями писательниц, что безусловно привлекает покупателя. Литература раньше была серьезным явлением, теперь к ней стали относиться легко. Современные авторы описывают моду, моменты интимного характера, ночную жизнь. Это все явления постмодернистской культуры, трудно причислить эти произведения к реализму или модернизму. Модернизм — это отражение сильного самосознания личности, выступающей против общества. Модернизм отличает поиск глубоких символов для выражения индивидуального состояния. В новой литературе мы не найдем противостояния обществу, тут гораздо больше конформизма.

Наряду с этим группа авторов — Сюн Чжэнлянь, Гуй Цзы, Цзинь Гэ — в своих произведениях отражает жизнь той части населения, которая страдает от новой жизни. Это безработные, обманутые новыми хозяевами наемные рабочие. Интересно то, что в их текстах тяготы жизни непременно сопровождаются любовным безумием героев. Нередко эти авторы следуют требованиям, предъявляемым потребительским обществом к литературе, и перенасыщают

свои тексты описаниями эротических сцен. Тем не менее, можно признать, что художественный уровень их работ высок.

Чжан Иу: Раньше в Китае была плановая экономика. Теперь общество стало потребительским. Постмодернизм — это неминуемый спутник глобализации. В Китае критики приняли следующую терминологию: 80-е гг. — литература “нового периода” (*синь шици*), 90-е гг. “пост новый период” (*хоусинь шици*). Можно сказать, что этот термин обозначает постмодернизм с китайской спецификой.

В Китае модернизм продолжался, начиная с поздней Цин до 80-х гг. XX века, после этого страна вступила в период постмодернизма. В 90-е гг. появилось несколько направлений, связанных с постмодернизмом.

Одно из них — так называемое новое состояние (*синь чжуандай*) — отражает реакцию писателей на экономические и социальные перемены; это в первую очередь городская литература. Направление “нового состояния” созвучно западному постмодернизму по стилю, ибо уровень и стиль жизни в больших городах Китая уже почти не отличается от западного.

Также появились очень молодые авторы, рожденные в 70-е гг.

Сейчас среди писателей произошло серьезное размежевание. Часть их идет в ногу с процессом глобализации, новой экономикой. Их книги являются проводником, через который распространяются новые буржуазные ценности и идеи. Среди современных авторов, рожденных в 70-е гг., заслуживает внимания Вэй Хуэй с романом “Шанхайская крошка”. Роман включает не только описание сексуальной жизни китайки, но и политические моменты, например, восприятие образа жизни других народов и национальностей, проблема границы между нацией и государством. Вэй Хуэй уже была переведена на Западе, у нее есть мировое имя, но ее роман запрещен в Китае. Кстати, попытка правительства запретить какой-либо роман приводит к обратному эффекту. Его автор сразу становится очень популярен на Западе. Выразителями нового направления в литературе являются также писатели Хань Дун, Чжу Вэнь, Ли Давэй, Цю Хуадун, Хэ Дунь.

Другая часть авторов выступает против рыночных отношений и разрушения традиционного уклада жизни. Яркими представителями этого направления являются Чэнь Чжунши, Чжан Чэнчжи, Чжан Вэй и др.

Е.З.: Каковы отношения между “чистой” и популярной литературой в Китае?

Чэнь Сяомин: Сейчас трудно провести грань между “чистой” и популярной литературой. Если смотреть на цифры, то видно, что объем продаж произведений “чистой” литературы в 90-е гг. был очень высоким. Лучший пример тому романы Цзя Пинва. Также много было продано экземпляров романа Чэнь Чжунши “Деревня Байлуоань”. Я высоко оцениваю роман Вэй Хуэй “Шанхайская крошка”. На мой взгляд, это также образец “чистой” литературы, писательница прекрасно владеет языком и стилем.

Сейчас центральные издательства не берутся печатать сложные произведения “чистой” литературы. Это делают мелкие издатели, которые обеспечивают рекламу, “обложку”, тем самым добиваясь окупаемости книги. Например, новый роман Ли Эр “Переливы голоса”, который можно назвать экспериментальным по форме.

Чжан Иу: Надо говорить о том, что литература постмодернизма состоит из элементов элитарных (например, авангард) и поп-культуры. И в популярной литературе можно проследить много постмодернистских факторов. Например, прием деконструкции. Этот и другие приемы уже проникли в массовую культуру.

Е.З. Каковы все-таки особенности постмодернизма в Китае? Нельзя ли считать, что критики просто перенесли западную терминологию на китайскую почву?

Чэнь Сяомин: Конечно, надо говорить о наличии иностранного влияния — Маркеса, Борхеса, Кафки, французского “нового романа”. Но уже тот факт, что произведения написаны на китайском языке, говорит о безусловном наличии национальной специфики. Творчество иностранцев было переосмыслено в Китае. Сначала Ма Юань и Мо Янь начали писать под влиянием Борхеса. Они в свою очередь оказали влияние на работы Гэ Фэя, Су Туна.

Период развития постмодернизма в Китае очень короткий. Начинается он с конца 80-х гг., когда стали экспериментировать с текстом и языком. В середине 90-х гг. авторы отходят от описания исторического процесса. В конце 90-х гг. литература все более определяется требованиями потребительского общества. Можно сказать, что постмодернизм в Китае прошел несколько этапов.

Чжан Ю: В основном развитие постмодернизма в Китае связано с процессом вхождения в систему мирового капитализма. Социальные условия Китая определили особенности постмодернизма, который очень плотно связан с рынком и капитализмом. Постмодернизм — это реакция культуры на эти изменения, выражающаяся в упрощении повествования, разрушении его глубины и структуры.

Важно отметить, что период модернизма не был завершен в Китае, ибо его желания и стремления еще не удовлетворены. В то же время присутствуют постмодернистские явления. Конечно, есть стремление индивида к обогащению, но оно проходит на фоне становления системы мирового капитализма. Можно говорить, что в Китае модернизм и процесс модернизации еще не завершились, но так как возник постмодернизм, отпала необходимость в его завершении. Важно отметить, что глобализация заменила собой модернизацию в Китае.

-
1. Ряд западных теоретиков (Ф. Джэймсон, М. Фуко) трактуют постмодерн как отказ от идеологии Просвещения, которая была движущей силой развития западной цивилизации вплоть до середины XX в. Этот период истории они называют модернистским.

Памятные места Китая. Цюаньчжоу

© 2003

В. Буров

В декабре 2002 г. мне посчастливилось посетить город Цюаньчжоу в провинции Фуцзянь. Я пишу "посчастливилось", потому что благодаря этой поездке я открыл для себя город, который сыграл важную роль в истории Китая, но который до сих пор неизвестен в России. Между тем Цюаньчжоу — это бурно развивающийся современный город, в котором много исторических памятников, в том числе более десяти памятных мест общенационального значения, взятых под охрану Центральным правительством, и десятки достопримечательностей провинциального и местного уровня.

Цюаньчжоу расположен на берегу Южнокитайского моря между городами Фучжоу и Сямынь, примерно в часе лета от Шанхая. Первое упоминание о Цюаньчжоу относится к началу нашей эры, но только в VIII веке, при Танской династии, он стал низовой административной единицей. Иностранцы называли его Цзайтуном. Произошло это вот почему. Местные жители любили выращивать декоративные тунговые деревья ("цытун"), благодаря которым весной и летом весь город был в цветах. Приезжавшие сюда персы и арабы в восхищении восклицали "какое красивое тунговое дерево", но им слышалось не "цытун", а "цзайтун" и так это название закрепилось за городом.

В средневековье Цюаньчжоу стал портом, его жители занимались морским промыслом, совершали путешествия в другие страны и регионы, сюда же приезжали чужестранцы. В 1291 г. из Пекина в город вместе с монгольской принцессой прибыл венецианец Марко Поло. Он был послан императором Хубилаем сопровождать ее на свадебную церемонию в Персию. В путевых заметках Маэрко Поло называл Цзайтун (т.е. Цюаньчжоу) одним из двух самых крупных портов во всем мире. Он писал: "Мы прибыли в очень большой процветающий порт Цзайтун. Сюда заходят корабли из Индии, привозят ценные товары, среди которых очень много драгоценных камней и красивых украшений...". Кроме Марко Поло в город приезжали и другие путешественники из Европы и Азии, его частыми гостями были арабы, многие из которых оставались здесь жить. К своему удивлению, я узнал, что в Цюаньчжоу до сих пор существует мечеть, построенная при династии Северная Сун в 1009 г. Она расположена почти в самом центре города. Кроме нее другим памятником мусульманской культуры является "священная могила" или "священная мусульманская могила", относящаяся к периоду династии Тан. Согласно историче-

Буров Владлен Георгиевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

* Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную возможность совершить данную поездку секретарю городского комитета КПК г. Цюаньчжоу Ши Юнкану и профессору Центральной партийной школы при ЦК КПК Чжао Суфэну, заместителю председателя Постоянного комитета городского собрания народных представителей Чжоу Чжэнпину, начальнику канцелярии народного правительства города Ли Ципину, заместителю начальника городского управления развития Хуан Шитуну, а также водителю — Фаню, которые сопровождали меня во время этой поездки.

ским преданиям, тогда в Китай для миссионерской деятельности прибыло четыре мусульманских проповедника, из них два поселились в Цюаньчжоу. Здесь они прожили до конца жизни, их похоронили у подножия горы Линшань. Над могилами — надписи на арабском языке. Прибывая в Цюаньчжоу, арабы брали китайские фамилии, обычно — Пу, Го, Дин, Цзинь, Тье, Ге, Шань, Лин, Ли, Хуан и др. Постепенно они ассимилировались с китайцами. По разным оценкам в городе насчитывается от 15 до 50-60 тыс. мусульман, однако истинно верующих среди них лишь две тысячи. В последние годы Цюаньчжоу стал местом паломничества высоких гостей и дипломатов из многих мусульманских государств.

В центральной части Цюаньчжоу

Первоначально площадь Цюаньчжоу составляла всего 6,8 кв.км, теперь — 48 кв.км. Она включает в себя четыре городских района, три волости, один открытый район, три города. Напротив Цюаньчжоу находятся острова Пэнху — в настоящее время в подчинении Тайваня. Четвертая волость — это остров Цзинмэн, до сих пор также подчиняющийся Тайваню, он расположен в двадцати минутах езды по морю от города Цзинцзян, относящегося к Цюаньчжоу по административному делению. Именно из него в 1958-1959 гг. велся обстрел гомиьдановских войск, находящихся на острове Цзинмэн. Цзинцзян соединен с Цюаньчжоу всего лишь мостом, фактически они составляют один город. Здесь долгое время функционировал военный аэродром, который стал эксплуатироваться и как гражданский лишь недавно, в 1996 г. Всего в Цюаньчжоу и входящих в него городах и волостях проживают 7 млн 300 тыс. человек, но в самом городе — только около 400-500 тыс. человек.

Как было уже отмечено, многие жители Цюаньчжоу и вообще уроженцы провинции Фуцзянь были страстными путешественниками, в поисках лучшей жизни они отправлялись в страны Юго-Восточной Азии, на Тайвань. В Цюаньчжоу есть два музея, посвященных внешним связям жителей города. В музее морских путешествий цюаньчжоусцев существует выставка моделей древнейших кораблей, а специальный зал посвящен религиозным верованиям, распространенным в городе в различные периоды его истории, например, в средневековье в Цюаньчжоу какое-то время жили последователи манихейства и иудаизма, в настоящее время здесь есть также католики, протестанты. В музее находится экспозиция, посвященная китайскому национальному герою Чжэн Чэнгуну (Жоксингу), который, как известно, сумел изгнать с Тайваня голландцев. Его могила расположена недалеко от Цюаньчжоу в городе Наньань, откуда он родом, здесь же — музей, посвященный ему.

В Цюаньчжоу в музее китайской эмиграции множество экспонатов, посвящающих об истории поездок уроженцев города в другие страны и регионы.

Многие жители его переселялись на Тайвань. Неудивительно, что в настоящее время из 23 миллионов тайваньцев больше половины — потомки китайцев, живших когда-то в провинции Фуцзянь, прежде всего в Цюаньчжоу. И жители Цюаньчжоу, и жители Тайваня говорят на одном и том же диалекте китайского языка — южнофуцзяньском, который называется диалектом “миннань” (Мин — это другое название Фуцзяни, а нань — означает Юг), этот диалект распространен в южной части провинции Фуцзянь — треугольнике между Цюаньчжоу, Чанчжоу и Сямынем.

Цюаньчжоу и Тайвань связывает не только диалект, но и общий религиозный культ Мацзу, популярный среди уроженцев провинции Фуцзянь, живущих ныне в различных странах мира. В январе 2001 г. я побывал в храме Мацзу на Тайване, однако главный храм этого религиозного культа находится именно в Цюаньчжоу. Неудивительно поэтому, что десятки тысяч тайваньцев считают своим долгом посетить его и расположенный в нем храм Мацзу. Обычно это происходит два раза в год — 22-го марта и 3-го сентября — в день рождения и гибели основоположницы культа. В эти дни в городе устраивают торжественные церемонии, собирающие тысячи людей.

Культ Мацзу возник около восьмисот лет назад, при династии Южная Сун. Примерно в это время в местечке Путянь в районе Цюаньчжоу родилась девочка Линь Монянь. Линь — фамилия, а Монянь — имя, означающее дословно “молчаливая девочка”. В детстве она не говорила, а только молчала — отсюда и произошло ее имя. Повзрослев, Линь стала оказывать помощь рыбакам в их нелегком труде. Когда ей было немногим больше двадцати лет, она погибла в море, спасая рыбаков. Постепенно сложилась легенда, что Монянь была своего рода младшей женой Неба, при императоре Канси ей официально присвоили титул “Небесная императрица”.

Мацзу считается богиней моря, оберегающей путешественников, рыбаков от жизненных невзгод, трудностей. Храм в ее честь был построен в 1196 г. и носит название “Храм небесной императрицы”. В одном из его двориков каменные доски с фамилиями лиц — жертвователей денег в пользу храма. Обычная сумма составляет 500-1000 юаней, но есть специальная доска, посвященная только одному жертвователю. На ней выбиты его фамилия и изображение, поскольку он передал на нужды храма 20000 юаней. Жертвователями часто являются жители Тайваня.

В Цюаньчжоу и его окрестностях много храмов, большинство из которых имеют длительную историю. Начало сооружения храма Кайюань относится к династии Тан (686 г. н.э.). Это один из самых крупных буддийских храмов Китая, его площадь равна 770 кв.м. В нем более десяти построек, которые соединены между собой маленькими двориками. Самыми высокими постройками являются две пятиярусные башни, расположенные друг против друга на расстоянии примерно 150 м. Они выдержали сильное землетрясение 1604 г., хотя некоторые другие постройки храма были разрушены. В одном из двориков привлекает внимание красивая стелла. Одна из пагод храма покоится на двенадцати старинных опорах.

По бокам главного зала храма симметрично расположены два конусообразных сооружения, сужающихся кверху. В обоих примерно от 20 до 40 ярусов, опоясывающих их. В каждом из них от 30 до 50 ячеек — в зависимости от высоты сооружения, — в которых лежат небольшие полоски белой бумаги с различными фамилиями людей, родные и близкие которых таким образом просят у Будды, чтобы он даровал им спокойную, достойную, безмятежную жизнь. Конусообразные сооружения постоянно вращаются и подсвечиваются, что придает им эффектный вид, особенно вечером.

В Цюаньчжоу и его окрестностях несколько конфуцианских храмов. Самый большой из них — Фувзньмяо, расположенный в центральной части города. Начало его сооружения относится к периоду династии Тан, нынешние постройки — периода Цинской династии. Слева от входа в главный зал храма

— павильон, где представлены изображения исторических личностей — уроженцев Цюаньчжоу. Здесь и политические деятели, например, Лян Кэцзя, бывший премьером-министром (цзайсяном) при Цинах, и мыслители — самые известные среди них Ли Чжи, знаменитый философ конца правления Минской династии (в городе есть его специальный музей, расположенный в доме, где он провел свои юношеские годы), и Чжу Си, служивший в городе несколько лет чиновником, а также Цай Цин, который известен своими исследованиями классического труда “Ицзин”. Конечно, в Галерее знаменитых цюаньчжоусцев есть и Чжэн Чэнгун, а также Ши Лан, который сыграл в прошлом важную роль в объединении Тайваня с материковой частью Китая.

Недалеко от города находится охраняемый государством парк Цинюаньшань площадью 62 кв.км. Это очень живописное место — покрытая кустарником гора, на вершину которой ведет шоссе. С нее открывается прекрасный вид на город. Самое высокое место здесь — 615 м. над уровнем моря, в парке — 9 больших каменных скульптур, связанных с даосизмом и буддизмом. Они относятся к периоду правления династий Сун и Юань. Есть и современная постройка в конфуцианском стиле.

Главная достопримечательность парка — огромная статуя Лао-цзы, это самое древнее и самое большое в Китае скульптурное изображение древнекитайского философа — высотой в 5,63 м. и шириной в 8,01 м.! Скульптура создана в период Сунской династии и представляет Лао-цзы как великого мудреца: его глаза кажутся закрытыми, но они обращены вдаль и как бы могут видеть все на далеком расстоянии. В парке похоронен прах известного деятеля китайской культуры 20-30-х гг. прошлого столетия Ли Интуна, много сделавшего для знакомства китайской общественности с западным искусством — живописью, музыкой, классической оперой, в частности, с оперой “Чио-Чио-Сан”.

К комплексу парка Цинюаньшань относится заповедник Цзюжишань, расположенный в поселке Фэнчжоу. Когда-то, в период средневековья он был центром всего уезда, Цюаньчжоу входил в его состав. Точно так же, как Шанхай еще в XIX веке входил в состав уезда Сунцзян, в то время как в настоящее время он является районом Шанхая. Заповедник Цзюжишань представляет собой парк, в центре его два невысоких, но очень крутых холма, примерно 100 м. высоты. Заповедник знаменит своими большими естественными камнями, на них надписи, рассказывающие о различных исторических событиях, происходивших здесь, начиная со времен династий Суй-Тан. Первое упоминание о Цзюжишане относится к 288 г. н.э. В это труднодоступное уединенное место часто совершали паломничество многие известные персонажи китайской истории — императоры, премьер-министры, некоторые из них оставались

здесь жить — тут было хорошо думать о прожитых годах, писать стихи, рисовать картины. По преданию, один монах прожил в Цзюжишане 44 года вплоть до своей смерти, ни разу за это время не спустившись вниз.

В середине одного из холмов — храм, построенный в 965 г., в нем громадная статуя Будды. В Цзюжишане дважды побывал знаменитый китайский философ Чжу Си — он читал лекции в расположенном поблизости монастыре. В настоящее время здание монастыря восстанавливается, а крестьян, превративших места, где он был расположен, в поля сельхозназначения, переселяют.

Нельзя не отметить, что городские власти Цюаньчжоу уделяют большое внимание сохранению его исторических памятников. В отличие от больших городов, прежде всего Пекина и Шанхая, которые теряют свой национальный облик, превращаясь постепенно в мегаполисы, подобные Нью-Йорку и другим американским городам, в Цюаньчжоу делается все по-другому. Город поделен как бы на две части — историческую и современную. При реконструкции исторической части здесь старается сохранить китайский колорит, в ней не разрешается строить дома выше пяти этажей, переделывать фасады зданий, обновлять их можно лишь внутри. Такова, например, улица Сунь Ят-сена (Чжуншаньлу), на которой расположено много магазинчиков. В своего рода крытых галереях, предохраняющих от дождей, которых в этих местах их бывает очень много весной и осенью. Исторической достопримечательностью города являются также мосты, постройка которых относится к эпохе династии Сун. Наиболее знаменитый из них называется мост Лоян (его возвели строители из г. Лояна). Длина моста — 1200 м., ширина — 5 м. Это первый в Китае каменный мост, соединивший два берега в заливе. Его называют мостом № 1 в Китае.

В окрестностях Цюаньчжоу, в волости Дэхуа, находится фарфоро-фаянсовое производство, которое не менее знаменито, чем цзиндэчжэньское в провинции Цзянсу и имеет такую же многовековую традицию.

В современной части города дома высокие — 10-20 этажей, в образцовых микрорайонах (один из них я посетил) жилые здания в 6-7 этажей со своим общественным центром, магазином, школой, детским садом. Квартиры здесь предназначены для кадровых работников, представителей интеллигенции, и продаются по цене ниже рыночной — до 1000 юаней за кв.метр; в обычных новостройках цена квартир в два раза дороже.

Довелось мне увидеть и район дач для богатых китайцев, расположенный на холме, возвышающемся над морем. Дачи обычно двух-трех видов, двухэтажные, с небольшим садиком и гаражом на первом этаже. В последнее время в Цюаньчжоу наблюдается бум покупок автомашин и мотоциклов. Один квадратный метр в дачном поселке стоит не менее 4 тысяч юаней. Приятно радуется глаз чистота и ухоженность улиц Цюаньчжоу, в городе несколько парков, созданных в последние годы, в центре парка Западного озера (есть парк и Восточного озера) — искусственный остров, на котором обитает несколько тысяч птиц.

В Цюаньчжоу много чайных магазинов, примерно 600-700, местная достопримечательность — чайный домик с пятью двориками. В каждом из них столики: одни деревянные, другие — мраморные, в центре которых небольшие, заполненные водой углубления, где плавают маленькие рыбки. Обслуживают посетителей молодые девушки в традиционном китайском наряде — красном халате-платье. Вечером в домике играет народная музыка, выступают устные рассказчики-“шошуды”. Сюда приходят, чтобы насладиться настоящим чаем. В Цюаньчжоу говорят не “пить чай” (“хэ ча”), а “пробовать чай” (“пин ча”). В последние годы в городе сложилась новая традиция — ходить друг к другу в гости с маленькой коробочкой, в которой 2-3 упаковки чая. Во время чаепития происходит своеобразное соревнование — сравниваются вкусовые качества чая хозяина и гостей.

Цюаньчжоу знаменит на весь Китай своим чаем “ули”, который производится в волости Аньси. Понимающий толк в чае обычно стремится поку-

пять чай “улун”, произведенный именно в этом месте. Волость Аньси дает свыше 50% всего китайского производства такого чая. Сортов “улун” свыше десяти, но основные — четыре: “бэншань”, “маосье”, “хуанцзиньгуй” и самый знаменитый “тэгуаньин”.

Мне довелось побывать в Аньси — своего рода чайной столице южного Китая. Волостной центр окружен невысокими горами, на склонах которых выращивается чай “улун”. Здесь есть специальный оптовый рынок, куда крестьяне приезжают продавать свою продукцию. Он находится внутри современного трехэтажного здания, опоясывающего рынок со всех четырех сторон. В большом внутреннем дворе столы, за которыми стоят крестьяне с мешками,

заполненными чаем. На первом этаже здания множество магазинчиков. Такие же магазинчики есть и в самом волостном центре (оптовый рынок расположен на его окраине), всего в нем их около тысячи и в каждом вам обязательно предложат попробовать чай.

Настоящая чайная церемония — это священнодействие, требующее определенных знаний и навыков. Вся чайная утварь размещается на специальном поддоне, на который сверху кладется особая решетка (доска с отверстиями) для слива воды (расстояние между поддоном и решеткой — несколько миллиметров). Поддон и решетка могут быть либо из дерева, либо из металла. Чайные чашки обычно небольшие, в них лучше сохраняется вкус чая. Вначале их обливают горячей водой — это делается для того, чтобы чайные листки по-настоящему “раскрылись”. Чашки могут также мыть в специальной тарелке. На решетку их обычно ставят металлическими или деревянными щипцами. Взятые из упаковки чайные листья взвешиваются на аптекарских весах. Одна заварка должна весить примерно 7 г., но поскольку таких гирек нет, то обычно ставят пятиграммовую гирьку, и когда чайные листки слегка перевешивают, то считают, что это и есть 7 г. Чайные листья кладут в заварную чашку и заливают горячей водой, ждут минуту-другую и потом первой заваркой обливают чашки внутри. Пробовать чай начинают только со второй заварки, причем вначале подносят ко рту крышку заварной чашки, чтобы почувствовать запах чая, затем берут чай на язык, как бы определяя его вкус и только затем начинают пить. Вот почему в Цюаньчжоу и говорят: “мы пробуем чай на вкус”. При заварке чай “улун” приобретает светлый цвет. Одну заварку чая можно использовать до 15 раз, но лучше всего ее вкусовые качества сохраняются до 7 раз. Когда чай разливают, крышку заварной чашки немного открывают. Вместо нее можно использовать заварной глиняный чайник (он обычно коричневого цвета), стоящий от десяти до нескольких тысяч юаней. Известные мастера, делающие заварные чайники, обычно имеют свое клеймо. Лучшие из них производятся в провинции Цзянсу.

Чай, который я пробовал в самом Цюаньчжоу и Аньси, не идет ни в какое сравнение с тем, что продается в российских магазинах под маркой чая “улун”. У настоящего “улун”, как говорят в Цюаньчжоу, “запах ароматный, а вкус горьковатый”. Свой запах и вкус он приобретает на склонах гор, где свежий воздух и чистая вода. При приготовлении чая обычно используют либо

питьевую, либо минеральную воду. Чай “улун” обладает целебными свойствами: он уменьшает вес, придает свежесть лицу, делает его красивым, предохраняет от рака, по утрам очищает организм, вечером — бодрит, по своим тонизирующим качествам чай “улун” равен кофе. 100 грамм “улун” может стоить от 5 до 10 тыс. юаней.

В Аньси под посадками чая занято 300 тыс. му земли, которые дают в год 30 тыс. тонн. Многие крестьяне, и особенно торговцы, делают на чае целые состояния. Хозяин одного чайного магазина, который я посетил, разбогател на торговле чаем “улун” дорогих сортов. Если сам он окончил только начальную школу, то теперь его трое детей учатся в средней школе высшей ступени. Как мне сказали в Аньси, чай “улун” экспортируется в 67 государств, в том числе в Россию.

На втором и третьем этажах здания, внутри которого расположен оптовый рынок в Аньси, находится Музей чая. Его экспонаты рассказывают об истории чая, культуре его производства. На одном из стендов — портрет Лу Юйя (728–804), которого в Китае называют “чайным святым” или “чайным мудрецом”, ему принадлежит своеобразная чайная энциклопедия под названием “Книга о чае” — “Чайный канон” (“Чацзин”). В Музее представлена география чайного производства в Китае. Самых знаменитых видов чая — десять, из них шесть — зеленых, это “лунцзин” из провинции Чжэцзян, “дуцзюймаоцзянь” из провинции Гуйчжоу, “синьянмаоцзянь” из провинции Хэнань, “хуаншаньмаофэн” и “люаньгуапянь” из провинции Аньхуэй, “билучунь” из провинции Цзянсу, еще один — черный — это “цимэнь хунча” из провинции Аньхуэй, один — желтый — это “цзюньшаньиньчжэнь” из провинции Хуань и, наконец, два вида относятся к “улун” — это “уижоугуй” из провинции Фуцзянь и, конечно, “тэгуаньинь” из Аньси.

За годы политики реформ и открытости Цюаньчжоу превратился в современный город, экономический и одновременно туристический центр. Здесь много совместных предприятий, в основном с участием тайваньского капитала, немало товаров, произведенных в городе, идет на экспорт. По объему валового внутреннего продукта Цюаньчжоу превосходит многие другие провинции и провинциальные центры Китая. Уровень жизни его жителей намного выше среднекитайского, и неудивительно, что сюда на заработки приезжают люди из разных провинций.

Кисэн: «Цветы на обочине»

© 2003

Ю. Смертин

Кисэн, "искусные женщины", в традиционной Корее играли важную роль в общественной и культурной жизни и составляли особую социальную и профессиональную группу. Это были куртизанки, обученные музыке, танцам, пению, поэзии, поддержанию разговора – всему тому, что было необходимо для развлечения мужчин из высших классов на банкетах и вечеринках. Они подавали еду, напитки, за деньги оказывали интимные услуги, но не были проститутками в западном смысле.

Институт профессиональных развлекательниц мужчин был общим для стран Восточной Азии. Общими были его основы, уходящие корнями в конфуцианскую мораль.

Однако существовали и страновые различия, обусловленные национальными особенностями. В Китае, например, низкородные девушки для развлечений-«цзи», сосредоточивались в особых заведениях, которые назывались «зеленые беседки», «винные дома», «дома песен» и т.п. В них мужчины искали и находили отдых и умиротворение, изысканную пищу, музыку, танцы. С образованными куртизанками можно было поговорить о поэзии, политике и других возвышенных предметах, хотя их довольно высокий интеллектуальный уровень был по большей части результатом самообразования и общения с клиентами. В этом они были похожи на греческих гетер. Сексуальные услуги в этих встречах занимали второстепенное положение, поскольку, как метко заметила английская исследовательница Рей Тэннэхил, «... добропорядочный муж в Китае часто ходил к проституткам, но не для секса, а для того, чтобы избежать его»¹. Даже люди среднего достатка имели по несколько жен и наложниц, а количество женщин в семьях аристократов исчислялось десятками, и они не страдали от невнимания.

В Японии мужчины из высших классов и зажиточные горожане посещали куртизанок, которые концентрировались в специальных кварталах больших городов. Гейши знали все тонкости этикета, были сведущи в классической литературе и искусствах, а потому были умными и приятными собеседницами. Главным профессиональным качеством гейши был музыкальный талант, умение петь и танцевать. Чтобы овладеть всем этим, необходимо было учиться в специальных школах, а после долго совершенствоваться в своей профессии. Внешняя красота не имела большого значения, а сексуальные услуги не подразумевались при заказе девушки через чайный дом, хотя и не исключались при ее согласии. Зарабатывать проституцией гейшам запрещалось законом, на этом поприще официально трудились т.н. ойран.

Чтобы лучше понять специфику и значение корейского института *кисэн*, необходимо обратиться к положению женщин в Корее.

Роль и поведение женщины в традиционном корейском обществе определялись конфуцианскими стереотипами: она должна быть внимательной невесткой, послушной женой, мудрой матерью и, в случае смерти мужа, целомудренной вдовой.

Девочка с семилетнего возраста ограждалась от компании мужчин и мальчиков. Она обучалась премудростям домоводства, включая приготовление пищи, в том числе и жертвенной, вышиванию, шелководству. Книжная образованность, однако, считалась только мужской добродетелью. Женщины из семей высшего класса, состоявшего из конфуциански образованных государственных чиновников-*янбанов*, осваивали некоторое количество китайских иероглифов, могли читать и писать по-корейски, но грамотность не входила в число обязательных качеств, коими были целомудрие, спокойствие, услужливость, сдержанность в разговоре, опрятность, аккуратность и умелость в гостеприимстве.

Женщины жили на своей половине дома, им запрещался непосредственный контакт с мужчинами за пределами семьи. Если муж находился в отъезде, а его друг, не зная этого, приходил в гости и находил женщину одну, последняя обязательно должна была использовать непрямую форму общения. Она не разговаривала с гостем, а объясняла воображаемой служанке, где находится ее муж. За пределами дома женщины перемещались в закрытых паланкинах или прятали лица под специальной накидкой.

Выйдя замуж, женщина уходила в дом мужа и становилась ответственной за экономику домовладения, обладая довольно широкими правами собственности. Она была блюстителем родственных отношений в семье, но не участвовала в совершении обряда почитания предков. Женщины обычно пользовались уважением, и мужчины их побаивались. Женское интриганство, сложные отношения между свекровью и невесткой вошли в пословицы. При определенных условиях власть женщины в семье (а иногда и в государстве) могла быть огромной: если мужчина умирал, оставляя несовершеннолетнего сына, его жена становилась главой семьи до женитьбы наследника; если умерший мужчина не имел сыновей, его вдова становилась главой семьи до тех пор, пока сама не назначит наследника (поэтому некоторые короли назначались вдовствующими королевами). Простолюдины стремились следовать большинству *янбанских* идеалов и копировали на своем уровне семейные отношения элиты общества².

Конфуцианство выступало за строгую иерархию в обществе, семье, между поколениями и полами. Браки не были свободными, мужчина женился на девушке, избранной для него семьей. Но он мог иметь т.н. второстепенных жен³ и любовниц, которых выбирал сам. Жена же была обязана в течение всей своей жизни быть сексуально и эмоционально верной мужу. Ей даже запрещалось выражать ревность, это могло стать поводом для развода. Как жена и мать, как домоуправительница, женщина пользовалась уважением в семье, но оно было формальным и не зависело в основном от личных качеств. Она воспринималась конфуцианским обществом не как уникальная личность, а как важная социально-биологическая функция.

Кисэн жили вне этой конфуцианской системы, точнее, на ее краю. Они принадлежали к наследственному низшему классу *чхонмин*⁴, матери их зачастую тоже были *кисэн*. Девушки, предназначенные к этому ремеслу, рано забирались из семей и готовились для карьеры, которая исключала нормальное замужество и семейную жизнь. Однако, в отличие от остальных корейских женщин, *кисэн* имели большую экономическую независимость и свободу обще-

ния с мужчинами, облаченными властью. Они имели возможность реализовать себя как личность через музыку, танцы, поэзию и свободную любовь.

Главной аудиторией для *кисэн* были король, главный министр, губернаторы провинций, могущественная группа ученой бюрократии, поэты, художники, каллиграфы, аристократы, высокопоставленные военные, иностранные посланники. Традиция дворцовых развлечений с участием *кисэн* идет с периода правления династии Корё (918-1392), когда девушки принимали участие в дворцовых церемониальных банкетах. С усилением неоконфуцианства при династии Чосон (1392-1910), сильно ограничившим свободу женщин (кроме всего прочего им было запрещено принимать участие в званых вечерах), *кисэн* стали выступать при дворе исключительно перед мужчинами.

Во второй половине правления династии Ли *кисэн* были разделены на три класса. Высший и самый привилегированный из них составляли женщины, обученные танцам и пению для развлечения высшего общества: они привлекались для выступлений на государственных праздниках, им разрешалось принимать в своем доме личных гостей. По достижении тридцатилетнего возраста они оставляли свою профессию. Ниже их стояли *кисэн*, которые также обслуживали банкеты в качестве певиц и танцовщиц, но вдобавок подрабатывали проституцией. Третий класс составили проститутки, которым было запрещено исполнять официальный репертуар *кисэн* первого класса.³ В конце правления династии Ли, с разрушением традиционной социальной системы, четкая градация *кисэн* исчезает, и этим словом стали называть всех женщин, профессионально развлекавших мужчин.

Красота большинства известных *кисэн* вошла в легенды, они были желанными партнершами для сексуальных развлечений *янбанов*, готовых дорого заплатить за удовольствие, но их добровольное согласие на связь было обязательным. *Кисэн* сами влюблялись, но, из-за своего низкого социального и юридического статуса, не могли рассчитывать не только на замужество, но и на длительную связь с полюбившимися мужчинами. Они вынуждены были ждать очередного визита возлюбленного, пытались удерживать его как можно дольше, но знали, что рано или поздно он вернется в свою среду, к своей семье, своим женам.

Никто не ожидал абсолютной верности от *кисэн*, эта добродетель была уделом благородных женщин. Поэтому те из них, которые испытывали глубокие чувства к мужчине, пребывали в серьезном моральном конфликте. Есть немало известных историй, повествующих об этом коварном аспекте любовных связей *кисэн*. В одной из них *кисэн* по имени Чхунхян необычайно понравилась сыну правителя уезда. Юноша обещал не покидать Чхунхян ни при каких обстоятельствах и заключил с ней в письменной форме нечто вроде брачного союза. Однако его отец вскоре был переведен в столицу на высокую должность, и сын должен был последовать за ним. Влюбленные поклялись в верности до гроба и расстались с тяжелым сердцем. Новый уездный начальник потребовал профессиональных услуг Чхунхян, и она не имела оснований для отказа. Но женщина хотела остаться верной любимому человеку и всячески противилась домогательствам, за что подверглась суровым наказаниям и была заключена в тюрьму. Тем временем юноша усердно учился в столице китайским премудростям, не забывая о возлюбленной. Триумфальная сдача государственного экзамена в присутствии короля открыла ему путь к государственной службе; он был назначен на высокий пост инспектора в южных провинциях, в том числе и в том самом уезде, где жила Чхунхян. Явившись инкогнито в родные места, юноша узнал о судьбе любимой и о несправедных делах правителя уезда, и добился его отстранения. Влюбленные воссоединились, а растроганный государь пожаловал Чхунхян титул «верной жены». «Вообще

необыкновенная верность и у замужних-то женщин встречается крайне редко, а тем более у певички – вот что здесь главное», – заключает повествование неизвестный автор⁶. История Чхунхян стала необычайно популярна в Корее. Свобода *кисэн* была ее привилегией, также как и ее добровольная зависимость, – это отличало ее от остальных корейских женщин.

Любовь приходит и уходит, в ней нет постоянства: *кисэн* знали это как никто другой. Свои чувства они многие из них доверяли стихам, которые стали высшим достижением корейской любовной лирики. Их специфический общественный статус позволял свободно говорить о своей любви к мужчинам, игнорируя конфуцианские формальности и этическое лицемерие. *Кисэн* писали стихи в классическом жанре *сиджо*⁷, чрезвычайно популярном в эпоху Чосон. Под влиянием китайской культуры стихотворчество в Корее стало занятием образованных мужчин, рассматривавших свое творчество как средство воздействия на умы правителей и равных себе. Темы в мужских *сиджо* во многом повторяли китайские поэтические образцы. Считалось, что женщины, создания более эмоциональные, неизбежно "портили" поэзию излишней чувственностью и снижали ее назидательный уровень. Поэтому только *кисэн* с их уникальной свободой самовыражения и маргинальным социальным положением могли заниматься поэтическим творчеством.

Поэзия *кисэн* была в основном анонимной. Какими бы совершенными и уникальными ни были их стихи, они не могли рассчитывать на их публикацию и общественное признание. Поэтическое дарование *кисэн* могло высоко цениться мужчинами, которых она развлекала, даже известными поэтами, и приносить некоторые материальные выгоды. Но она не могла претендовать на запись своих биографических данных в официальных хрониках, чтобы войти в историю как признанная обществом творческая личность⁸. Тем не менее, влияние этих поэтесс на лирические традиции корейской поэзии и народную культуру было чрезвычайно большим. Их стихи распространялись устно, собирались в частных коллекциях, и позднее, иногда через век и более после смерти поэтессы, попадали в собиравшиеся учеными-поэтами антологии. Однако зачастую авторов и время создания стихов установить невозможно.

Самой выдающейся поэтессой Кореи считается Хван Джини (1506?-1544?). Она родилась в благородной семье, получила хорошее домашнее образование, но неожиданно для всех стала *кисэн*. Мотивировала она свой поступок неожиданной смертью любимого юноши и осознанием мимолетности человеческой жизни. Ее поразительная красота и талантливость вошли в легенды, и не было при ее жизни мужчин, оставшихся равнодушными к ее достоинствам. В числе ее любовников были самые знаменитые люди, в том числе и Им Дже, известный писатель и поэт. В одной из своих поездок он посетил могилу Хван Джини и под влиянием нахлынувших чувств написал стихотворение в форме *сиджо*⁹.

*Ты спишь под землю, поросшей зеленой травой,
Здесь белые кости твои, красота же исчезла, увы!
Тебя поминаю.... Как грустно! Немного вина выливаю на эту траву.
(Здесь и далее перевод автора)*

Хван Джини (литературное имя Мёнволь, "Ясная луна") создавала любовные поэмы несравненной красоты и искренности. Это поэзия торжества чувственной любви, но, в тоже время, специфика отношений *кисэн* со своими любовниками *янбанами* придает ее стихам привкус сожаления, грусти и горечи. Они пронизаны мыслями о близкой разлуке, и даже надежды на следующие встречи окрашены осознанием временности и случайности любви.

*Ах, что я сделала... Ведь разве непонятно было,
Что он остался бы, коль я бы предложила.
Упрямая, дала ему уйти, и вот теперь скучаю.¹⁰*

Самое известное и самое любимое в Корее сиджо Хван Джини повествует о тоскливом одиночестве в долгие зимние ночи и, в то же время, радостном ожидании страстной встречи с возлюбленным с приходом весны.¹¹

*Середина самой длинной зимней ночи... Часть ее отрежу,
Сложу и положу под одеяло, пахнущее ветерком весенним.
А разверну, когда придет он, чтоб продлить ночь нашей встречи.*

За поэтический талант, за красоту и ум Хван Джини называли одним из трех чудес Кэсона.

Другой знаменитой кисэн была Хоннан, жившая во второй половине XVI в. Сохранилось только одно ее сиджо, оно адресовано высокопоставленному чиновнику и известному поэту Чхве Кён Чану. Их отношения возникли в период пребывания господина Чхве в родном городе Хоннан Кёнсоне, где он находился по делам службы. При расставании кисэн вручила ему глубоко прочувствованные стихи¹²

*Сломала ветку ивы и тебе, мой господин, послала.
Хочу, чтоб посадил ее ты у окна своей опочивальни.
В ночном дожде раскроет она почки - ты думай, это я к тебе пришла.*

Стихотворение полно намеков и традиционных для дальневосточной поэзии символов. Ива – буддийский символ кротости – использовался поэтами как неисчерпаемый образ благодаря своей красоте, податливости и утонченности; она олицетворяла прекрасный пол. Ива была также символом разлуки, и сломанные ее ветви дарили друзьям при расставании. Дождь был эротическим символом. Дождем, согласно архаическим представлениям, небо-мужчина оплодотворяет землю-женщину. Эротизмом растительного происхождения являются раскрывающиеся почки¹³. В корейском оригинале упоминается "дикая ветка ивы", что при переводе на русский язык выглядит несколько странным. Это намек на то, что Хоннан – это дикая, свободная, не прирученная любовь Чхве, в отличие от законной "одомашненной" супруги, матери его детей и невестке его родителей. Чхве Кён Чан был так восхищен ее стихотворением, что перевел его на ханмун ("китайское письмо"), язык, считавшийся престижным в интеллектуальных кругах. Это было самым высоким комплиментом, который мог сделать кисэн человек его положения¹⁴.

Через три года разлуки Хоннан узнала, что Чхве серьезно заболел, и поспешила в Сеул. Семь дней и ночей она провела в пути и, наконец, встретила с возлюбленным. Эта новость шокировала королевский двор, встреча была расценена как крайне неуместная, прежде всего потому, что в это время был объявлен национальный траур по случаю кончины члена королевской семьи. Чхве был смещен с поста, а Хоннан отправили в Кёнсон. После смерти Чхве она провела три года у его могилы¹⁵. Таких верных кисэн было немало. В Корее хорошо известны имена двух из них: Чхунджоль и Юджи. Эти свободные женщины были преданы своим обожаемым аристократам, которые не были даже их любовниками, и носили траурные одежды после их смерти.

Но среди кисэн были и менее возвышенные натуры. Существует много историй о том, как обольстительные кисэн обирали мужчин, исполнявших все

их желания. Судя по ним, особую опасность в этом смысле представлял Пхеньян, славившийся самыми красивыми женщинами. Богатые купцы, приезжавшие в этот город по торговым делам, часто тратили все свое состояние на полюболюбившихся *кисэн* и, разорившись, становились их слугами. Чиновники тоже не отличались стойкостью духа. В классической повести «Ли Чхунпхунджон» рассказывается, как королевский инспектор Ли Чхун Пхун потратил все казенные деньги на *кисэн* и был вынужден пойти к ней в услужение. Существует поговорка, смысл которой сводится к тому, что *кисэн* не будет довольна собой до тех пор, пока у ее любовника остаются деньги.

Кроме знаменитых *кисэн*, пользовавшихся благоволением высокопоставленных мужчин, были и *кисэн*, которые отправлялись в дальние пограничные гарнизоны, где их роль сводилась в основном к сексуальному обслуживанию военных. В период династии Чосон возник также институт т.н. медицинских *кисэн*. Это было связано с тем, что врач-мужчина не мог осматривать женщину. Таких *кисэн* обучали начаткам медицинских знаний, а также китайскому языку, чтобы читать китайские медицинские трактаты. Существовала определенная специализация – головная боль, зубная боль, глазные болезни и т.п.; некоторые обучались на фармацевтов, но им редко позволялось прописывать лекарства. *Кисэн* осматривала свою пациентку за ширмой и описывала симптомы доктору-мужчине, находившемуся по другую сторону ширмы, он то и назначал лечение. Медицинские *кисэн* также исполняли роль надсмотрщиков при знатных дамах, находившихся под арестом, обыскивали женские покои в поисках изобличающих доказательств, передавали яд королевам и придворным дамам в случае, если король приказывал им совершить самоубийство. В качестве яда использовалась смесь золота и ртути, но чаще применялись менее экзотические средства – мышьяк и сок болиголова¹⁶.

О том, какую важность представлял институт *кисэн* в период Чосон, можно судить по многочисленным конфликтам на вершине власти, касавшимся вопросов его численности и содержания. Число *кисэн*, ангажированных правительством и получавших жалование рисом, сильно варьировалось в зависимости от конкретного режима. В ранний период династии каждые три года двор набирал около ста *кисэн*. Примерно столько же посылалось в провинциальные центры и на военные заставы. Немного больше было, видимо, число неофициальных *кисэн* по всей стране. Но во времена правления узурпатора Ёнсангуна (1494–1506), известного своим пристрастием к любовным утехам, число *кисэн* только в столице превысило десять тысяч; они были разделены на сто специализированных категорий. Высшую из них, числом 300, составляли те, кто использовался королевской семьей; на содержание этих женщин шла немалая часть налоговых поступлений. Сам Ёнсангун не пропускал ни одной девушки, взятой его «охотниками на женщин». При его режиме разгорелись острые дебаты по поводу института *кисэн*, которые затрагивали политические, экономические и религиозные проблемы¹⁷. Последние возникли в связи с намерением Ёнсангуна изгнать буддийских монахов из самого влиятельного монастыря Вонгакса и поселить там *кисэн*, что вписывалось в его политику вытеснения буддизма из общественной жизни и превращения неоконфуцианства в государственную религию. Это привело к открытому религиозному и политическому конфликту.

Безмерная увлеченность Ёнсангуна женским полом разоряла государственную казну, что порождало полемику в обществе, которая продолжилась и в последующие столетия. Те люди, которые выступали против института *кисэн*, выступали и против власти конфуцианской бюрократии, поскольку она была основным потребителем услуг куртизанок. Какая-то группа могла критиковать правительство с популистских позиций, заявляя, что расходы на *кисэн*

истощают государство и сокращают расходы на удовлетворение народных нужд. Конфуцианские пуритане осуждали неправедных правителей, погрязших в распутстве и похоти. Те же, кто отстаивал институт *кисэн*, заявляли, что он отвечает принципу централизации искусств и монополизации символов национального единства. Важным доводом был тезис о том, что наличие *кисэн* помогает правительству контролировать армию, особенно войска, находившиеся далеко от столицы¹⁸. После свержения Ёнсангуна группа придворных *кисэн* была распущена. Однако вся эта борьба не поколебала прочность этого корейского национального феномена. Хотя придворные куртизанки были изгнаны из дворца, институт *кисэн* сохранился вплоть до конца последней королевской династии, т.е. до 1910 г.

1. Тэннэхил Р. Секс в истории. М.: Крон-пресс, 1995. С. 175.
2. О положении женщин в традиционной Корее подр. см.: Korean Women: View from Inner Room. Ed. By L.Kendall & M.Peterson. New Haven: East Rock Press, 1984.
3. Браки с второстепенными женами не предполагали общепринятых свадебных ритуалов. Эти женщины, обычно низкого социального происхождения, не имели прав на семейную собственность, они могли быть изгнаны, особенно если не рожали сыновей. Их дочери также зачастую становились второстепенными женами. Подр. см.: A Historical Study of Discriminatory Legislation against the Descendants of Concubines in Korea, 1415-1894 // Transactions of the Korea Branch, Royal Asiatic Society (Seoul). 1966, №XLII.
4. Чхонмин (презираемые люди) составляли особую социальную группу, в которую входили рабы, и представители презираемых профессий: мясники, плетельщики корзин, различные развлекатели, включая *кисэн*, и шаманы. Хотя они были исключены из государственной экзаменационной системы и юридически были бесправны. См.: Ланьков А.Н. Кисэн – куртизанки старой Кореи // <http://www.oriental.ru/a/lankov/302.shtml>.
5. Повесть о верной Чхунхян, не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь // Классическая проза Дальнего Востока. М.: Художественная литература, 1975. С. 368.
6. Сиджо – поэтическая форма, популярная в Корее в XV-XIX вв. Стихотворение этого жанра писались на корейском языке и состояли из трех строк, каждая из которых содержала определенное количество слогов – в сумме 45. Подр. см: Никитина М.И. Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.С. 3-17.
7. См: Contogenis C. Introduction//Songs of Kisaeng. N.Y.: BOA Editions, 1997. P.13.
8. Classical Korean Poems (Sijo). Selected and translated by Kim Unsong. Seoul: One Mind Press, 1987. P.100.
9. Ibid. P.164.
10. Ibid. P.166.
11. Songs of Kisaeng N.Y.: BOA Editions. 1977. P. 37.
12. См: Смертин Ю.Г. Китайская классическая поэзия в контексте языка, истории и культуры. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1999. С.55-67.
13. Kim Kichung. An Introduction to Classical Korean Literature. From Hyanga to P'ansori. L.: M.E. Sharpe. P.121.
14. Чан Ток-сун. Хангук мунхак са (История корейской литературы). Сеул: Тонхва мунква са, 1987. С.337.
15. Pratt K., Rutt R. Korea, a Historical and Cultural Dictionary. L., 1999. P.282.
16. См.: Chang Sa-hun. Women Entertainers of the Yi Dynasty // Women of the Yi Dynasty. Ed. by Park Young-nai. Seoul: Sookmyung Women's University Press, 1986. P.262.
17. Songs of Kisaeng, P. 19.
18. Women of Korea. A History from Ancient Times to 1945. Ed. By Kim Yung-chun. Seoul: Ewha Women's University Press, 1976. P. 140.

Научная жизнь

Научно-теоретическая конференция Центра исторических и политических исследований Китая ИДВ РАН

13 января 2003 г. состоялась организованная ЦИПИК ежегодная конференция, посвященная обсуждению актуальных вопросов внутренней политики современного Китая. В обсуждении приняло участие 15 человек.

Центральное место на конференции заняло обсуждение новых тенденций в жизни и деятельности Компартии Китая, в идеологической сфере, в деятельности профсоюзов, демократических партий и объединений промышленников и торговцев, получивших отражение и новые импульсы в решениях состоявшегося в ноябре 2002 г. XVI съезда КПК.

В докладах Н.Л.Мамаевой (д.и.н., гл.н.с. ИДВ) "Общие цели и задачи партии и страны на ближайшее 20-летие, новое партийное строительство и проблема реформы политической системы" и Р.М.Асланова (к.и.н., заместитель директора ИДВ) "Тройное представительство КПК: путь к социальному миру в КНР" была представлена развернутая аргументация основных положений и выводов их выступлений на Круглом столе ПДВ "Решения XVI съезда Компартии Китая" (См.: Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 1. С. 55-57, 57-58).

Д.А.Смирнов (к.и.н., в.н.с. ИДВ) в своем докладе "XVI съезд КПК: идеологические аспекты" развернул дополнительную аргументацию в пользу тезиса, высказанного в докладах Н.Л.Мамаевой и Р.М.Асланова о том, что одним из главных мотивов разработки обновленной платформы КПК является обеспечение социально-политической стабильности, которая рассматривается как главное условие сохранения высоких темпов экономического роста и продолжения реформ. Суть новой платформы, по автору, это интеграция интересов всех социальных слоев, включая новых, возникших в ходе реформ, в рамках существующей системы общественно-политических институтов на основе единства общенациональных интересов, которые стали фактически рассматриваться выше классовых. Докладчик считает, что корректировка идеологической платформы, адаптация ее к реальной обстановке в стране и в мире в целом, отражает поиск КПК своего собственного пути политических реформ и обоснования легитимности. В новой платформе заметно усиление политического прагматизма (пришедшего вслед за двадцатилетним проведением политики экономического прагматизма), продиктованного новой социально-экономической (появление новых социальных слоев) и идеологической обстановкой (большинство населения воспитывалось и вступило в трудовую жизнь уже в эпоху реформ).

В докладе А.В.Виноградова (к.и.н., в.н.с. ИДВ) "Идея "тройного представительства" как элемент концепции модернизации" развивается мысль, что коррективы, внесенные в платформу КПК на последнем съезде, ставят целью создание новой мобилизационной идейно-политической концепции, важным элементом которой является учет традиционных представлений и форм индоктринации населения.

В докладе В.Ф.Бородича (к.ю.н., с.н.с. ИДВ) "Об идеологическом аспекте политической трансформации Китая и России" обращено внимание на существенные различия в отношении руководства КНР и РФ к идеологической составляющей происходящей в обоих государствах политической трансформации. В годы президентства Б.Н.Ельцина российская власть создала в начале "идеологический вакуум", а затем — условия для внеконкурентного культивирования идеологии либерализма, при Президенте В.В.Путине власть стала по-ощрительно относиться также к идеалам консерватизма. Но в обоих случаях в планах политической элиты не значится массовая политическая мобилизация. В КНР власти в процессе проведения политики реформ сделали идеологию важным инструментом мобилизации части общества, выигравшей от реформ, и инструментом умиротворения тех, кого реформы лишили уверенности в завтрашнем дне. При этом идеология развивается весьма динамично, несмотря на неровный ритм реформ.

В докладе Г.А.Степановой (к.и.н., в.н.с. ИДВ) "Демократические партии Китая и Всекитайская ассоциация промышленников и торговцев (ВАПТ) после XVI съезда КПК" был отмечен ряд существенных моментов в положении и функционировании институтов демократических партий и ВАПТ в связи с обновлением идеологической платформы КПК. На эти организации в значительной мере ложится представительство интересов новых социальных слоев, сформировавшихся в процессе проведения реформ в КНР, прежде всего слоев предпринимателей и других социальных групп, связанных с новыми формами собственности (характерно, что представители этих слоев и групп составляют сейчас свыше половины руководства ВАПТ). Вместе с тем правящая партия осуществляет контроль и регулирование состава этих партий и организаций, в том числе через делегирование в их руководящие органы представителей КПК.

В докладе А.А.Москалева (д.и.н., гл.н.с. ИДВ) "Об управлении "делами религии" в КНР" анализируется содержащаяся в книге Цзян Цзэминя "О социализме с китайской спецификой" установка на усиление управления "делами религии" в КНР, сочетающая неослабевающий партийно-административный контроль с соблюдением правовых рамок этого контроля.

В докладе Л.М.Гудошникова (д.ю.н., гл.н.с. ИДВ) "Особенности подготовки судебных работников высшего звена в КНР" констатируется постоянное наращивание в КНР после 1978 г. пласта законодательных и иных норм, означающих создание новой системы права, способствующей всестороннему прогрессу страны, особенно ее экономики. В целях укрепления кадрового корпуса судебных работников высшей ступени в 1988 г. был создан Китайский центр по подготовке судебных работников высшего звена. В докладе дана подробная информация об организации работы центра, особенностях его учебно-методического процесса.

В докладе Т.М.Емельяновой (к.и.н., ст.н.с. ИДВ) "Обновление законодательства КНР о профессиональных союзах" рассматривается деятельность профсоюзов в КНР на современном этапе, для которого характерно постоянное увеличение удельного веса негосударственного сектора в экономике. В частности, в докладе отмечается уменьшение роли профсоюзов на частных, поселково-воловостных предприятиях и на предприятиях со смешанным капиталом. В докладе анализируются новые положения принятого в 2001 г. закона о проф-

зах, в целом направленного на повышение роли профсоюзов в деле защиты прав рабочих и служащих, создание условий для деятельности профсоюзных организаций на предприятиях новых форм собственности, усиление правовой ответственности администрации предприятий и защиту прав профсоюзных руководителей.

В сообщении В.Г.Ганшина (к.и.н., с.н.с. ИДВ) "Общественные организации КНР — важный элемент реализации идей" тройного представительства" отмечается, что, выдвинув новую идеологическую платформу, руководство КПК таким образом выработало и комплекс политических действий, направленных на укрепление позиций партии в обществе при одновременном изменении некоторых ее функций. В реализации этих планов важное место отводится общественным организациям, неправительственным объединениям, аккumulирующим потенциальные возможности среднего слоя (а не сверхбогатых или сверхбедных граждан).

Следующий крупный блок вопросов, рассмотренных на конференции, охватил вопросы социально-экономического развития Китая, особенно проблемы, оказавшиеся в центре внимания руководства КНР на XVI съезде и после него.

В докладе Ю.М.Галеновича (д.и.н., гл. н. с. ИДВ) "Феномен Ли Чанпина в современном Китае" на материале вышедшей в свет в 2002 г. книги Ли Чанпина (секретаря партийной организации одной из волостей провинции Хубэй) "Я обратился со словами правды к премьеру" [Госсвета КНР] рассматриваются многие стороны положения в сегодняшней китайской деревне, освещение которых не часто встречается в официальной печати. В книге рассказывается о массовых злоупотреблениях чиновников в деревне, ставших, по автору, причиной "самой настоящей бедности" крестьян. Ли Чанпин отмечает большой разрыв в развитии и материальном положении широких слоев населения деревни и в городах. Сам факт публикации такой книги, вызвавшей отклики в ряде газет и журналов КНР, в которых подчеркивается, что в ней "проблема крестьянства поставлена как проблема политическая", показывает остроту проблемы и осознание ее китайским руководством.

И.Н.Коркунов (к.э.н., в.н.с. ИДВ) в выступлении "Продовольственная безопасность КНР и роль государственного регулирования (адаптация аграрной экономики КНР к процессам глобализации)" высказывает мнение, что с присоединением Китая к ВТО обострится вопрос продовольственной безопасности страны. Проблема состоит в низкой эффективности и конкурентоспособности аграрной экономики КНР, следствием чего является более низкий уровень мировых цен на продовольствие, чем в Китае, опасность для китайских производителей дешевого импорта продовольствия из-за рубежа. Все это может осложнить решение проблемы избытка рабочей силы в деревне, понизить доходы крестьян и увеличить трудности модернизации китайской экономики в целом.

В выступлении Л.А. Волковой (к.э.н., с.н.с. ИДВ) основное внимание было уделено значению "Закона КНР о земельном подряде в деревне" (вводится в действие с марта 2003 г.), для защиты права крестьян на самостоятельное ведение хозяйства на подрядной земле, их интересов при полной или частичной передаче этого права другим крестьянам, хозяйственным организациям или кооперативным объединениям. Особый акцент в "Законе" сделан на необходимости соблюдения принципа добровольности и учета экономических интересов крестьян при вовлечении в рыночный оборот их прав пользования землей. Этим принципам не всегда придерживаются на местах, что вызывает недовольство крестьян. Автор считает, что реализация положений закона сможет внести определенный вклад в стабилизацию и совершенствование подрядных отношений, послужит стимулом для увеличения капиталовложений в земледе-

лие, обеспечит правовую защиту интересов крестьян при расширении рынка прав пользования подрядными земельными участками.

Муромцева З.А. (к.э.н., с.н.с. ИДВ) в выступлении "Индустриализация нового типа в КНР: критерии и перспективы развития" остановилась на основных характеристиках индустриального развития Китая в XXI в., определяемого в материалах XVI съезда КПК как экономически эффективное, наукоемкое и техноёмкое производство с низкими затратами ресурсов, незначительным загрязнением окружающей среды и т.п. В выступлении было подчеркнуто, что хотя включение Китая в процесс экономической глобализации дает ему шанс обеспечить рывок в технологическом и экономическом развитии, путь индустриализации нового типа связан с необходимостью преодоления многих трудностей — таких, как продолжающийся рост населения, недостаток инвестиционных средств, ужесточение конкуренции, загрязнение окружающей среды и т.д.

В докладе А.А.Козлова (к.и.н., ученый секретарь ИДВ) "Концепция устойчивого развития и Китай" дан анализ разрабатываемой Китаем стратегии устойчивого развития. На последнем съезде КПК еще раз подчеркивалась необходимость выдвижения на передний план задачи обеспечения устойчивого развития, что свидетельствует о решимости Китая продолжить осуществление этой стратегии в предстоящий период. В связи со сложностью экономических, социальных и экологических проблем страны, по мнению автора, для решения этой задачи потребуется довольно длительный период времени.

Материалы конференции будут опубликованы в одном из номеров издания ИДВ "Информационные материалы".

© 2003

*Д.Смирнов,
кандидат исторических наук*

Презентация русского перевода древнейшей корейской летописи "Самгук саги" ("Исторические записи Трех государств")

15 февраля 2003 г. коллектив авторов под руководством директора Международного центра Корееведения МГУ д.и.н., профессора, академика РАЕН Михаила Николаевича Пака представил научной общественности третий, завершающий том русского перевода древнейшей из сохранившихся официальных летописей Кореи "Самгук саги" ("Исторические записи Трех государств").

В презентации приняли участие ученые-востоковеды Института востоковедения и ИДВ РАН, ИСАА при МГУ, МГИМО, а также сотрудники издательства "Восточная Литература", которые в своих поздравлениях дали высокую оценку значения публикации труда. Со словами поздравления в адрес М.Н. Пака и творческого коллектива, готовившего и издавшего труд, выступили также представители посольства Республики Корея и руководители корейской диаспоры в России.

"Самгук саги" ("Исторические записи Трех государств"), составленные по монаршему повелению казенными историографами во главе с Ким Бу Сиком (1075–1151) и изданные в 1145 г., представляют собой не только самый ранний из сохранившихся письменных памятников корейской культуры, но и выдающееся произведение корейской исторической мысли, в котором освещение исторических фактов, связанных с конкретными событиями, сочетается с их оценкой с позиций ортодоксального конфуцианства.

Для изучения ранней истории Кореи "Самгук саги" имеют такое же значение, как "Повесть временных лет" для истории Древней Руси или "Ши цзи" ("Исторические записки") Сыма Цяня для древней истории Китая. Летопись "Самгук саги" легла в основу большинства летописных сводов и трудов по древней и раннесредневековой истории Кореи и является важнейшим источником информации по истории раннего периода корейской культуры (включая историю художественного творчества).

Русский перевод этого пятидесятитомного сочинения изначально был задуман в трех частях, в первую из которых должны были войти "Летописи Силла" (12 книг), во вторую — "Летописи Когурё", "Летописи Пэкче" и "Хронологические таблицы" (книги 13–31), в третью — "Разные описания" и "Биографии" (книги 32–50).

Однако осуществление этого замысла оказалось далеко легким делом и заняло почти полвека. Первый том русского перевода вышел в 1959 г., но рукопись второго тома, завершенная к началу 80-х годов, пролежала в столе почти полтора десятилетия из-за финансовых трудностей и опубликовать второй том "Самгук саги" на русском языке и форсировать опубликование третьего тома оказалось возможным только благодаря финансовой поддержке Корейского фонда (Korea Foundation).

Если подготовку и издание первых двух томов "Самгук саги" М. Н. Пак осуществлял в основном единолично, то издание заключительного, третьего,

тома памятника стало возможным коллективными усилиями специалистов, сотрудничавших с Международным центром корееведения МГУ. В 1997 г. с целью завершения работы над последним томом "*Самгук саги*" в этом Центре была создана творческая группа из учеников и коллег М. Н. Пака - корееведов Москвы и Петербурга. В переводе текстов третьего тома наряду с известными учеными Л. Р. Концевичем и А. Ф. Троцевич, уже имевшими дело с переводами "*Самгук саги*", впервые участвовали и ученики Михаила Николаевича, принадлежащие к нескольким поколениям российского корееведения — доктор исторических наук Р. Ш. Джарылгасинова, доктор исторических наук С. В. Волков, кандидат исторических наук В. М. Тихонов и кандидат исторических наук А. В. Соловьев.

В основу русского перевода и издания "*Самгук саги*" был положен текст из коллекции известного российского дипломата и ученого П. А. Дмитриевского, хранящийся ныне в рукописном отделе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Этот экземпляр оказался сборным, составленным из рукописной, ксилографической и типографской (напечатанной подвижным шрифтом) частей. В основном он воспроизводит текст "*Самгук саги*", изданный в конце XIV в., а типографская часть напечатана шрифтом "*Хонджон силлокча*" и принадлежит к переизданию "*Самгук саги*" в 1760 г.

Для исправления ошибок и устранения имевшихся в тексте лакун и недостатков были использованы все основные издания "*Самгук саги*" и их переводы, вышедшие за последние десятилетия. Благоприятным фактором для создания комментированного русского перевода "*Самгук саги*" явилась и работа корейских ученых по текстологическому исследованию "*Самгук саги*" и переводу источника на современный корейский язык, начинателем которой был профессор Ли Бён До и которая велась затем практически до настоящего времени как в Северной, так и в Южной Корее. Значительный вклад в эту работу внесли и корейские ученые — директор Информационного центра корееведения Академии корееведения (г. Соннам, Республика Корея) профессор Чон Губок, профессор Государственного Университета Кёнсан (г. Чинджу, Республика Корея) Чхве Хаксу, а также профессор Ли Санхун.

Работа над русским переводом "*Самгук саги*" внесла существенный вклад не только в отечественное, но и мировое востоковедение: русский перевод "*Самгук саги*" стал первым и пока единственным переводом этого классического сочинения корейской историографии не только на русский, но и на европейские языки вообще. Издание на русском языке главного источника по истории Кореи способствовало пробуждению интереса у молодого поколения корееведов к изучению истории и формированию исследовательской школы по этим проблемам.

Рецензии

Титаренко М.Л. Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. М.: Памятники исторической мысли. — 2003. — 406 с.

Новая работа авторитетного российского исследователя-востоковеда, член-корреспондента РАН М.Л.Титаренко — продолжение и дальнейшее развитие идей и исследований автора, изложенных в его ранее вышедших монографиях "Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межкультурных отношений" (М., 1994), "Россия лицом к Азии" (М., 1998) и "Китай: цивилизация и реформы" (М., 1999). Книга посвящена анализу новейших данных о процессах и тенденциях развития международных политических и экономических отношений в восточно-азиатском регионе, анализу состояния и перспектив отношений России с ее основными соседями в этой части мира в начале нового столетия, в условиях все более осязательно дающих здесь о себе знать тенденций регионализации и глобализации.

Яркой особенностью книги является стремление автора сформулировать подход к проблеме на междисциплинарном уровне, подвести под исследования внешнеполитической и экономической проблематики основательный культурно-цивилизационный фундамент.

Автор книги исходит из того, что восточный вектор российской политики является своего рода «константой», историей которой насчитывает многие столетия. Другое дело, что в ходе крутых переломов в российской истории эта составляющая иногда «забывалась» национальной элитой и уходила в тень. Сильное культурно-цивилизационное влияние на Россию Западной Европы — это реальность, она давно осознана элитой и воплощена в наши дни в виде лозунга «возвращения в европейский дом». Куда сложнее разбраться с азиатским направлением и понять, что это направление российской политики не является лишь функциональным, а также имеет в своем основании

цивилизационную подоплеку.

В работе отмечается, что российская культура оказалась в необычной ситуации. Говоря упрощенно, Запад осознает как свое «иное» Восток, Восток осознает как свое «иное» Запад, но Россия осознает Запад и Восток одновременно как свое «иное» и как свое «собственное», хотя и в разных пропорциях. В связи с этим перед Россией постоянно возникает вопрос выбора способа отношения к иным культурам. При этом проблема самосознания российской элиты возникла не сегодня, а еще во времена западных реформ Петра I, «когда баланс и взаимодействие между самобытной русской культурой и внешним европейским заимствованием были односторонне нарушены» (с. 57). Парадоксальным образом «в результате распада Советского Союза сегодняшняя Россия стала даже более азиатским государством, чем была Российская империя до 1917 г. и чем была СССР» (с. 17). Потеря влияния в Восточной Европе и обретение независимости бывшими союзными республиками в западной части СССР «сместили» Россию в Азию, хотя полномасштабное осознание этого факта дается нашей элите с трудом.

Предлагаемая автором культурологическая схема восходит к некоторым идеям представителей «евразийского» течения в русской общественной мысли 1920-30-х гг., противопоставлявших исторические судьбы и интересы России и Запада, к трудам В.И.Вернадского о ноосфере и плодотворным разработкам Л.Н.Гумилева. При этом автор книги подчеркивает, что в отличие от евразийства первой половины XX века, современное евразийство более «не противопоставляет друг другу европейское и азиатское измерение» России (с. 112). По словам М.Л.Титаренко, подлинное евразийство может быть охарактеризовано как диалог культур и

дружеское сотрудничество, это "пример синтеза западного рационализма и духовной мудрости Востока" (с. 46), который воспринимает "русскую культуру как синтез Востока и Запада на основе развития собственных самобытных начал" (с. 58) и приоритета духовности. "Система евразийских ценностей, стержнем которых являются духовные ценности христианства, является моделью равноправных отношений различных цивилизаций, признающей их право на существование, развитие и сотрудничество с другими цивилизациями, другими культурами". В этом смысле методологическую концепцию М.Л.Титаренко можно назвать не только "неоевразийством" или "новым евразийством" (см. стр. 6, 17, 25), но и "постевразийством", преодолевающим ограниченность и автаркические и черты начинаний предшественников.

Другой особенностью книги является постоянная и тесная увязка проблем политики новой России в регионе в целом, ее отношений с отдельными странами Восточной Азии с решением актуальных задач социально-экономического развития российского Дальнего Востока и страны в целом. Практически во всех основных разделах книги последовательно и аргументированно проводится "программный" тезис автора: решение социально-экономических проблем российского Дальнего Востока в опоре на сотрудничество со странами АТР имеет и региональное, и общенациональное значение. Именно под этим углом зрения в книге проводится мысль о необходимости "концептуального пересмотра стратегии экономического развития России" (с. 163). "России нужна такая политика в АТР, — подчеркивает автор, — которая бы обеспечивала региональную интерпретацию общегосударственных глобальных российских интересов и общегосударственное глобальное прочтение региональных интересов..." (с. 165).

Автор доказывает, что в международной политике России азиатско-тихоокеанский и евро-атлантический векторы должны быть равноценны, так как без этого страна будет обречена на увеличение разрыва между западной и восточными частями страны. Иными словами, азиатский вектор сотрудничества является не только инструментом поддержания хороших, мирных отношений с восточными соседями, но и орудием сохранения целостности России, то есть ее внутренней безопасности. Автор подчеркивает, что вы-

равнивание приоритетов между ориентацией на Запад и ориентацией на Восток позволит максимально эффективно использовать преимущества географического положения России. Это стимулирует развитие восточных районов страны, поможет избежать межрегионального разрыва внутри России, даст шанс на более сбалансированное вхождение нашей страны в глобальную экономику. В книге отмечается, что особенностью восточно-азиатского менталитета является "стратегичность", требующая тщательного просчитывания ситуации и составления плана действий, направленных на вовлечение партнера в реализацию собственных целей (с. 121-122). По сути, книга М.Л.Титаренко является приглашением российской политической, экономической и научной элиты заняться составлением "азиатской стратегии" России. Сам труд автора — важный шаг в этом направлении.

Отмечая многие утраченные позиции и упущенные в первой половине 90-х годов шансы на сохранение (не говоря уже об укреплении) позиций России на рынках многих стран Восточной Азии (с. 331), автор выражает оптимизм в отношении новых возможностей восточной политики России в условиях провозглашенной в годы президентства В.В.Путина "равноправленной" внешней политики, и высоко оценивает практические шаги новой администрации по включению России в деятельность в АТР в рамках существующих региональных организаций, по развитию отношений с Китаем, Республикой Корея, оживлению диалога с Японией и т.п.

Вместе с тем в книге выражается тревога в связи с тем, что провозглашенные "равноправленной" политики и позитивные шаги в ее рамках не находят должной поддержки в СМИ, а главное — в конкретных мерах правительственных органов и законодателей в сфере финансов, тарифов, в разработке законодательства, способного обеспечить инвестиционную привлекательность районов российской Дальнего Востока. Именно под этим углом зрения в книге рассматриваются и оцениваются известные федеральные целевые программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья — не реализованный вариант (на 1996-2005 гг.) и новый, скорректированный вариант программы (до 2010 г.) (с. 162-163). Под этим же углом зрения в книге конкретно, с экономическими выкладками рассматриваются основные направления,

факторы и условия, определяющие возможности и перспективы интеграции России в уже существующие региональные и субрегиональные организации в АТР: в АТЭС (с. 139-155), а также возможности создания и деятельности при участии России новых субрегиональных образований в АТР, в частности, в Северо-Восточной Азии. В концентрированном виде эта тема нашла отражение в переработанном для настоящей книги докладе автора "Сибирь и Дальний Восток как стратегическая база интеграции России в АТР", вызвавшим большой резонанс на последнем Байкальском экономическом форуме (с. 156-166). В книге детально соведены перспективы сотрудничества в таких областях, как совместное освоение сырьевых ресурсов, трансконтинентальная перевозка грузов через российскую территорию, привлечение иностранной рабочей силы, коммерческое использование российских высоких технологий.

Значительное место (2 из 5 разделов) занимает в книге анализ положения в современном Китае, а также состояния и перспектив российско-китайских отношений. В разделе о внутреннем положении в Китае читатель найдет обстоятельное, детальное освещение хода и результатов реформ, их экономических и социальных результатов, идеологической ситуации в стране. Автор пишет о Китае с огромной симпатией и глубоким знанием проблем страны. В книге дается высокая оценка реальных достижений страны в ходе реформ. В их числе отмечаются высокие темпы роста экономики, достижение высоких абсолютных показателей производства основных видов продукции, значительное повышение уровня благосостояния основных слоев населения, привлечение громадных по объему иностранных инвестиций, бурный рост внешней торговли, валютных резервов, превращение страны в "мировую фабрику" не только товаров широкого потребления, но и бытовой электроники и многое другое (с. 178-183). Вместе с тем автор видит и многие трудные проблемы Китая и доставшиеся от прошлого, и возникшие в ходе реформ. Это — сохраняющийся низкий уровень душевых доходов и ВВП на душу населения, разрывы в доходах различных слоев населения, в уровне развития приморских и глубинных районов Китая, рост безработицы в городах, образование громадной массы не имеющих определенных занятий, "лишних" для деревни бывших

крестьян, обострение экологической ситуации, рост коррупции в партийно-административном аппарате и преступности, трудности перестройки крупных и средних государственных предприятий, отсутствие общегосударственной системы социального страхования (с. 184-189).

Автор специально останавливается в книге на вопросе, интересующем российскую аудиторию: о применимости у нас китайского опыта реформ и намечает ряд позиций, учет которых был бы при определенных условиях полезен. В их числе в книге выделяются: проведение реформ на основе сохранения и использования ранее созданного экономического потенциала, начало преобразований с самых слабых звеньев народного хозяйства (деревня), постепенное "введение" в рынок различных отраслей экономики, формирование на первых этапах реформы различных негосударственных и частных форм хозяйствования не вместо существующих государственных форм, а "рядом" с ними, предварительная экспериментальная проверка важнейших шагов реформы на небольшой группе предприятий, в отдельных районах либо отраслях народного хозяйства до придания тем или иным решениям общенационального характера, ориентация на учет местных различий. Принципиально важным, считает автор, стремление китайских властей соблюдать в ходе реформы следующие требования: пользу от реформ должно ощутить большинство населения; цена реформ, возможные временные тяготы должны быть сильными для населения; социально-политическая стабильность в стране — условие успешных реформ и одна из их целей (с. 346-347). В числе конкретных мероприятий реформ, по мнению автора, "серьезного внимания заслуживает китайский опыт создания благоприятного инвестиционного климата в стране" (с. 347). Вместе с тем, автор исходит из того, что в силу многих различий между Россией и Китаем простое "копирование" китайского опыта было бы непродуктивным. Более важным здесь он считает общий подход, который выработала китайская цивилизация: сначала "переваривание" иностранного опыта и идей с учетом национальных традиций и реалий, и лишь затем их использование (с. 175).

Особое внимание уделено в книге вопросу о состоянии и перспективах российско-китайских отношений, освещению важнейших событий и аспектов россий-

ско-китайских отношений в 90-е годы, приведших к заключению в июле 2001 г. Российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Автор отмечает, что побудительным мотивом российско-китайского стратегического взаимодействия явились изменения на мировой арене и рост противоречий в отношениях с Западом. «К середине 90-х годов стало ясно, что вхождение России и Китая в «цивилизованный (в «западном» понимании) мир» не состоялось. И та, и другая держава, с точки зрения Запада, остались его основными потенциальными противниками» (с. 263). Вместе с тем, отмечается в книге, уже в то время имелись, а в дальнейшем выявились и новые факторы, определяющие необходимость доверительного российско-китайского партнерства и его продолжения в XXI веке: близость или совпадение позиций России и Китая по важнейшим вопросам устройства нового мирового порядка, неприятие однополярного мира, отношение к ООН, к ряду крупнейших мировых событий и процессов, к глобализации, к сотрудничеству в Центральной Азии в деле противостояния исламскому радикализму и сепаратизму, в деле борьбы против международного терроризма. Вновь была подтверждена взаимная заинтересованность в развитии взаимовыгодных экономических и культурных связей, заинтересованность сторон в развитии военно-технических связей, в сотрудничестве в сфере добычи и транспортировки энергоносителей.

Автор отмечает наличие в Китае и иных тенденций: «внутри КНР по вопросу об отношении к России идет подспудная борьба» и линия на стратегическое партнерство с Россией в той или иной степени наталкивает на недовольство «прозападных националистических элементов» (с. 86, 197). В этой связи заключение Российско-китайского договора автор расценивает как стремление лидеров КНР обезопасить развитие отношений стратегического партнерства между двумя странами от конъюнктурных политических колебаний и укрепить свои тылы перед лицом соперничества с США (с. 197). В книге проводится мысль, что сохранение отношений партнерства будет зависеть от углубления экономического сотрудничества и политического взаимопонимания. Отсюда призыв автора «не только укреплять отношения стратегического партнерства на нынешнем этапе, но и выявлять его поли-

тические и экономические резервы с прицелом на будущее» (с. 277). Укрепление российско-китайских отношений автор рассматривает и как важный фактор развития позитивных тенденций в системе международных отношений в Азии и в глобальном масштабе (с. 304-307).

Важным резервом, способным дать новый импульс развитию этих тенденций, М.Л.Титаренко считает установление взаимовыгодного, равноправного, не направленного против других стран сотрудничества и взаимодействия России, Китая и Индии. Возможности и благоприятные перспективы такого сотрудничества перед лицом вызовов глобализации, по автору, определяются совпадением или близостью государственных интересов и позиций трех стран по большинству проблем национальной и международной политики, а также известной близости (в плане приоритета духовных, нравственных ценностей) древнейших китайской и индийской и более молодой российско-евразийской цивилизаций (с. 101-108).

Большой интерес вызывают размышления автора о корейской проблематике, выделенные в отдельный раздел. Увы, высказанные здесь и пессимистические прогнозы развития событий (с. 308) сбылись: разразившийся в конце 2002 г. кризис вокруг ядерной программы КНДР действительно привел к резкому обострению ситуации на Корейском полуострове. Изложенные в книге соображения о принципах и путях обеспечения мира и безопасности на Корейском полуострове, путях предотвращения и ликвидации здесь кризисных ситуаций в свете последних событий представляются весьма актуальными.

При анализе позиций России в АТР и ее двусторонних отношений с партнерами-соседями в Северо-Восточной Азии автор, естественно, уделяет необходимое внимание и военно-политическим составляющим этих отношений. Разделяя в подходе к вопросу о параметрах военного потенциала нашей страны, необходимых для обеспечения безопасности ее границ и интересов в регионе, позицию разумной достаточности, он в то же время вынужден констатировать, что в обстановке роста вооружений в Восточной Азии в последние годы намечается тревожная тенденция в отставании России в этой области. «Сегодня, — пишет автор, — в АТР Россию по величине военного бюджета превосходят: Япония (в 5 раз), Китай (почти в 3 раза), Республика Корея (в 2 раза).

Наш военный бюджет меньше тайваньского". В результате вооруженные силы этих государств "начинают в целом преобладать над группировкой ВС РФ на Дальнем Востоке, по отдельным же направлениям даже оставляя ее позади" (с. 83). Это может вызвать соблазн игнорировать интересы ослабевшего государства или попытки оказать на него силовое давление. В книге отмечается, что соответствующие меры по поддержанию и усилению обороноспособности страны в регионе должны приниматься и с учетом перспективы перемещения в АТР "переднего края" мирового соперничества (с. 84). Вместе с тем, как подчеркивается во всех разделах книги, решение проблем безопасности на современном этапе и в перспективе может быть надежно обеспечено на пути взаимовыгодного сотрудничества России со всеми основными акторами региона, на путях соразвития. Не случайно этот важнейший тезис и вывод автора вынесен им в название всей книги.

В своей работе М.Л.Титаренко подчеркивает роль востоковедения в изучении "цивилизационных координат" российской культуры (с. 70) и в формировании адекватной политики государства на восточном направлении. Удары госвласти по востоковедческим исследованиям сыпались в XX веке один за другим. Сперва репрессии конца 30-х, потом административные закрытия 60-х, на исходе столетия было прекращено реальное финансирование исследовательских работ (и не только по Востоку). Автор полагает необходимым "принятие срочных комплексных государственных решений как экономического, так и культурного плана для поднятия престижа востоковедной науки и создания материально-технических условий для работы педагогов и ученых-востоковедов" (с. 77). Добавим, что долгосрочное решение проблем сопряжено также и с поддержкой исследований Востока, и, в частности, Китая, российским деловым сообществом. Российские экспортеры

сырья и готовой продукции, банкиры и транспортные перевозчики нуждаются не только в узкоспециальных исследованиях интересующих их сегментов китайского рынка, но и в долгосрочном прогнозировании политико-экономической ситуации в Китае — ведь от этого будет зависеть судьба их инвестиций. Западные корпорации поняли это уже давно. То же, рано или поздно, будет и в России. Вопрос лишь в сроках, и хотелось бы верить, что кадровый и научный потенциал отечественного востоковедения не будет к тому времени окончательно утрачен.

Как отмечается в авторском предисловии, изложенные в книге взгляды, идеи и подходы являются во многом концентрированным выражением научных разработок, которые велись в последние десятилетия в ИДВ РАН, рождались в ходе дискуссий в научных коллективах, на заседаниях Ученого Совета Института, проходили апробацию на многочисленных научных национальных и международных конференциях. Справедливость требует добавить, что автором многих идей, инициатором их разработки, организатором и активным участником этих дискуссий был автор книги не только как директор Института, но и по причине широты интересов и присущего ему стремления к поиску решения актуальных проблем жизни нашей страны и сопредельных стран Дальнего Востока, особенно Китая, изучение которого стало делом его жизни.

Упомянутое в работе гумилевское понятие о пассионарности относится прежде всего к этносу, его стремлению к обновлению и развитию. Однако оно может быть применено и к отдельной личности. Книга М.Л.Титаренко наряду с острой актуальностью рассматриваемых проблем и научной глубиной их анализа, привлекает "пассионарностью" настроем самого автора, страстно и убежденно отстаивающего аргументы в пользу активизации восточного вектора российской политики и бизнеса.

© 2003

*А. Григорьев,
доктор исторических наук*

*А. Ломанов,
доктор исторических наук*

Государства Азиатско-Тихоокеанского региона: новые вызовы безопасности. Материалы круглого стола в Дипломатической академии МИД России, посвященного 70-летию Николая Николаевича Соловьева, Чрезвычайного и Полномочного посла. М.: «Научная книга», 2002, 154 с.

В Дипломатической академии МИД России осенью 2001 г. был проведен «круглый стол» по теме «Государства Азиатско-Тихоокеанского региона: новые вызовы безопасности», посвященный памяти выдающегося российского дипломата и востоковеда Николая Николаевича Соловьева, ушедшего из жизни в 1998 г., и приуроченный к 70-летию со дня его рождения.

Круг участников конференции был широк и весьма представительен: руководители и сотрудники МИД России, руководящий и профессорский состав Дипломатической академии, коллеги Н. Н. Соловьева по его деятельности на дипломатическом поприще, видные российские ученые и товарищи, с которыми он учился в Московском институте востоковедения и Институте международных отношений, его супруга и единомышленница Л. И. Соловьева.

Вся жизнь Н. Н. Соловьева была посвящена дипломатической службе и, соответственно, защите интересов сначала СССР, а затем новой России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Как считал сам Н. Н. Соловьев, новая российская политика в АТР должна базироваться на тех же общедемократических ценностях, что и в других частях мира. Это — отказ от конфронтационности, от идеологических подходов, стремление к партнерству, разоружению, разрешению споров исключительно мирными средствами. Он был уверен, что через укрепление своего положения в тихоокеанском сообществе стран Россия может существенно усилить свое влияние на общие политико-экономические процессы в мире, раскрыть свой уникальный евразийский потенциал. Как подчеркнул, открывая заседание «круглого стола», ректор Дипломатической академии МИД России Ю. Е. Фокин, «на самом деле немногим удается успешно работать в таких странах, как Япония, Китай и Индонезия. Немногим в течение дипломатической карьеры приходится курировать гигант-

ский регион с гигантским населением и гигантскими проблемами, на котором замыкаются интересы нашей страны. А вклад Николая Николаевича в отношения Советского Союза, России с этим регионом, с входящими в него странами был огромен» (с. 9).

Действительно, материалы конференции характеризуют Н. Н. Соловьева как истинного российского патриота, профессионального дипломата, сумевшего в первые, самые трудные годы российских реформ внести достойный вклад в формирование внешней политики России, сбалансированной между Западом и Востоком. По словам А. П. Лосюкова, заместителя министра иностранных дел Российской Федерации, отличительной чертой Н. Н. Соловьева, помимо высокого профессионализма, был творческий подход к делу, и «эти свои качества Николай Николаевич направлял на поиск путей к улучшению и укреплению межгосударственных связей, к утверждению здоровой атмосферы в наших отношениях со странами региона, которыми он занимался... Ему удалось сделать много доброго и полезного для того, чтобы продвинуть вперед отношения нашей страны с ее важнейшими партнерами в азиатской части мира» (с. 11-12). А. П. Лосюков полагает, что этому в немалой степени способствовали исключительно привлекательные личные качества Соловьева — доброжелательность, оптимизм, высокая человеческая культура.

Знакомство с материалами конференции дает широкое представление о личности и высоких профессиональных качествах Н. Н. Соловьева, об его активном участии в формировании профессионального мастерства у молодых дипломатов, об отношении к России стран АТР, проявившемся через общение с ним лидером ряда азиатских государств. Е. В. Афанасьев, директор Первого департамента Азии МИД России, охарактеризовал его как «человека с большой буквы» (с. 17), А. Н. Панов, Чрезвычайный и Полномоч-

ный посол РФ в Японии, - как одного из тех, «кто стоял у истоков новой эпохи развития связей со Страной Восходящего Солнца» (с. 20); М. Л. Титаренко, директор Института Дальнего Востока РАН, отметил большой вклад Н. Н. Соловьева в улучшение отношений России с Китаем: «Он показал: Россия действительно уважает национальные интересы Китая, глубоко понимает эти интересы, сопоставляет свои интересы с китайскими как равные и не противопоставляет, не ищет конфронтаций, а ищет договоренности, ищет баланс интересов. Искусство дипломатии Николая Николаевича способствовало крупным сдвигам в подходах Китая в отношении России» (с. 26).

Обращает на себя внимание приведенное в выступлении Чрезвычайного и Полномочного посла В. В. Шустова суждение Н. Н. Соловьева по вопросу, привлекающему сейчас внимание многих политологов, об отношениях трех крупных азиатских держав – России, Китая и Индии. «Мне попала, - сообщает В. В. Шустов, - интересная запись в его личных бумагах, где он пишет, что надо соизмерять каждый шаг и делать так, чтобы улучшение наших отношений с Китаем не воспринималось с подозрением в Дели, ибо взаимопонимание и добрососедские отношения между Россией, Китаем и Индией – основа системы безопасности в Азии» (с. 36).

Высокую оценку деятельности Н. Н. Соловьева в Индонезии дал начальник Отдела стран Юго-Восточной Азии МИД России В. Я. Терещенко, указавший на то, что именно при Соловьеве произошел «качественный сдвиг в наших отношениях с АСЕАН. Проводившаяся целенаправленная работа с МИД Индонезии и расположенным в Джакарте Секретариатом Ассоциации (разумеется, в ряду усилий, предпринимавшихся нашими посольствами в столицах других стран – членов АСЕАН) привела к тому, что на асеановском совещании 1996 г. в Индонезии России был предоставлен статус полномасштабного партнера по диалогу с АСЕАН» (с. 46).

Особое место в материалах конференции, безусловно, принадлежит выступлению супруги Н. Н. Соловьева – Л. И. Соловьевой (с. 57-63). Ее рассказ высветил истоки формирования незаурядной личности ее мужа, показал зависимость успеха дипломатической деятельности от характера и жизненных установок самого

дипломата. Воспоминания Л. И. Соловьевой сделали образ Н. Н. Соловьева еще более притягательным и запоминающимся.

Примечателен факт, что темой, избранной для проведения «круглого стола», были новые вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это обусловлено особой ее актуальностью в наши дни, когда обострились проблемы безопасности в мире в целом, особенно после драматических событий 11 сентября 2001г. в США, в условиях назревающей ядерной угрозы человечеству. В свое время, кстати не так давно, Н. Н. Соловьев предупредил, что на нынешнем этапе, когда Азиатско-Тихоокеанский регион отстает от Европы в решении проблем военной безопасности, «было бы естественным в центр многосторонних переговоров АТР поставить военную проблематику». В своей статье «Сибирь и Азиатско-Тихоокеанский регион», опубликованной в журнале «Международная жизнь» (1995 г. № 8), он писал: «К числу приоритетных проблем в этой сфере относятся ядерное и ракетное нераспространение за счет ужесточения режима поставок расщепляющихся материалов, передачи ракетной технологии, универсализации членства государств АТР в Договоре о нераспространении ядерного оружия. Актуальна и проблема сдерживания региональной гонки вооружений, предотвращение ее выхода на новый виток, способный дестабилизировать региональную обстановку». Надо ли говорить о том, насколько созвучны эти мысли российского дипломата реалиям международной обстановки сегодняшнего дня. В докладе А. П. Лосюкова, например, констатировано, что в регионе остается достаточно «горючего материала», способного привести к быстрому «разбалансированию обстановки в АТР»: ситуация на Корейском полуострове, в Тайваньском проливе, территориальный спор в Южно-Китайском море и др. И как самый тревожный момент, отмечена возможность смычки между восточноазиатской, афганской, и ближневосточной «ветвями» международного терроризма, что «грозит образованием трансрегиональной дуги нестабильности» (с. 13).

В докладе, специально посвященном анализу вызовов транснационального терроризма глобальной безопасности, в том числе безопасности АТР, Вл. Ф. Ли, руководитель центра АТР Дипломатической академии РФ, справедливо подчеркивает особенность проблемы безопасности в

АТР, которая заключается не только в появлении новых международных вызовов, но и в том, что в странах региона, «нет полного осознания того, что терроризм не рождается на пустом месте, не падает с неба, что его основа коренится в социальных, политических, конфессиональных и культурно-психологических пластах глобализирующихся обществ» (с. 43). Это весьма ценное наблюдение следовало бы принимать в расчет при анализе истоков современного терроризма.

В вышеперечисленных докладах и сообщениях, а также в ряде других, особенно в материалах, специально посвященных новым вызовам безопасности в АТР, рассматривается внешняя политика России и ряда других государств. Так, на проблемах российской политики на азиатском направлении остановился первый проректор Дипломатической академии Ю. Б. Кашлев. В его выступлении привлекает акцент на неразработанность концепции евразийства, на опасность исключительной ориентации на сотрудничество с Европой. «Нужно наших экономистов, наши руководящие круги в стране больше поворачивать лицом к АТР, - заключает Ю. Б. Кашлев, потому что это - будущее, и тем самым мы внесем вклад в то, что упорно пытался делать и делал нередко успешно для нашей страны Николай Николаевич Соловьев» (с. 53). Немало интересных своей реалистичностью и новизной оценок и предложений встречается в докладах главного научного сотрудника Центра АТР В. П. Федотова («К формированию диалогового механизма в АТР»), ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН Л. Ф. Пахомовой («Новые вызовы экономической безопасности для стран Юго-Восточной Азии»), слушателя Дипломатической академии

А.А. Кузнецова («Противодействие транснациональному терроризму в условиях глобализации»), главного научного сотрудника Центра АТР К. Е. Черевко («Новый подход к одному из старых вызовов Японии в АТР»).

В Послесловии, написанном Вл. Ф. Ли высказано сожаление о том, что исследователям пока недоступен уникальный посольский архив Н. Н. Соловьева, его отчеты, письма, телеграммы, аналитические и, возможно, дневниковые записи. Сказанное профессором Вл. Ф. Ли бесспорно. Интеллектуальное наследие должно служить более глубокому познанию истории России, задачам разработки современной российской внешней политики на азиатском направлении. Вместе с тем заметим, что Н. Н. Соловьев оставил не так уж мало и опубликованных работ, большая часть которых была напечатана в журнале «Международная жизнь», но ни в одном из выступлений на конференции эти публикации почему-то не были привлечены. Между тем, в печатных работах Н. Н. Соловьева четко сформулированы позиции относительно проблем безопасности в АТР, роли Китая, России и Японии в формировании нового мирового порядка, то есть именно по тем вопросам, которым и посвящена конференция. В связи с этим было бы целесообразно подготовить и издать сборник трудов Н. Н. Соловьева, не откладывая это дело в «долгий ящик».

В целом, материалы «круглого стола» представляют собой большую научную и практическую ценность, воссоздавая правдивый облик российского (советского) дипломата, последовательно и мужественно отстаивавшего интересы своей страны на международной арене и чьи идеи в контексте современности не утратили своего значения.

Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. 290 с.; 2001. 303 с.

Тема рецензируемой монографии, казалось бы, давно вышедшая из контекста текущей политической конъюнктуры, по-прежнему требует от историков научного и политического такта, взвешенных определений и оценок. Данное требование обусловлено главным образом двумя обстоятельствами. Во-первых, предметом научного анализа здесь является участие нашей страны в процессах, определивших судьбы Китая — ныне мощной мировой державы — на многие десятилетия вперед. Во-вторых, исследование затрагивает весьма непростые взаимоотношения главных политических сил Китая XX столетия — КПК, правящей ныне в КНР партии, и Гоминьдана, который остается серьезной политической силой на Тайване.

Первое издание книги А.И. Картуновой привлекло внимание специалистов по новейшей истории Китая не только обилием впервые введенного в научный оборот материала, но и четким вычленением узловых историко-научных проблем, решению которых публикация этого материала призвана содействовать. Примечательно, что некоторое увеличение объема 2-го, исправленного и дополненного издания монографии достигнуто прежде всего за счет вставок, которые более отчетливо определяют мнение автора по тому или иному вопросу.

Уже из названий глав и параграфов становится очевидным, что одна из наиболее важных для автора задач — на документальной основе показать позиции политических сил, участвовавших в революционном процессе в Китае 20-х годов XX в., группировок внутри них и их отдельных представителей по поводу конкретных политических явлений и проблем. Так, в первой главе — «От директив Москвы вести в Китае политическую пропаганду к военным поставкам Гоминьдану и Фэн Юйсяну (1923-1925 гг.)» — первый параграф озаглавлен: «Стратегия и тактика Москвы в отношении национально-

революционного движения в Китае. Отношение к военным планам Сунь Ятсена (1922-1923 гг.)». Очертив стратегию действий РКП(б) и Коминтерна в национально-революционном движении в Китае, автор отмечает, что «никаких упоминаний о военной помощи в какой-либо форме буржуазно-демократическим, национально-революционным и коммунистическим организациям и военно-политическим силам в этих странах для достижения национального освобождения и разработанной Коминтерном стратегической цели в его документах не содержалось» (с. 21; с. 22)*.

Как пишет А.И. Картунова, одним из первых (если не первым) поставил вопрос о необходимости не только пропагандистской, но и военной работы в Китае представитель Коминтерна, голландский коммунист Г. Маринг. Именно он предложил лидеру Гоминьдана Сунь Ятсену на их встрече в декабре 1921 г. наряду с организационной политической партии, «способной объединить все слои народа», также создать военную школу для подготовки революционных кадров. Эта идея не встретила возражения у лидера китайской национальной революции. Но у него уже были собственные военные планы. Возглавляя в 1921 — начале 1922 гг. правительство в Гуанчжоу, он предпринял попытку Северного похода против северных милитаристов для захвата Пекина. Экспедиция, и без того с самого начала развивавшаяся малоудачно, была сорвана переворотом военного министра Чэнь Цзюньмина, в июне 1922 г. изгнавшего Суня из Гуанчжоу. Находясь в Шанхае, Сунь Ятсен разработал два альтернативных плана военных кампаний. Первый предусматривал изгнание из пров. Гуандун Чэнь Цзюньмина и последующее наступление на Север с Юга и Юго-Запада, которое должен был поддержать северо-восточный милитарист Чжан Цзолин, а также прямую интервенцию Красной Армии в Маньчжурии. Второй план предпо-

* Здесь и далее сначала указываются номера страниц по 1-му изданию, затем по 2-му.

лагал создание базы на Северо-Западе, вдоль границы с Монголией, и организацию там армии, которую вооружил бы Советский Союз. Если А.А. Иоффе (руководитель дипломатической миссии СССР в Китае) склонен был поддержать планы Сунь Ятсена, то советское правительство отнеслось к ним более чем сдержанно, в то же время выказывая готовность к продолжению контактов с Сунь Ятсеном и оказанию ему разносторонней помощи (с. 27-28; с. 28-29).

Условия для принятия этой помощи возникли после того, как в феврале 1923 г. объединенная армия ряда южных генералов, поддержавших Сунь Ятсена, заняла Гуанчжоу и Сунь возглавил там правительство. Во время визита его военной делегации во главе с Чан Кайши в Советский Союз осенью 1923 г. руководители Реввоенсовета дали согласие на посылку в Китай советников и подготовку китайцев в военных учебных заведениях СССР. Уже осенью 1923 г. в Гуанчжоу прибыли первые военные советники, но крупные поставки вооружения южнокитайскому правительству в то время не планировались, речь шла прежде всего о помощи в обучении военных кадров (с. 37-38; с. 38-39). Положение изменилось после того, как при участии политического советника М.М. Бородина (Грузенберга) на I съезде Гоминьдана в январе 1924 г. была официально оформлена реорганизация этой партии (коммунисты получили право вступать в нее на индивидуальной основе и вошли в руководящие органы Гоминьдана) и в Гуанчжоу была создана военная школа Хуанпу (Вампу). Ее начальником стал Чан Кайши, а политическую работу осенью 1924 г. возглавил Чжоу Эньлай, назначенный начальником политотдела. Школа в значительной степени финансировалась советской стороной, обучение в ней налаживали советские советники, а в октябре 1924 г. туда была доставлена первая крупная партия советского оружия. На базе школы были организованы два учебных пехотных полка, ставшие ядром армии Гоминьдана.

Автор показывает, какие проблемы ставила перед Москвой военная помощь революционному движению в Китае. Одной из таких проблем стала необходимость финансирования и вооружения одновременно гоминьдановской армии на Юге и так называемых Национальных армий Фэн Юйсяна на Севере. Осенью 1924 г. в борьбе милитаристских группировок

на Севере временную победу одержала коалиция Чжан Цзолина, Фэн Юйсяна и Дуань Цижуя. Победители послали Сунь Ятсену приглашение в Пекин на общенациональную конференцию, которая должна была принять решение о созыве Национального собрания. Сунь Ятсен, принявший, несмотря на возражения главного военного советника П.А. Павлова (трагически погиб в июле 1924 г.) и сменившего его В.К. Блюхера, новую неудачную попытку Северного похода, оставил командование армией и в январе 1925 г. выехал в Пекин. Конференция окончилась безрезультатно, Сунь Ятсен в марте умер в Пекине. В 1925 г. основной военной надеждой Москвы в Китае постепенно становился Фэн Юйсян.

А.И. Картунова подробно описывает процесс принятия решений об оказании помощи китайским союзникам Москвы, показывает роль созданной в марте 1925 г. так называемой Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) в принятии таких решений, различия точек зрения на характер этой помощи. Так, если Л.М. Каракан, «опекавший» армии Фэн Юйсяна, и М.М. Бородин, передававший в Москву запросы гуанчжоуского правительства, считали необходимым максимально полное удовлетворение заявок китайских союзников, то первый председатель Китайской комиссии М.В. Фрунзе отстаивал дифференцированный подход к ним, считал необходимым строить военную работу прежде всего «в расчете на местные средства», отпускать имущество и вооружение в кредит, тщательно проверять реальные финансовые возможности китайской стороны (с. 57-58; с. 59-60).

Большое внимание автор уделяет деятельности видного советского военачальника В.К. Блюхера (памяти которого и посвящена книга) на посту главного военного советника в Южном Китае. А.И. Картунова подробно освещает его роль в реформировании армии южнокитайского правительства, планировании военных кампаний. В значительной степени заслугой В.К. Блюхера стала победа в I Восточном походе (февраль-апрель 1925 г.) над армией Чэнь Цзюньмина — главным военным противником Гоминьдана в Гуандуне, разгром мятежа юньнаньских и гуансийских генералов в июне 1925 г. В результате устранения непосредственной военной угрозы южнокитайской революционной базе возникла возможность преобразования 1 июля 1925 г. южнокитай-

ского правительства в Национальное и реорганизация армии, которая стала называться Национально-революционной (НРА). В октябре—ноябре 1925 г. ее войска в ходе II Восточного похода полностью разгромили армию Чэнь Цзюньмина, устранив непосредственную военную угрозу южнокитайской революционной базе. Летом 1925 г. В.К. Блюхер, учитывая программное значение Северного похода для Гоминьдана, разработал документ, известный как «Перспективы дальнейшей работы на Юге, или большой план военной работы Гоминьдана на 1926 г.». План, по сути, представлял собой подробный анализ условий осуществления Северного похода и систему соответствующих рекомендаций.

В монографии показано, что руководство ВКП(б) и Коминтерна, радея о военном строительстве Гоминьдана, в то же время, исходя из установки о временном характере соглашений с буржуазной демократией, выступило с инициативой создания специальных военных органов в структуре КПК — военных отделов разных уровней. Они нацеливались на конспиративную работу под флагом Гоминьдана, дабы «осторожно и настойчиво» добиваться перехода «фактического руководства» политработой в руки КПК, «завоевывать... руководство в военной работе Гоминьдана» (с.70-72; 73-75).

Во второй главе — «Проблема Северного похода НРА в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) и органов Коминтерна (декабрь 1925 г. — ноябрь 1926 г.)» — подробно рассматриваются мнения в руководстве ВКП(б) и Коминтерна о гоминьдановских планах Северного похода накануне этой экспедиции и на ее первом этапе (июль—ноябрь 1926 г.). Автор показывает, что Москва, настаивая на укреплении южнокитайской революционной базы с перспективой усиления там позиций левых сил, отрицательно относилась к плану Северного похода. Директивы о его недопущении приходили руководству КПК и советнической группы даже после начала активных боевых действий летом 1926 г. Вместе с тем, логично отмечает автор, «сам факт военной помощи Гоминьдану в разных формах... означал, что в Москве не исключали осуществления похода, но только тогда, когда она найдет это возможным. При этом в Москве не учитывался альтернативный вариант: поход может состояться без «санкции» Москвы» (с. 281; с. 293).

Военные успехи НРА побудили Политбюро ЦК ВКП(б) к разработке директив относительно задач крестьянского и рабочего движения на освобожденных и занятых противником территориях. Поначалу эти указания не выходили за рамки требований улучшения материального и правового положения трудящихся, вопреки «левацким» предложениям некоторых советских работников в Китае, например Г.Н. Войтинского. Постепенную радикализацию московских директив автор относит на счет влияния троцкистской оппозиции. В тексте, предположительно, оговорка — там сообщается о влиянии на политику Москвы не собственно оппозиции, а «борьбы... (курсив мой. — А.Ю.) с троцкистской оппозицией, толкавшей их (т.е. ВКП(б) и Коминтерн. — А.Ю.) по вопросам китайской революции дальше «влево»»; но, возможно, автор имеет в виду, что радикализация политических лозунгов служила для соперников оппозиции средством отрыва от нее части сторонников. Автор отмечает, что по крайней мере И.В. Сталину успехи Северного похода и поддержка его массами трудящихся внушили мысль о том, что «Ханькоу станет скоро китайской Москвой» (с. 177; с. 186).

Глава 2 во 2-м издании содержит принципиальные для автора дополнения к тексту монографии. Например, там приводятся более подробные сведения о содержании переписки В.К. Блюхера с руководством КПК (в частности, подчеркивается ведущая роль главного военного советника в получении от Чан Кайши положительного решения относительно возвращения в Китай его соперника Ван Цзинвэя — с. 175). Письма В.К. Блюхера позволяют уточнить позиции сторон по тем или иным политическим проблемам, дают представление о круге задач, которые приходилось решать главному военному советнику, и, по выражению А.И. Картуновой, «о качестве оказывавшейся советнической помощи по военно-стратегическим и военно-политическим вопросам» (с. 176). По мнению автора, В.К. Блюхер был «не только творцом планов военных операций НРА, но и движущей силой их осуществления» (там же).

В третьей главе — «Военный аспект политики Москвы в уханьский период революции (декабрь 1926 г. — первая половина 1927 г.)» — рассматриваются, пожалуй, наиболее дискуссионные с научной и политической точек зрения проблемы из тех, что затронуты в монографии.

Первая из них касается позиций, которых придерживались представители ВКП(б) и Коминтерна относительно конфликта двух центров власти Гоминьдана. Осенью 1927 г. войска НРА захватили Наньчан (пров. Цзянси), который стал ставкой Чан Кайши и контролировавшейся им части ЦИК Гоминьдана, и троюградской Ухань на Янцзы, куда переехали «левогоминьдановская» часть Национального правительства, нацеленная на сотрудничество с КПК, и руководство советнической группы. По мнению А.И. Картуновой, Москва в целом стремилась воспрепятствовать расколу в гоминьдановском руководстве. Однако в первом параграфе раздела, заголовок которого включает фразу: «Усилия Москвы с целью не допустить раскола Национального правительства и ЦИК Гоминьдана», содержатся главным образом такие материалы, которые показывают стремление московских лидеров не столько сгладить конфликт, сколько не допустить дальнейшего усиления Чан Кайши, укрепления его влияния в армии и партии, чреватого сползанием Гоминьдана «вправо». Об этом говорят и спешные акции Москвы по расширению масштабов подготовки военных кадров КПК в России, и директивы относительно усиления военной работы китайских коммунистов. Весьма красноречива в этом отношении приведенная автором цитата из резолюции ИККИ: военно-организационную работу КПК предписывалось вести «под знаменем Гоминьдана, но партия должна добиваться, чтобы фактически она... находилась в руках членов партии и наиболее близких к партии левых гоминьдановцев» (с. 202; с. 211). Вряд ли именно такого рода меры были способны как-то смягчить противоречия между Уханем и Наньчаном.

Собственно отношение Москвы к конфликту двух центров власти Гоминьдана подробно раскрывается во втором параграфе третьего раздела: «Вопрос о разрыве с Чан Кайши: позиция Москвы, М.М. Бородин и В.К. Блюхера». Примечательна формулировка, которой автор охарактеризовала позицию Москвы: «не допустить разрыва с Чан Кайши раньше времени» (курсив мой. — А.Ю.) (с. 211; с. 220). Это уточнение совершенно определенно говорит о том, что Чану в планах Москвы отводилась роль временного орудия, посредством которого штаб мирового коммунистического движения приближал достижение своих целей в Китае. Таким образом, вопрос о разрыве представлялся

в принципе решенным, разногласия касались лишь сроков и условий разрыва.

Судя по характеру представленного автором документального материала, для А.И. Картуновой важно показать, что позиция В.К. Блюхера в целом соответствовала мнению московских директивных органов. Василий Константинович считал, что после занятия Шанхая войсками НРА в конце марта 1927 г. разрыв с Чан Кайши не целесообразен (с. 223; с. 232-233). Вместе с тем приведенная А.И. Картуновой цитата из документа говорит о том, что В.К. Блюхер полагал момент для разрыва с Чан Кайши просто упущенным. По его мнению, таких моментов было несколько: например, когда войска Чана испытывали затруднения на Чжэцзянском фронте (в конце 1926 г. — А.Ю.) и в армии росло недовольство им. Приведенные автором и известные рецензенту документы того периода не дают оснований говорить о том, что в Москве когда-либо высказывались сожаления по поводу упущенных прежде возможностей для устранения Чан Кайши. Соответственно, о полной синхронности и тождественности позиций Москвы и В.К. Блюхера говорить трудно. Впрочем, само название параграфа уже предполагает какие-то различия в их мнениях.

Что касается персональных разногласий между Бородиным и Блюхером, то они наблюдались в течение всего периода их совместной работы в Китае. В немалой степени конфликт в руководстве советнической группы стал причиной первого отъезда Василия Константиновича из Китая летом 1925 г. Во время Северного похода Бородин фактически полностью подчинил себе главного военного советника и его аппарат, лишив их прямой связи с Москвой, и вынудил выполнять собственные указания. Опираясь на документы, автор демонстрирует также расхождение позиций Москвы и главного политического советника М.М. Бородина. Если директивные органы ВКП(б) и Коминтерна, согласно А.И. Картуновой, настаивали лишь на ограничении власти Чан Кайши, то Бородин решительно вел дело к разрыву Уханя и Нанкина, куда была перенесена ставка Чана в марте 1927 г. Так, решения III пленума ЦИК Гоминьдана 2-го созыва (10-17 марта 1927 г.), ограничившие формальные прерогативы Чана в ЦИК и его Военном совете, А.И. Картунова полагает полностью соответствующими московским директивам. Но вот приказ об аресте Чан

Кайши, который источники КПК связывают с инициативой Бородина, не был, согласно документам, приведенным А.И. Картуновой, согласован с Москвой, как и античанкайшистская пропагандистская кампания, развернутая в Ухане (с. 218, 220, 222; с. 228, 230, 232). Показательна в данной связи вставка во 2-е издание, в которой дается характеристика речи И.В. Сталина на собрании актива Московской организации ВКП(б) 5 апреля 1927 г. и приводится цитата из этого выступления. Сталин подчеркнул, что Чан Кайши ведет войска именно против империалистов, давая тем самым понять, что Чан пока еще служит делу революции (с. 238-239). О неучастии Москвы в разработке конкретных планов Бородина, по мнению А.И. Картуновой, говорит и постановление Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) от 6 апреля 1927 г., за неделю до антикоммунистических акций Чан Кайши предписывавшее «указать» Бородину, что его курс на разрыв с Чаном чреват губительными последствиями (с. 229; с. 239).

Примечательно, что во 2-м издании автор более отчетливо высказывается по вопросу относительно поддержки действий Бородина из Москвы или получения им соответствующих указаний от московского руководства. В 1-м издании А.И. Картунова указывает, что выводы о том, «было ли принято решение о (несостоявшемся) аресте Чан Кайши в марте 1927 г. по личной инициативе Бородина», возможны только при условии допуска исследователей к изучению документов Президентского архива (с. 230). Эти документы должны, были, в частности, показать, поддерживал ли Бородин переписку со Сталиным. Однако в «Кратких выводах» к тому же изданию монографии автор вполне определенно говорит о том, что «в Ухане вопрос о разрыве с Чан Кайши был решен самостоятельно (март 1927 г.) по инициативе... М.М. Бородина» (с. 283), тем самым до некоторой степени дезавуируя свои предыдущие осторожные заключения. А во 2-м издании автор уже считает возможным обойтись без оговорок относительно Президентского архива, утверждая «с полной определенностью», что решение об аресте Чан Кайши было принято по личной инициативе Бородина (с. 240).

Отдавая должное документальной фундированности рецензируемого исследования, вместе с тем позволительно усомниться в том, что полномочия одного из эмиссаров Москвы в Китае действи-

тельно простирались настолько далеко, что он по собственной инициативе упорно и постоянно нарушал прямые указания Политбюро (а игнорирование Бородиным официальных распоряжений Москвы отмечалось и в документах того времени, и в мемуарной литературе; см. с. 206-209; с. 216-219). Ситуацию не проясняют и отмеченные выше указания автора на связь радикализации политики Москвы в Китае с влиянием троцкистской оппозиции — в причастности к ней М.М. Бородина никто никогда не обвинял. Зато позиция Бородина, слепо верившего в революционность Уханя и прочность его политических и военных позиций (с. 220-222; с. 230-231), вполне корреспондирует с представлением Сталина об Ухани как будущей «китайской Москве».

Прямым и логичным выглядит утверждение А.И. Картуновой о том, что «Ухань объективно сам способствовал перевороту Чан Кайши» (с. 248; с. 259). В последующих разделах монографии подробно освещаются, в частности, дискуссии в Ухане (в которые были вовлечены деятели Коминтерна и М.М. Бородин) относительно военных планов Национального правительства. При этом в высказываниях Бородина, явно допустившего ошибку в определении реальной силы Чан Кайши, очевидно прослеживается желание сохранить авторитет безошибочного политического наставника: он откровенно торпедировал любые проекты, которые могут нанести урон этому авторитету (с. 256; с. 267). Антикоммунистический альянс Чан Кайши в апреле-июне 1927 г. с Фэн Юйсяном — главным в тот период получателем московских бенифиций — стал ударом для московских политиков.

Между тем курс Москвы, директивы которой становились все более радикальными, объективно вел уже к разрыву уханьских гоминьдановцев с коммунистами. Гоминьдановскому руководству предписывалось «обязательно поддержать аграрную революцию и крестьян» (с. 268; с. 280), несмотря на явное недовольство армии, в значительной степени состоявшей из землевладельцев (см. с. 260; с. 272). Одновременно советским представителям в Китае и лидерам КПК руководство пеняло на невыполнение решений Коминтерна относительно «аграрной революции, вооружения рабочих и крестьян, демократизации состава Гоминьдана» (с. 269; с. 280). По мнению А.И. Картуновой, «Москва оказалась заложницей радикальных ре-

шений VII пленума ИККИ, от которых она не могла отступить в условиях непредусмотренного развития событий в Китае» (с. 269; с. 281). Причинами невозможности такого отступления автор считает давление троцкистско-зиновьевской оппозиции, которое готово было обвинить руководство ВКП(б) и Коминтерна в оппортунизме, а также «надежды международного плана», возлагавшиеся в Москве на китайскую революцию как средство ослабления системы мирового империализма. Москва, заинтересованная в переходе китайской революции на социалистический путь, «не только политически, но и психологически» (с. 270; с. 281) не могла отказаться от этого курса. Таким образом, автор дает все основания сделать вывод о том, что политика, от которой зависели судьбы целых народов, во многом определялась не только принятыми на веру не вполне адекватными теоретическими схемами, но и текущей конъюнктурой внутренней борьбы в руководстве ВКП(б) и Коминтерна.

По мнению автора, осуществить предлагавшийся Московий курс при сложившемся «на территории освобожденных НРА провинций соотношении сил после 12 и 18 апреля 1927 г. (т.е. после антикоммунистических акций сначала в Шанхае, потом в Гуанчжоу и других крупных городах. — А.Ю.), а затем и состоявшегося военно-политического соглашения Фэн Юйсяна с Чан Кайши в июне того года» (с. 283; с. 295) было невозможно.

Заключительные выводы А.И. Картуновой выглядят вполне традиционно. Она резонно заключает, что комплекс мероприятий по осуществлению военной политики Москвы в Китае, прежде всего снабжение китайских союзников вооружением и техникой, помощь в реформировании войск, руководстве военными действиями и подготовке военных кадров, «явились огромным стимулом в подъеме национальной революции», а истоки последующего развития Китая «лежат в опыте национально-революционного движения 20-х годов, в развитии которого весомый вклад внесли ВКП(б) и Коминтерн»

(с. 283-284; с. 295-296). Отсутствие принципиальной новизны в этих выводах тем не менее не делает их излишними. Они вполне доказательны, а в зарубежной научной литературе, затрагивающей аналогичные сюжеты, нет недостатка в попытках преуменьшить советский вклад в развитие национальной китайской революции, акцентировать негативные стороны советского вмешательства в планы и судьбы той или иной из сторон, участвовавших в политических и военных баталиях.

Осторожность автора, которая избегает политизированных и морализующих выводов относительно главных субъектов рассматриваемых ею исторических событий, ни в коей мере не мешает ей отчетливо выражать свою позицию по ключевым проблемам рассматриваемой темы. Другое дело, что А.И. Картунова принципиально избегает широких теоретических обобщений. Действия и мнения целого ряда лиц она оценивает прежде всего с точки зрения их соответствия конкретным целям и реальной ситуации, а содержание тех или иных планов и директив — с точки зрения их адекватности моменту и осуществимости. При этом все свои оценки она стремится подкрепить документально.

К сожалению, во 2-м издании книги сохранились опечатки и оговорки, допущенные в 1-м издании. В частности, утверждается, что предложения Маринга Сунь Ятсену относительно организации политической партии и создания военной школы были высказаны в декабре 1922 г. (с. 26; с. 27), тогда как это было в декабре 1921 г. — в материале, на который ссылается А.И. Картунова, стоит именно последняя дата. Однако и неизбежные, к сожалению, при современной постановке редакционного и издательского процесса погрешности, и объективная дискуссионность некоторых заключений автора не умаляют достоинств монографии. Она не только представляет собой весомый вклад в исследование проблем военной политики Москвы в Китае, но и может служить для молодых историков образцом научной добросовестности и последовательности в отстаивании собственных научных позиций.

Материалы серии заседаний круглых столов «Страницы прошлого (Из истории политики Советского Союза на Корейском полуострове в 40-80-е гг.)» М., 2002. 53 с., «Корейская проблема в квадратуре Россия — США — Китай — Япония» М., 2002. 80 с. и «Российская политика и ситуация на Корейском полуострове: настоящее и будущее» М., 2002. 75 с.

В конце минувшего года были опубликованы материалы серии заседаний круглых столов, организованных Международным общественным фондом социально-экономических и политических исследований (Горбачев-Фонд) в рамках проекта «Российско-корейские отношения в архитектонике Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона».

Одна из основных задач данного проекта, по словам его руководителя, чл.корр. РАН В.А.Медведева, была в том, чтобы подойти к обоснованию российской политики на Корейском полуострове. Главным приоритетом этой политики должно быть движение по пути объединения корейского народа и Корейского полуострова.

Исследовательский проект был реализован благодаря поддержке Корейского фонда (Korea Foundation, Республика Корея). [Было особо отмечено, что проект не носит официального характера, поэтому его участники привлекались не как официальные представители своих организаций, а на личной основе как ученые, как творческие работники. В состав основной исследовательской группы вошли В.А.Медведев, В.Ф.Ли, М.Н.Хан, Ю.А.Красин и А.С.Черняев].

С сентября по ноябрь 2002 г. состоялись три круглых стола: «Страницы прошлого» (26 сентября 2002 г.), «Корейская проблема в квадратуре Россия — США — Китай — Япония» (17 октября 2002 г.), «Российская политика и ситуация на Корейском полуострове: настоящее и будущее» (6 ноября 2002 г.).

Первый круглый стол «Страницы прошлого (Из истории политики Советского Союза на Корейском полуострове в 40-80-е гг.)» был посвящен возникновению и развитию корейской проблемы после окончания Второй мировой войны и до конца 1980-х гг. Для обсуждения основным докладчиком М.Н.Ханом были предложены следующие темы: стратегическая

линия Советского Союза на Корейском полуострове до вступления в войну с Японией; история установления коммунистического режима в Северной Корее; влияние XX съезда КПСС на внутривнутриполитическую ситуацию в КНДР; позиция ТПК в советско-китайском противоборстве в 1960-е гг.; развитие советско-северокорейских отношений в 1970-80-е гг. В заседании приняли участие В.И.Денисов, проф. МГИМО; Р.В.Савельев, вед.науч.сотр. ИДВ РАН; Г.Н.Коротков, консультант Института военной истории.

Оценивая значение Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в 1945 г., ученый и дипломат В.И.Денисов отметил, что оно было одной из попыток добиться единства Кореи. Но его решения вряд ли могли отвечать интересам большинства корейского народа, так как и корейский народ, и тогдашняя молодая политическая элита Севера и Юга Кореи уже тогда были расколоты и непримиримы. Ю.А.Красин, в свою очередь, подчеркнул, что конфронтация на Корейском полуострове была неизбежной в условиях зарождения биполярной международной системы и острого соперничества Советского Союза и США. Говоря об ответственности великих держав за раскол Кореи, Р.В. Савельев поднял вопрос и о роли американско-южнокорейской стороны, в частности, могли ли они предотвратить войну и раскол, и что они предприняли для этого. Он заключил, что обе стороны в тот период действовали под влиянием своих амбиций, пытались объединить страну под своим началом.

Выступая на круглом столе руководитель Центра АТР ИАМП Дипакадемии проф. В.Ф.Ли, обратил внимание на весьма сдержанную и реалистическую политику советского руководства в первые годы после освобождения Кореи. В частности, показательно Директива командующему советскими войсками в Северной Корее ген. Чистя-

кову от 8 августа 1945 г., в которой содержалось прямое указание «не вводить советских порядков» на освобожденной территории Кореи и уделить первоочередное внимание формированию общедемократических органов народного самоуправления. Не менее интересна и первоначальная оценка советским руководством возможности вооруженного вторжения Северной Кореи на Юг. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 сентября 1949 г. говорилось, что возможная агрессия таит в себе угрозу затяжной и разрушительной войны на полуострове, повлечет иностранную военную интервенцию, сделает в свою очередь невозможным мирное объединение Кореи.

Оценивая значение этого круглого стола, нельзя не согласиться с тем, что состоявшийся разговор был очень полезным и содержательным и в плане большей информации о многих сложнейших событиях на Корейском полуострове, и в методологическом отношении в смысле выработки общих подходов к теме проекта.

Второй круглый стол прошел под названием «Корейская проблема в квадратуре Россия — США — Китай — Япония». Он был посвящен обсуждению международной ситуации вокруг Корейского полуострова, анализу международных факторов развития межкорейских отношений. В заседании, кроме членов исследовательской группы, приняли участие президент Международного общественного фонда социально-экономических и политических исследований М.С.Горбачев; В.И.Денисов, проф. МГИМО; С.Г.Лузянин, проф.МГИМО; М.Г.Носов, зам.директора Института США и Канады РАН; В.Н.Павлятенко, проф. ИДВ РАН; А.Н.Федоровский, проф. ИМЭМО РАН; В.Г.Хорос, проф. ИМЭМО РАН; Н.Н.Томилина, редактор журнала «Корус Форум» и Д.А.Володин, аспирант ИСК РАН.

В постановочном докладе Ю.А.Красин и А.С.Черняев выделили основные проблемы для обсуждения, а также дали свою оценку происходящим в регионе процессам и роли России в них. В качестве основных вопросов были определены следующие: вектор совпадения интересов по корейскому вопросу у четырех главных «игроков» на силовом поле АТР; взаимовлияние процесса развития межкорейских отношений и интеграционных процессов в СВА и АТР; возможности России для влияния на региональное силовое поле. Отвечая на поставленные вопросы, Ю.А. Красин высказал мнение, что хотя процесс интеграции оказывает пози-

тивное влияние на внутреннее развитие Корейского полуострова, он не зависит от состояния межкорейских дел. Интеграция продолжится и без Кореи, которая в результате этого может оказаться на обочине магистрального развития региона.

В качестве одного из наиболее интересных и содержательных в информационном плане выступлений был отмечен доклад о китайской позиции по корейскому вопросу, подготовленный С.Г.Лузяниным. Докладчик попытался резюмировать аргументы «за» и «против» в позиции КНР по вопросу воссоединения Кореи. Официальная позиция состоит в подталкивании Пхеньяна к диалогу с Югом. Здесь играют роль: 1) экономический фактор — в процессе объединения Кореи возникнет новая «зона» интересов для китайского рынка; 2) фактор безопасности, при условии сокращения и полного вывода американских войск

В то же время у Китая есть глубокие мотивы для противодействия объединению. Среди них, во-первых, геополитический момент. В случае объединения по южной модели, закономерное усиление позиций США и Японии абсолютно невыгодно Пекину в ближней и в долгосрочной перспективе. Во-вторых, с идеологической точки зрения, опять же в случае объединения по южной модели или даже в случае равноправной интеграции, Китай потеряет своего союзника — КНДР. Оценивая перспективы китайско-корейских отношений, автор предполагает, что Китай будет продолжать оказывать воздействие на Пхеньян в плане реального начала рыночного эксперимента по всей стране. Но на ближайшую перспективу, политика Китая, скорее всего, будет строиться на сохранении нынешнего баланса и «статус кво» (две Кореи).

В.Н.Павлятенко, подробно рассмотрев исторический фон японской политики на Корейском полуострове после Второй мировой войны, пришел к выводу, что в выработке японской позиции важную роль играет конъюнктурный, «игровой» момент: У Японии есть желание обеспечить собственные национальные интересы, решая эту проблему наиболее выгодным для себя образом, но целый ряд обстоятельств (позиции КНР и США — Т.Ц.) выше их возможностей. Слабая сторона японцев в том, что они все-таки не могут полностью освободиться из-под американского влияния.

В выступлении, посвященном позиции США, М.Г.Носов отметил, что, как та-

ковая, проблема воссоединения Кореи в повестке дня для Вашингтона просто не стоит. Главные приоритеты — это сохранение стабильности в регионе и устранение терроризма и оружия массового поражения. Среди инструментов политики США в Корею докладчик выделил вовлечение, давление (экономическое давление, давление по линии прав человека) и их комбинации.

В.И.Денисов, в целом рассмотрев особенности политики США, Китая и Японии на Корейском полуострове, их подходы к проблеме объединения Кореи, фактически подвел базу под формулирование корейской политики России. На взгляд опытного дипломата, России нужно совершенствовать нынешний дружественный характер отношений с двумя Кореями; не допускать осложнения военно-политической ситуации на полуострове; поощрять межкорейский диалог; поддерживать безядерный статус Кореи и ракетное нераспространение; поддерживать взаимовыгодные торгово-экономические связи с Северной и Южной Кореей.

Подводя итоги дискуссии, нужно отметить, что несмотря на различные точки зрения и оценки ситуации на Корейском полуострове, большинство участников круглого стола сошлись в следующих выводах:

- в нынешних условиях четыре великие державы (США, КНР, Япония и Россия) заинтересованы в той или иной степени в сохранении регионального статуса кво — ни одна из держав не заинтересована в серьезной дестабилизации ситуации на полуострове;

- у России нет объективных причин для воспрепятствования мирному объединению Кореи. Она, в отличие от остальных государств региона, меньше всего (или почти ничего не) теряет от объединения полуострова;

- России, наряду с остальными заинтересованными державами, необходимо развивать свое активное участие в урегулировании корейской проблемы, поддерживать отношения с обоими корейскими государствами и способствовать мирному объединению корейской нации.

Третий круглый стол, логически завершил и обобщил результаты прошедших дискуссий. Он прошел под названием «Российская политика и ситуация на Корейском полуострове: настоящее и будущее». Руководитель проекта В.А.Медведев обозначил два крупных блока проблем для обсуждения: 1) современная политика России на Корейском полуострове

и 2) возможные варианты развития событий на полуострове. Особое внимание было уделено ситуации в Северной Корее. В мероприятии приняли участие В.И.Денисов, проф. МГИМО; В.В.Михеев, зам. директора ИДВ РАН; А.В.Воронцов, зав.сектором ИВ РАН; А.З.Жебин, науч.сотр. ИДВ РАН; М.Е.Тригубенко, руководитель Центра азиатских исследований ИМЭПИ РАН; А.Н.Федоровский, руководитель Центра корееведения ИМЭМО РАН; Н.Н.Томилина, редактор журнала «Корус Форум».

Концептуальной основой для обсуждения политических проблем полуострова стало выступление М.Е.Тригубенко, посвященное анализу состояния и перспектив межкорейского экономического сотрудничества и экономического взаимодействия корейских государств с Россией. Отметив положительные тенденции в развитии экономической ситуации (рост объемов межкорейской торговли, инвестиционные проекты, начало экономических реформ на Севере), докладчица обратила внимание на серьезные препятствия на этом пути: жесткое регулирование внешнеэкономических отношений со стороны РК, и КНДР; слабое развитие совместного предпринимательства. В отношениях России с корейскими государствами основной проблемой продолжают оставаться, как отметила М.Е.Тригубенко, взаимные долги (северокорейский долг России и российский долг Южной Корее).

С переходом к политическим проблемам дискуссия приобрела яркий полемический характер. В этом смысле тон задавало выступление В.В.Михеева. Придя в своих рассуждениях к выводу, что поскольку у северокорейского режима фактически исчерпаны внешнеполитические ресурсы и главным инструментом его политики на международной арене стали шантаж и давление, господин Михеев предположил, что и для всех остальных региональных держав основным средством для обеспечения безопасности в СВА и АТР должно стать жесткое скоординированное (в духе международной анти-террористической коалиции) давление на Пхеньян. В ответ на это достаточно спорное предложение другой известный кореевед А.В.Воронцов возразил, что подключение России к механизму взаимодействия США, Японии и Южной Кореи (трудно представить себе возможное участие Китая в этой коалиции, — Т.Ц.) для усиления изоляции КНДР будет фактически означать отказ от стремления играть са-

мостоятельную роль на Корейском полуострове и конец собственной самостоятельной политике в этом районе мира. Воронцов отмечает, что нынешняя политика российского руководства, в отличие от политики администрации Буша, представляет собой пример дальновидного подхода, направленного на последовательное вовлечение Северной Кореи в международное сообщество. Именно подобное «мягкое» воздействие на Пхеньян способно, по мнению докладчика, привести к постепенной трансформации политического режима в КНДР.

Другой представитель Института Дальнего Востока А.З.Жебин заострил внимание на международных аспектах корейской проблемы. Имея в виду уникальное геополитическое положение Корейского полуострова, он считает, что нынешние частные проблемы (вокруг северокорейских ядерной и ракетной программ) возможно правильно оценить и понять только в контексте соперничества основных лидеров региона США, Китая и КНДР.

Не имея возможности в краткой рецензии остановиться на всех интересных выступлениях и выводах участников дискуссии отмечу, что по мнению большинства докладчиков выводы обсуждения сводятся к следующему:

- Активность нынешней корейской политики России принесла важные позитивные результаты. Необходимо продол-

жать взвешенный курс развития двусторонних отношений с РК и КНДР;

- Нужно признать наличие серьезного потенциала у северокорейской дипломатии. У заинтересованных государств нет иного пути, кроме как противопоставить ей еще более гибкую и маневренную дипломатию, в том числе и по ядерному вопросу;

- Национально-государственным интересам России отвечает экономическое возрождение Северной Кореи через реформы и политику большей открытости;

- Исключая силовой способ решения корейской проблемы, в т.ч. по ядерной проблеме необходимо продолжать поиск особых мирных вариантов межкорейского синтеза и конвергенции.

В целом дискуссию, состоявшуюся в рамках проекта «Российско-корейские отношения в архитектонике Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона», следует оценить как продуктивную и содержательную. Обсуждение в ходе круглых столов позволило их участникам сделать очередной шаг к выработке общих подходов к изучению корейской проблемы, ее развития и ее международных аспектов, а также к выверке основ российской политики в регионе. Полагаю, что опубликованные материалы будут, без сомнения, интересны как специалистам-регионоведам, так и всем читателям, интересующимся международной проблематикой.

**Яскина Г.С. Монголия и внешний мир.
М: Институт Востоковедения РАН, 2002. 370 с.**

Г.С. Яскина — один из самых активно пишущих и разносторонних политологов современной России. На протяжении вот уже многих лет из-под ее пера регулярно выходят монументальные труды, посвященные различным регионам, странам и проблемам. Г.С. Яскина писала о Балтии и Корее, о западноевропейской интеграции и китайских реформах, о процессах глобализации и причинах застоя в экономике Японии. Причем, все исследования ученого неизменно отличаются глубиной, масштабностью, прозорливостью и легким, приятным для чтения стилем.

Новая книга это, однако, не просто очередная работа Г.С. Яскиной. Свою научную карьеру она начинала именно как монголистка, именно изучению Монголии отдала большую часть своей сознательной жизни. Нет, пожалуй, аспекта жизни монголов, который не подвергся бы скрупулезному анализу со стороны Г.С. Яскиной. Даже произведения монгольских писателей переводились ею на русский язык! Свою монографию «Монголия и внешний мир» Г.С. Яскина рассматривает как «дань глубокого уважения стране и ее людям, с которыми судьба связала автора на долгие годы» (с. 2).

Надо сказать, что монголы платят Г.С. Яскиной взаимностью, называя ее ведущим специалистом по своей стране не только в России, но и во всем мире. Я пока не встречал в научных кругах монгола, который не знал бы имени Галины Сергеевны и не выражал бы своего восхищения этой женщиной. Думается, что рецензируемая монография еще выше поднимет авторитет Г.С. Яскиной в Монголии.

Эта книга — ценный вклад в мировую политологию и монголоведение, настоящая политическая энциклопедия Монголии XX столетия. Ничего подобного по охвату явлений и событий, их системному анализу не появлялось ни в отечественной, ни в зарубежной науке. А ведь Монголия заслуживает подобного внима-

ния к себе. Как справедливо отмечено в предисловии к книге, Монголия — «страна во многом уникальная». В ней «до сих пор сохраняются многие черты уже исчезающей в мире кочевой цивилизации». Кроме того, это страна, которая «после семидесяти лет истории, насыщенных борьбой «за полную и окончательную победу социализма», в одночасье круто изменила свою судьбу, решительно отказалась от социалистической ортодоксии, и вступила на путь создания нового демократического общества с экономикой рыночного типа» (с. 5). Специфичность (и геополитическую важность) придает Монголии ее местонахождение между двумя гигантами — Россией и Китаем. Нельзя не заметить растущей активности на монгольском направлении Японии и США. Короче говоря, исследование роли и значения Монголии в мировых связях представляет большой научный и практический интерес.

Открывается работа главой, в которой подытоживается опыт существования МНР в период «холодной» войны. Г.С. Яскина делает это с позиций сегодняшнего дня, смело ревизуя устаревшие постулаты и в то же время высокопрофессионально полемизируя с экспертами, огульно очерняющими прошлое. Автор, в частности, выражает несогласие с теми монгольскими специалистами, которые утверждают, что МНР до 1990 г. фактически не имела самостоятельной внешней политики. Г.С. Яскина справедливо указывает, что внешнеполитический курс Монголии до начала 1990-х гг. объективно определялся «потребностями соблюдения внешних гарантий ее государственности, необходимостью получения внешней помощи для развития экономики и решения социальных проблем» (с. 12).

В следующей главе раскрывается взаимосвязь между демократическими преобразованиями в Монголии и корректировкой ее внешней политики. Автор пи-

шет, что «вхождению в новый виток своей истории Монголия во многом обязана стечению внешних обстоятельств, среди которых главную роль сыграла дезинтеграция СССР, возникновение нового государственного образования — Российской Федерации, также радикально изменившей основные советские подходы и задачи внешней политики» (с. 45). Повлиял на монголов и китайский фактор: успехи реформ в КНР, перспективы налаживания с Китаем выгодных деловых связей. Одновременно Улан-Батор стал проявлять интерес к сотрудничеству с Японией и США, «усматривая в этом возможность получить поддержку политическим и экономическим преобразованиям, доступ к техническим и технологическим достижениям, а главное — заручиться гарантиями своей национальной безопасности» (с. 49).

Третья глава посвящена российско-монгольским отношениям. Констатирует, что Монголия «усматривает и признает за Российской Федерацией роль одного из двух великих соседей со всеми вытекающими отсюда последствиями» (с. 78). Давая преимущественно позитивную оценку прежним советско-монгольским отношениям, Г.С. Яскина указывает, что «поддержка суверенитета и независимости Монголии Советским Союзом...была и остается наиболее важной и ценной частью российской политики в отношении Монголии до сих пор» (с. 81).

В главе подробно рассказывается об обновленных, строящихся на полностью равноправных основах, дружеских, но не союзнических отношениях между современными Россией и Монголией: подчеркивается общность или близость подходов двух стран к ключевым проблемам мировой политики, характеризуются двусторонние военные, торгово-экономические и научно-технические связи, раскрываются перспективы межрегионального сотрудничества и приграничных контактов. Автор приходит к выводу, что Россия и Монголия «в настоящее время сближаются быстрыми темпами», «Улан-Батор продолжает последовательно проводить в практику курс на всестороннее сотрудничество с Россией, а Москва отводит Монголии особое место в системе внешнеполитических приоритетов России» (с. 145).

Ценнейший архивно-документальный материал содержится в четвертой главе монографии, повествующей о монголо-китайских отношениях. Благодаря этому, роль Китая в политической истории и реалиях современной Монголии, пожалуй, впервые в мировой историографии, раскрыта самым исчерпывающим образом. Выверен и фундирован тезис о том, что на нынешнем этапе Улан-Батор использует хорошие отношения между Москвой и Пекином «для укрепления взаимного доверия, развития добрососедских связей и взаимовыгодного сотрудничества и с Россией, и с Китаем» (с. 177). Негативные моменты в монголо-китайских отношениях, уходящие корнями в прошлое, Г.С. Яскина считает второстепенными, не способными сорвать долгосрочное сотрудничество двух суверенных государств (см. с. 176-186).

В пятой главе, также на обширной документальной базе, рассматривается история конфронтационных отношений между Монголией и Японией на протяжении всей первой половины XX столетия, неоднозначный процесс восстановления монголо-японских связей в период «холодной» войны, обстоятельно рассказывается о набирающем обороты сотрудничестве двух стран на нынешнем этапе. Для Монголии помощь и инвестиции из Страны Восходящего Солнца имеют очень большое значение (с. 222-223), Токио же преследует в Монголии как экономические, так и геополитические цели (с. 226).

В очень содержательной шестой главе прослеживается эволюция монголо-американских отношений. Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что «пока Монголия не выйдет из переходного периода, модель ее взаимоотношений с США будет строиться, с одной стороны, на монгольских расчетах получать материальную и моральную поддержку своим реформам, а с другой — на стремлении США утвердиться в Центральной Азии» (с. 250). Из этой же главы читатель узнает о связях Улан-Батора с другими странами Запада.

Последняя, седьмая глава содержит важные теоретические обобщения, касающиеся роли внешнего мира в решении монгольских проблем переходного периода. Речь идет о внешнеполитической под-

держке демократических преобразований в стране, роли донорского движения и международных организаций в развитии экономики Монголии, значении внешней торговли для Монголии.

В заключении книги российской политолог делает вывод о том, что «Монголия в настоящее время располагает всеми необходимыми предпосылками к тому, чтобы превратиться в XXI веке в развитое демократическое государство с рыно-

чной экономикой, приоритетом прав человека, сохранившее самобытную культуру и традиции, имеющее значительный вес в региональных и глобальных делах мирового сообщества» (с. 313).

К сказанному выше стоит лишь добавить выражение благодарности видному российскому политологу Г.С. Яскиной за то, что она обогатила отечественную науку еще одним ярким фундаментальным исследованием.

© 2003

*Е. Бажанов,
профессор, доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки России*

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).
2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6,0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.
4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.
5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

- а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...
- б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...
- в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Для печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Для интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы. Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 15.02.2003 г. Подписано к печати 18.03.2003 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{8}$
Офсетная печать. Усл.печл. 15,6. Усл. кр.-отт. 15,0 тыс. Уч.-издл. 14,7 Бум. л. 6,0
Тираж 949 экз. Зак. 7092

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2003 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Научный Совет РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая совместно с ИДВ РАН и Ассоциацией китаеведов РАН 23-25 сентября 2003 г. проводят XIV Международную научную конференцию “Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы”. Особое внимание организаторы конференции предполагают уделить теме:

“КИТАЙ: ШАНСЫ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ”.

На конференции будут работать секции:

“XVI съезд КПК: новая парадигма политики и социальных отношений в Китае. (руководители секции д.ю.н. Л.М.Гудошников и д.и.н. Н.А.Мамаева).

- История и историография Китая, традиции и современность” (руководители А.М. Григорьев и д.и.н. Л.С.Переломов).
- “Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия” (руководители секции д.э.н. В.В. Михеев и д.э.н. Э.П. Пивоварова).
- “Глобализация и проблемы отношений Китая с Россией, США, Японией, Индией и другими странами” (руководители секции д.и.н. Б.Т. Кулик, д.и.н. А.Г. Яковлев).
- “Проблемы и перспективы межцивилизационных связей Китая с другими странами в условиях глобализации” (руководители секции д.филос.н. А.Е. Лукьянов, д.и.н. С.А.Торопцев и д.и.н. А.В.Ломанов).

В период работы конференции планируется провести “круглый стол” по теме “Глобализация и китайский фактор в мировой экономике”.

На конференцию приглашены ведущие китаеведы России, стран СНГ, ученые из КНР, Кореи, Японии, США и европейских стран. Приглашаем также и Вас принять участие в конференции. Просим сообщить о Вашем согласии и тему доклада в Оргкомитет до 1 мая 2003 года.

Тезисы докладов (объем до 8000 символов с пробелами в формате RTF, указать в правом верхнем углу Ф.И.О., место работы и ученую степень автора, сноски должны следовать после текста, просьба не отягощать тезисы большим количеством сносок) следует направлять по адресу: 117997, Москва, Нахимовский пр., 32, ИДВ РАН, а также по электронной почте roschagina@ifes-ras.ru с пометкой “Оргкомитет”. Тезисы будут опубликованы только в том случае, если они полностью соответствуют вышеуказанным требованиям оформления и присланы в Оргкомитет не позднее 1 мая 2003 г.

Председателем Оргкомитета конференции является зам. директора ИДВ РАН, Асланов Рустам Мамедович (тел. 124-01-29), Ученым секретарем Научного совета и Оргкомитета - Почагина Ольга Валерьевна (тел. 124-03-02). Конференция состоится в помещении ИДВ РАН.